

Йост МЕТЦЛЕР

ИСТОРИЯ ПОДЛОДКИ «U-69»

«Смеющаяся корова»

Annotation

Йост Метцлер был одним из ведущих командиров немецкого подводного флота времен Второй мировой войны. С февраля 1941 года по февраль 1943-го на подлодке «U-69» с экипажем из сорока четырех человек он участвовал в подводной войне в Северной Атлантике и у побережья Африки. В своей книге Метцлер рассказывает о работе членов экипажа подлодки и боевых операциях, которые они осуществляли.

- [Йост Метцлер](#)

- ☐ [Глава 1](#)
- ☐ [Глава 2](#)
- ☐ [Глава 3](#)
- ☐ [Глава 4](#)
- ☐ [Глава 5](#)
- ☐ [Глава 6](#)
- ☐ [Глава 7](#)
- ☐ [Глава 8](#)
- ☐ [Глава 9](#)
- ☐ [Глава 10](#)
- ☐ [Глава 11](#)
- ☐ [Глава 12](#)
- ☐ [Глава 13](#)
- ☐ [Глава 14](#)
- ☐ [Глава 15](#)
- ☐ [Глава 16](#)
- ☐ [Глава 17](#)
- ☐ [Глава 18](#)
- ☐ [Глава 19](#)
- ☐ [Глава 20](#)
- ☐ [Глава 21](#)
- ☐ [Глава 22](#)
- ☐ [Глава 23](#)
- ☐ [Глава 24](#)
- ☐ [Глава 25](#)
- ☐ [Глава 26](#)
- ☐ [Глава 27](#)
- ☐ [Глава 28](#)
- ☐ [Глава 29](#)
- ☐ [Глава 30](#)
- ☐ [Глава 31](#)
- ☐ [Глава 32](#)

☐ Глава 33

- notes

☐ 1

☐ 2

☐ 3

☐ 4

☐ 5

☐ 6

☐ 7

☐ 8

☐ 9

☐ 10

☐ 11

☐ 12

☐ 13

☐ 14

☐ 15

☐ 16

☐ 17

☐ 18

☐ 19

☐ 20

☐ 21

Йост Метцлер
История подлодки «U-69»
«Смеющаяся корова»

Глава 1

РАЗВЕ БЫВАЕТ ЧТО-ТО БОЛЕЕ УЗКОЕ?

Первым человеком, поднявшимся на борт новой субмарины, которая долгие месяцы простояла на стапелях судовой верфи Крупна в Киле, был старший механик. Он наблюдал за медленным строительством подводной лодки, за установкой различных приборов, электропроводки, топливных баков и балластных цистерн.

Затем свои места на борту подлодки заняли механики — машинные унтер-офицеры.

Непосвященным трудно объяснить принцип действия подводной лодки. Снаружи она похожа на длинный сигарообразный цилиндр, на корпусе которого расположены боевая рубка, дифференциальные цистерны, обшивка легкого корпуса и так далее. С точки зрения большинства людей, самой главной особенностью субмарины является недостаток пространства внутри.

Подлодка поделена на четыре водонепроницаемых отсека. Если один из них даст течь, то стальные двери предотвратят поступление воды в другой. Это чисто гипотетическое утверждение, потому что на практике, когда субмарина получает повреждение, затопление происходит так быстро, что двери просто не успевают задрать.^[1]

На корме располагается кормовой торпедный аппарат и столовая для старшин. Напротив торпедного отсека находится отделение гребных электродвигателей с двумя электромоторами — электродвигателями, предназначенных для движения лодки под водой. На нескольких кубических футах теснятся камбуз и кладовая с продовольственными запасами.

За очередной переборкой находится машинное отделение — сердце подводной лодки. Это владения старшего механика. Непрофессионал же здесь обнаружит беспорядочное скопление разнообразных кнопок, рычагов и колесиков, измерительные приборы, манометры и настоящий лабиринт из проводов. Каюта капитана располагается рядом с машинным отделением; от остальной лодки она отделена занавеской. Там места хватает только для очень маленького складного столика и комода, идеально подходящего для кукольного домика.

Весь следующий отсек занимают аккумуляторные батареи,

вырабатывающие энергию для подводных маневров. Над ними расположены каюты офицеров и главных старшин. Чтобы экипаж подводной лодки с уважением относился к этим крошечным непрезентабельным помещениям, им присвоили гордые названия: каюта капитана, офицерская кают-компания, столовая для старшин. Все отделения там столь узкие и маленькие, что во время строительства субмарины невозможно было себе представить, как смогут люди жить на этом корабле несколько недель подряд. 500-тонная подводная лодка такого типа имеет длину примерно 210 футов, а в ширину — не более 50.

В носовой части находится главный торпедный отсек с четырьмя торпедными аппаратами, которые и являются смертоносным оружием этого корабля. Здесь также хранятся запасные торпеды. Таким образом, несколько тонн спрессованной взрывчатки находится в жилых помещениях и без того пребывающего в стесненных условиях экипажа.

Все знают, как подводная лодка выглядит снаружи. В центре лодки возвышается бронированная боевая рубка. Внутри нее вверх-вниз двигается перископ. На боевой рубке находится так называемый мостик, который, когда лодка идет в надводном положении, заполнен людьми и с которого экипаж при помощи специальных длинных полевых биноклей неумоимо изучает горизонт, небо и воду. Спуск из боевой рубки осуществляется через люк, по которому в случае тревоги люди скатываются вниз в центральный пост вверх тормашками. Происходить это должно за считанные секунды. На носу субмарины находятся пилы для резки сетей, так как большинство вражеских портов оснащено противолодочными сетями. И наконец, артиллерия: в носовой части — орудие калибром 8,8 см, а в так называемом «зимнем саду» — специальной орудийной платформе, находящейся за мостиком, — 20-мм зенитный автомат. Непрофессионалу трудно понять, почему орудия, когда лодка находится под водой, не получают повреждений, ведь никаких затычек у них нет. Вода, естественно, попадает в дула, но, тем не менее, орудие всегда готово к ведению огня сразу же, как только субмарина всплывает.

У каждого члена экипажа подводной лодки «U-69», состоящего из 44 человек, были свои обязанности, поэтому отсутствие нескольких моряков может сильно снизить боеспособность субмарины. На подводной лодке запасных людей нет. Каждого матроса можно считать незаменимым. Вот примерная картина их обязанностей: «электрики» из Гамбурга во время строительства наблюдали за установкой всей радиоаппаратуры, эхолота и GHG (группы приемных устройств со сложной аппаратурой усиления звуков). Также там были

торпедный старшина из Саксонии, отвечавший за взрыватели; старший механик Роудер из Килия, который должен был знать лодку вдоль и поперек до последнего винтика, чтобы на глубине поддерживать субмарину в боеспособном состоянии и предотвращать поломки; офицеры, отвечающие за торпеды и орудия; главный рулевой, несший ответственность за навигацию и карты, и, наконец, первый номер, старший помощник, который должен был следить за порядком на корабле. Так каждый из этих 44 человек занимался определенным делом и каждый проходил специальную подготовку.

Вся корабельная команда подводной лодки «U-69» состояла сплошь из добровольцев, так как многие стремились на службу в подводный флот, который, в отличие от армии, обещал определенную романтику и, казалось, давал возможность добровольцам сыграть решающую роль в битве с врагом. Экипаж по большей части состоял из молодых ребят, которые никогда раньше не видели моря. Другие пришли с надводных кораблей и с торгового флота. Но было и несколько старых подводников, служивших еще с Прином и Кречмером.

Они приехали со всех уголков Германии: из Вестфалии, Рейнланда, Швабии, Баварии, Тюрингии и с побережья — 44 человека оказались втиснутыми в маленькую узкую трубку, под завязку набитую приборами и смертоносным оружием. Можно себе представить моральные трудности, с которыми сталкиваются люди, живущие вместе на таком ограниченном пространстве, и какая трудная задача стоит перед капитаном, который хочет сохранить свой маленький экипаж в хорошем состоянии. Командир подводной лодки может быть опытным, мужественным и смелым моряком, но если он плохой психолог, то эта работа не для него. Сейчас эти 44 человека ждали прибытия своего нового командира.

Глава 2

ИДИ НА ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ, И ОН СТАНЕТ ТВОЕЙ СУДЬБОЙ

Спустя пять недель я вместе с последними членами боевого экипажа прибыл на субмарину. Это произошло сразу после сдачи экзаменов в школе подводников. Я был моряком с шестнадцати лет. Будучи учеником средней школы, я ушел в море на паруснике, чтобы избавиться от очень эрудированного, но педантичного и невероятно скучного профессора — настоящего зануды. Я закалился, пройдя суровую школу на последних немецких парусниках, а в 1906 году я впервые обошел мыс Горн. Прин взял меня под свое крыло как обычного матроса на судно «Ольденбург». Вначале отношения между нами были очень натянутыми. Прин, недавний герой Скапа-Флоу, хотя был еще довольно молод, в определенных обстоятельствах мог быть очень жестоким и несправедливым. Нам потребовалось довольно много времени, чтобы познакомиться поближе. Однако позже мы лучше узнали друг друга и даже подружились. Когда наши пути разошлись, мне, тогда рулевому, пришлось стать членом мятежной команды на лайнере «Рейн». Позже я был вторым помощником на судах германо-африканской линии, а Прину в то время не повезло. В тяжелые послевоенные годы он остался без работы. В конце концов мы оба поступили на службу в новый германский военно-морской флот, потому что после гибели «Ниобе» возникла необходимость заполнить брешь в офицерском корпусе. Затем я был вторым помощником капитана на «Вангони» и, когда мечта моей юности почти осуществилась, бросил свою безопасную работу на торговом флоте, снова вернулся в ВМФ и начал с самого начала. Опытный офицер торгового флота не скажет, что это очень просто — начать все сначала в качестве новобранца.

Будучи морским офицером еще в мирные годы, я приобрел богатый опыт. Я совершил кругосветное путешествие на крейсере, в начале войны побывал призовым офицером на борту «Грилле», находившегося в Балтийском море.

Я также присутствовал, когда экипаж «Грилле» устанавливал свои первые мины в Северном море. Наконец, после длительных курсов в специальных школах я смог стать командиром подводной лодки.

Последними словами, которые сказал мне профессор, были:

— Иди на военно-морской флот, и он станет твоей судьбой.

Очевидно, он смотрел на моряка как на подозрительное существо, которое повсюду таскает с собой складной нож. Хороший человек, он, наверное, верил в то, что вся жизнь моряка — это постоянные ссоры, пьянки и любовные интрижки в гавани.

Однако настоящая жизнь моряков сильно отличается от того, что показывают в фильмах и о чем поют матросы. Жизнь на последних немецких парусниках была очень тяжелой и полной лишений, и она оставила свой след в моей судьбе, но она же подарила мне определенное мужество и желание жить. Чтобы быть абсолютно честным по отношению к старому профессору, я должен сказать, что он изменил свое мнение о мореплавании вообще и о своем бывшем ученике в частности, когда увидел меня в роли блестящего молодого офицера на «Вангони».

Глава 3

ПОДНЯТЬ ФЛАГ

После прибытия капитана у команды почти не осталось свободного времени. И раньше, конечно, тоже никто без работы не сидел, но теперь начался настоящий «сумасшедший дом». Прерывались только на еду и сон. За четырнадцать дней субмарину нужно было подготовить к выходу в море. А это означало, что у всего экипажа дел хватало с избытком. Причем необходимо было следить, чтобы каждый подводник до мельчайших деталей знал свои обязанности. Должно быть отработано каждое движение. Правда, впоследствии оказалось, что первые тренировки по сравнению с тем, что нас ожидало позже, были всего лишь детской забавой.

Прежде чем лодка покинет верфь, ей дают индивидуальную эмблему, которую изображают на боевой рубке. Я выбрал для эмблемы изображение флажной группы Люси-Макс-Антон и охотничий крик «Хорридо!». ЛМА — это были первые буквы слов известной реплики Гетца фон Берлихингена.

К 2 ноября 1940 года мы уже продвинулись достаточно далеко, чтобы «U-69» можно было считать готовой к вводу в эксплуатацию. В своей короткой речи, произнесенной перед собравшимся экипажем, я вспомнил легендарные лодки Первой мировой войны. Экипаж нашей предшественницы, первой «U-69», потопил 73 733 тонны британского регистрового тоннажа. В самых суровых условиях команда подлодки «UB-69» предприняла путешествие в Средиземное море и была потоплена врагом. Экипаж «UC-69», которой командовал капитан 3-го ранга Васснер, достиг самого выдающегося успеха, потопив за восемь походов 90 583 британские регистровые тонны (брт). И вот наконец прозвучала долгожданная команда:

— Поднять флаг!

Как раз в этот момент солнце выглянуло из-за грязных серых облаков над гаванью. В его лучах, осветивших верфь, были видны подводные лодки, стоящие на стапелях. Со всех сторон слышался грохот пневматических молотков.

Глава 4

ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ ВНАЧАЛЕ БЫЛ ВСЕГО ЛИШЬ БЛЕФОМ

Все это происходило поздней осенью 1940 года. Во второй раз почти через тридцать лет Германия вступила в войну с Великобританией, самой могущественной морской державой в мире. Снова на «семи морях» разгорелся конфликт.

Но в этот раз Германия по своему вооружению была гораздо слабее, чем в 1914 году. В Первой мировой войне она участвовала как могущественная морская страна с сильным морским флотом. В 1939 году подобного флота не существовало.

Каждому морскому офицеру было ясно, что силы «Открытого моря» в Германии по сравнению с флотами других держав были до смешного малы. Германия смогла за несколько лет создать армию и воздушные силы из ничего. А создание военно-морского флота было отодвинуто на задний план. Хотя морским договором 1935 года немецкий военно-морской флот был ограничен 35 процентами английского тоннажа, Германия не успела достичь даже этой цифры, когда в апреле 1939 года по политическим причинам договор был нарушен новыми лидерами рейха. Разрыв договора на самом деле был политическим средством давления на союзников и с военной точки зрения — полным обманом.

Несмотря на явную слабость, германский морской флот добился успеха в первые годы войны. Молодой подводный флот, несмотря на свою малочисленность, также доказал свою ценность.

Кажется невероятным, но в начале войны у Германии было всего лишь двадцать две годные к эксплуатации подводные лодки. По условиям англо-германского морского договора количество субмарин у Германии не должно было превышать 45 процентов от мощи британского подводного флота. Значит, до разрыва этого договора у немцев могло быть семьдесят две лодки, но производительность судостроительных предприятий не позволяла достичь даже этой цифры. В начале войны были приложены поистине титанические усилия, и каждый месяц на воду спускалось тридцать лодок. Только в одном Киле новая субмарина покидала порт каждые две недели.

В общем, в начале Второй мировой войны Германия разработала программу по строительству двух тысяч подводных лодок. Будь у немцев в начале войны двести лодок вместо

двадцати двух, то противостояние с Англией закончилось бы гораздо раньше.

Как можно было обеспечить все быстро строящиеся подлодки квалифицированными экипажами? Это была заслуга одного-единственного человека, капитана 1-го ранга Деница — человека, который позже, во время величайшего напряжения, будучи гросс-адмиралом, нес ответственность за судьбу рейха в море.

Восстановление подводного флота началось примерно за четыре года до начала войны. Тайное строительство, ввиду отставания в развитии сухопутных вооружений, было невозможно. Строительство столь сложных кораблей не могло остаться незамеченным. Требовалось промышленное производство различных приборов, вооружения и оборудования. Людей, занятых этим, было так много, что было бы бессмысленно даже пытаться обеспечить соблюдение строгой секретности.

Карл Дениц, опытный командир-подводник еще со времен Первой мировой войны, надзирал за переоборудованием довоенных лодок. Он повел капитанов новых субмарин в первый боевой поход. Наблюдая за их первыми торпедными стрельбами и давая советы, он использовал каждую возможность для поручения лодкам и командам новых заданий. Он даже использовал их в испанской войне. Трудяга, он вместе со своими молодыми командирами создал абсолютно новую немецкую тактику подводной атаки — тактику «волчьих стай». В результате этого его капитаны действовали вместе столь блестяще, что за короткое время стали крепко сплоченным, высокоэффективным подразделением.

К началу войны некоторые экипажи были настолько опытными и квалифицированными, что даже с этой горсткой субмарин был возможен великий успех.

Дениц поддерживал личные отношения с каждым из командиров, поэтому все подводники жили как большая, дружная семья. Но эти отношения никогда не мешали Большому морскому льву, как его позже прозвали, учинять своим подчиненным разнос, если они это заслужили.

С ростом количества субмарин, выпускаемых по новой судостроительной программе, опытным морякам, которых обучали по установленным Деницем правилам, давали новые лодки. Первые флотилии задавали тон всем остальным. В дополнение к этому адмирал настоял на соблюдении традиций Первой мировой войны.

В этом отношении следует отметить, что на «U-69» был фотоальбом первых командиров субмарин, носивших тот же номер во время Первой мировой войны, вместе с короткой

историей их подвигов.

Глава 5

КЛОЗЕТЫ В РОЛИ КЛАДОВЫХ

Новая лодка должна была быть готовой к активной службе как можно скорее, поэтому и экипаж в Балтийском море тренировали в безумном темпе.

Спасибо специалистам, каждый человек был столь профессионально обучен своей новой профессии, что мог справиться с любой возможной неожиданностью, которая только могла возникнуть. Через несколько дней команда перешла к заключительному этапу тренировки. Опытные офицеры-подводники вышли в море на подводной лодке и отрабатывали с экипажем действия по боевому расписанию, срочное погружение и прочие упражнения. Были предусмотрены все ситуации, которые могли произойти в боевых условиях. Через десять дней после начала тренировки, когда все члены экипажа валились с ног от усталости, субмарина была отправлена в так называемую «стреляющую флотилию».

Здесь днем и ночью проводились учебные атаки против надводных сил противника. Постепенно задания становились все более и более трудными. Во время практических занятий от команды требовалось все больше и больше усилий, а условия были максимально приближены к реальным. В конце концов субмарина должна была в одиночку пройти через конвой, который шел зигзагом и который сопровождали быстроходные эсминцы. Эскортные корабли следили за лодкой, заставляя ее как можно дольше оставаться под водой и стараясь не дать ей возможности атаковать. Так случилось, что в точке выстрела торпеды нам едва хватило времени, чтобы уклониться от идущей зигзагом цели. Впервые судьба лодки зависела от скорости срочного погружения, молниеносно выполняемых маневров, команд старшего механика и взаимодействия всех членов экипажа. При малейшей ошибке лодка и экипаж могли найти холодную и раннюю могилу в водах Балтийского моря. Но маневр прошел успешно. Таранящий удар корабля-цели — «Вальдемара Капхаммеля», столь хорошо известного всем морякам-подводникам, — нанес лишь очень незначительное повреждение обшивке мостика. Балластные цистерны и боевая рубка опустились на достаточную глубину и остались целыми.

После ремонта тренировка продолжилась. Команду совсем не жалели. Им даже пришлось пережить атаку глубинными бомбами, хотя определенные меры безопасности, конечно, были приняты.

За четырнадцать дней практики почти все возможные случайности, с которыми может встретиться экипаж, выпускающий в цель торпеду, были проработаны.

Но это был еще не конец, потому что теперь начинались настоящие тактические тренировки. Для повышения эффективности работы требовалось наладить совместные действия с другими подводными лодками. Действуя группой, лодки прочесывали гораздо большие морские пространства, и на каждый поход тратилось больше времени. Не делалось скидок ни на холод и снежные бури, ни на лед и туман.

Даже канун Рождества был проведен в море, так как в это время шли учебные военные маневры. На «U-69» в канун Рождества 1940 года была украшена маленькая елочка. Открытые свечи, как, впрочем, и зажженная сигарета, недопустимы на подводной лодке в связи с большой опасностью возгорания. Команде пришлось довольствоваться разноцветными электрическими лампочками и коротким застольем. Некоторое время в субмарине, лежащей на дне, раздавались старые сентиментальные рождественские песни. Зимние штормы становились все более жестокими, а учебные походы все более продолжительными. Иногда, когда «U-69» возвращалась в порт, на боевой рубке и орудиях был слой льда толщиной в несколько дюймов.

И затем, наконец, пришел день, когда тренировки закончились. Пока лодку ремонтировали в Киле, экипаж отдыхал в две смены. Каждый моряк отправился домой к семье, возможно, в последний раз...

Когда экипаж корабля вернулся с отдыха, субмарина была готова к действию. Боеприпасы, продовольствие, вооружение и торпеды были приняты на борт. «Оловянные рыбки» были подняты с такой же осторожностью, как сырые яйца. Трубы торпедных аппаратов были заряжены, в носовой торпедный отсек приняты запасные торпеды. Теперь возникла проблема размещения экипажа. Временный деревянный настил был положен над местом, где находились торпеды, но иногда «рыбок» укладывали и там тоже. Было абсолютно невозможно стоять прямо в носовом отсеке. Нужно было быть очень осторожными с торпедами, каждая из которых стоила 40 000 марок золотом. В этом стесненном пространстве люди с огромным трудом могли добраться до собственных коек. Подводники предпочли бы наставить себе синяков, чем слегка задеть эту ценную «рыбку». С величайшей осторожностью торпедные старшины проверяли, не случилось ли чего с чувствительным организмом торпеды. На каждой из них с превеликой осторожностью был выведен

корабельный девиз — ЛМА.

Другие отсеки корабля тоже изменили свой внешний вид. Каждый свободный угол был заполнен грузом. Жестянки, ящики и коробки были свалены в каждом возможном и невозможном углу. Даже один из клозетов был выведен из строя и превращен в кладовую для провизии и стрелкового оружия. Сосиски и окорок свисали с разных крюков и кронштейнов в машинном отделении, и даже моя каюта не была исключением. В крошечной столовой для старшин плотным штабелем с пола до потолка были уложены черные сухари. Мысль об удобном обеденном столе никому даже в голову не приходила. В этой конуре можно было думать только об одном: «Как могут люди, даже лучшие из моряков, прожить несколько недель в столь стесненных условиях и не посчитать это место адом?» На самом деле моряков подобные крамольные мысли не посещали, как, впрочем, и то, что место, где можно ходить, стоять и сидеть, является примитивным правом человека. А ведь к тому же в определенных обстоятельствах подводнику приходится на долгие недели отказываться как от солнечного света, так и от сигареты. После трех месяцев тяжелых тренировок каждый знал, что его ждет впереди, и не строил иллюзий.

Глава 6

«ДЯДЯ ЭДУАРД ИЗ БЕНТЧЕНА»

10 февраля 1941 года подлодка «U-69» была готова к выходу в море. Я вместе со своими офицерами отправился с прощальным визитом на базу. Командир флотилии Золер и офицеры его штаба ждали нас в кают-компании. На столе появились традиционные бутылки шампанского, выстрелили пробки в честь первого выхода в море немецкой подводной лодки «U-69». «Hals und Beinbruch»^[2] — удачной охоты и благополучного возвращения.

Капитан вручил мне пробку от бутылки шампанского в качестве талисмана.

Затем офицеры в сопровождении командира флотилии и его адъютанта поднялись на борт «U-69». Медленно и задумчиво я обвел взглядом своих людей. Этот торжественный смотр вполне мог оказаться последним.

Свисток...

— Оба машинных отделения готовы...

— Отдать носовые и кормовые концы...

Дизель заработал, и лодка начала вибрировать. Второй свисток, и лодка скользнула от причала. «U-69» вышла на охоту за врагом.

С развевающимися военными флагами она покинула гавань Киля и медленно направилась в шлюз Хольтенау. Там собрались близкие и родственники моряков: матери, жены и друзья. Последовали прощальные рукопожатия и объятия. Затем ворота шлюза открылись, и субмарина вышла в канал Кайзера Вильгельма. Матросы молчали.

Кто знает, увидим ли мы снова друг друга...

В Рендсбурге у стен колониальной школы нам вслед снова замахали платочками. Школьницы считали своим долгом провожать в море все немецкие военные корабли. Одни суда возвращались сразу же, другие — через неделю, третьи — через месяцы или даже годы, а некоторые не возвращались никогда. В открытом море и в темных глубинах океана матросы хранили память о взметнувшихся в прощальном приветствии девичьих руках.

Покинув Брюнсбюттель, подлодка оказалась в родной стихии. Грусть прощания постепенно улетучилась. В Брюнсбюттеле надрывный вой сирены заставил некоторых матросов занервничать. Люди боялись, что лодка будет отозвана. Боевой дух был на высоте. Все очень радовались, что тяжелый и

напряженный период обучения и изнурительные тренировки остались позади.

Театр военных действий и Атлантика были еще далеко. Но в этот момент у экипажа и в Северном море было достаточно работы. Гигантские ледяные глыбы не меньше фута толщиной, занесенные из Арктики, высывались из воды прямо под носом у лодки. Они налетали на корпус, и эхо от удара разносилось по всему кораблю. Завывая и громокая, льдины скрежетали по бортам. Внутри субмарины стоял невыносимый шум, казалось, по корпусу стучат тысячи молотков. Матросы переговаривались между собой только на повышенных тонах. Когда подлодка дошла до плавучего маяка Эльбе I, лед исчез, уступив место лютному врагу всех моряков — густому туману. Было нелегко найти дорогу в этом молочно-белом вареве. С тех пор как лодка вышла из бухты, команда занимала места по боевому расписанию. Вахтенный офицер, старшина и два наблюдателя постоянно находились на мостике, теперь же во время тумана на палубе должны были находиться все офицеры. Нервы были на пределе, так как никто не хотел поближе познакомиться с миной.

Находиться на мостике в такую погоду было не слишком приятно. Ничего не видно, ничего не слышно, и вообще кажется, что пробираешься сквозь гору мягкого хлопка. Плюс к этому в любую секунду можешь попасть в самую неприятную ситуацию. Туман пропитывал одежду влагой, пробираясь через каждую петельку для пуговицы или прореху.

Рядом с Гельголандом поднялся ветер, и море стало беспокойным. Зато в тумане появились просветы. Ключья тумана разглаживались и развевались по сторонам, как одежды гигантского привидения, внезапно появляясь и исчезая.

Где-то под палубой играла граммофонная пластинка: «Der Onkel Eduard aus Bentschen — er ist der beste aller Menschen».^[3]

Во время последнего отпуска все члены экипажа попросили друзей и родственников купить им новую коллекцию граммофонных пластинок. «Дядя Эдуард из Бентчена» едва не был выброшен вместе с остальным старым хламом. Но «лорды»^[4] решили, что эта песня столь явно, всеобъемлюще глупа, что будет жаль от нее избавиться, поэтому ее не поменяли на новую. Она была очень популярна в последние дни пребывания в порту. Сейчас тенор заливался вовсю, а экипаж столь явно наслаждался пением, что этот «Дядя Эдуард» повторялся через каждые четыре-пять пластинок.

«U-69» получила приказ находиться в определенном квадрате Северной Атлантики и топить британские торговые суда до получения новых инструкций.

Сейчас, когда туман рассеялся, стоящие на мостике смогли вздохнуть с облегчением.

— Слава богу, что мы наконец выбрались из этой дряни, — проворчал штурман Маринфелд, стряхивая мелкие кристаллики замерзшего тумана с лица. Первые чашки горячего кофе, поднятые из камбуза через спасательный люк, вернули подвижность замерзшим конечностям. Но каждый моряк на маленьком мостике должен был внимательно следить, чтобы в его напиток не попали брызги.

Затем туман появился вновь — на этот раз еще более густой. Казалось, что «Белый Ганс», демон, играл с нами. Он, видимо, решил преподать команде лодки хороший урок выживания, прежде чем она встретится с врагом. Видимость все больше ухудшалась, и вскоре горизонт полностью скрылся из вида. Серые клочья тумана кружились прямо над водой, они спешно проплывали мимо, будто показывая дорогу ледяному ветру, завывающему около субмарины.

Через десять минут «U-69» очутилась в эпицентре сильной снежной бури. Лодка раскачивалась, кренилась и зарывалась в волны, а вода переливалась через боевую рубку. Подъем, резкое падение, и накатывала новая волна. Об обнаружении какого-либо судна в такую погоду нечего было и мечтать. Время от времени большая струя морской воды попадала внутрь подводной лодки через люк. Она лилась прямо на головы людей в машинном отделении, затем, булькая, стекала через решетку к днищу, а оттуда попадала к работающим на полную мощность насосам, которые ее и выкачивали.

Появись сейчас перед носом у лодки вражеское судно, ему бы ничего не грозило, потому что открыть огонь в такую погоду попросту невозможно. Даже если бы торпеда вела себя так же безупречно, как во время тренировок, ее бы наверняка снесло с курса. Сейчас люди больше всего стремились увидеть солнце или, по крайней мере, несколько звезд, а вовсе не врага. Ничего романтического в нашем походе не было, существовала лишь насущная необходимость выбраться из кипящего котла и определить свое точное местонахождение. Небо, однако, безжалостно игнорировало наше желание. Мы шли по счислению, а штурман наносил результаты своих измерений на карту. Я задал курс на ночь, пожелал вахтенному офицеру и матросам на мостике спокойной ночи и спустился к себе в каюту. Радист, исполнявший функции стюарда, принес людям завтрак или ужин, кому как нравилось называть приемы пищи на подлодке, поскольку на суше ели совсем в другое время. Здесь все зависело не от времени суток, а от того, на вахте ты или нет.

У кока были серьезные проблемы с приготовлением еды. Волнение моря не давало кастрюлям и сковородкам оставаться на плите, и нередко только что очищенная картошка начинала весело прыгать по трапу. Все было не так. Замороженный бифштекс был на самом деле заморожен намертво, а *sauerkraut*^[5] в полной мере соответствовала своему названию. Гороховый суп стал истинным несчастьем, потому что испортил и настроение кока, и горох. И это был первый прием пищи на действительной службе!

— Что ж, мы только начинаем, и ведь это может продолжаться неделями. — Это и подобные замечания можно было слышать в столовой. Кок получил нагоняй, а команда не скрывала свою злость по поводу еды.

Я застегнул свою кожаную куртку и слегка ослабил шарф. Если случится что-то непредвиденное, я уже через несколько секунд должен буду оказаться на мостике. Единственным предметом одежды, который я снял, была белая офицерская фуражка. Она одиноко качалась на крючке в такт движению корабля. Я лег на свою койку.

В эту первую ночь нашей охоты на врага сон не шел. Частично можно было винить слишком напряженные нервы, но больше всего — гороховый суп, который камнем лежал в наших желудках. Пока мы шли под водой, то могли использовать только один гальюн, что не могло не вызывать обоснованных нареканий. Когда лодка находится под водой, человек, воспользовавшись гальюном, после смывки должен был как следует поработать насосом. Причем чем больше глубина, тем тяжелее была работа, поскольку нужно было преодолеть большее давление. Было предпочтительнее дожидаться, когда лодка снова всплывет. К счастью, проблема давления в тот день остро не стояла, но все очень спешили. Вахтенный офицер, рулевой и даже кочегар бегали друг за другом в известное место. Проклятая кислая капуста! Я решил, что подобные вещи не должны повторяться на «U-69». Думаю, со мной все были согласны.

Внезапно лодка перестала дрожать. Звук двигателей изменился. Все внимательно слушали. Что-то было не так. Затем из машинного отделения сообщили:

— Дизель правого борта вышел из строя — полетел клапан.

«Все плохое происходит именно с нами», — думали моряки, настроение которых и так было изрядно подпорчено прокисшей капустой. Но персонал машинного отделения быстро доказал, что хорошо знает свое дело. За несколько минут сломанный клапан заменили. Двигатели снова запустили, и люди получили возможность отдохнуть.

На следующее утро погода немного улучшилась. Лодку больше не швыряло. Нептун, казалось, решил устроить себе перекур.

Команда «U-69» использовала передышку для тщательной отработки своих действий по боевому расписанию: экстренные погружения, воздушная тревога и другие подобные упражнения. Пока лодка шла тем же курсом по Северному морю, а ее двигатели гудели на одной ноте, свободные от вахты моряки лежали в гамаках и, не обращая внимания на постоянный гул, спали сном настоящих морских волков. А матросы, которые еще не спали или уже готовились заступать на вахту, включали радио, слушали новости из дома или играли в карты, несмотря на недостаток пространства. На следующий день примерно в полдень на субмарине впервые услышали шум боя. Море было довольно-таки спокойным, с умеренным ветром и вполне сносной видимостью. На горизонте не было ничего, помимо воды и неба. Со времени оккупации Норвегии Северное море было хорошо очищено. Внезапно в отдалении экипаж подводной лодки услышал тяжелые удары, доносившиеся из воды. Их особенно хорошо было слышно под палубой.

Где-то вдалеке взрывались глубинные бомбы...

«U-69» находилась примерно в ста милях севернее британского берега. Враг либо вел огонь из береговых батарей, либо, возможно, эсминцы обнаружили немецкую подводную лодку и атаковали ее.

Несмотря на продолжительный поиск, ничего подозрительного обнаружено не было. Субмарина продолжила свой путь без маневров уклонения и погружения.

Чем ближе мы оказывались к Шетландским островам, тем опаснее становилось наше плавание. Гораздо более неприятным, чем английские минные поля, было большое количество дрейфующих мин, которые попадались нам на пути.

По международному закону все мины, находящиеся в море, должны были быть оборудованы устройствами для их обезвреживания в случае освобождения от якорных цепей, но кто мог знать, действуют ли эти устройства? С 1914 года дрейфующие мины стали причиной гибели множества судов. Поэтому гораздо лучше было избегать этих круглых черных рогатых созданий.

Вахтенному офицеру уже трижды удалось уклониться от встречи с дьявольскими яйцами. Четвертая мина была обнаружена слишком поздно. На высокой скорости субмарина двигалась по направлению к круглому чрезвычайно опасному мячу. При помощи резкого поворота руля удалось избежать

прямого удара, но мина, погружаясь и выныривая из воды, громко проскребела по корпусу. На несколько секунд сердца моряков на мостике замерли. Задержав дыхание и выпучив глаза, мы наблюдали за плескавшимся в воде исчадием ада. Мы ждали, что в любой момент один из этих опасных рогов ударит по корпусу лодки и приведет в действие взрыватель. Это означало бы наш немедленный конец. Только когда угроза уплыла достаточно далеко от нас за корму, мы смогли перевести дыхание.

— Это могла бы быть наша смерть. — С глубоким вздохом Джимми номер один, лейтенант Хейдеман, сдвинул фуражку на затылок и вытер пот со лба, хотя погоду в северной части Северного моря можно было назвать какой угодно, но только не жаркой.

Под палубами люди, конечно, слышали скрежет мины по корпусу. Они сразу же догадались, что это была плавающая мина, но сидели тихо, как мыши, и не задавали никаких вопросов вахтенным на мостике, пока грозный фантом не исчез.

Этот инцидент преподавал всем находящимся на мостике хороший урок. После этого нам довольно часто приходилось встречать плавучие мины, не причинившие никакого вреда. Их всегда удавалось вовремя обнаружить.

На следующий день на горизонте были замечены мачты большой флотилии судов. К счастью, эти суда удалялись. Команде «U-69» вовсе не улыбалось, чтобы лодка была обнаружена здесь, в Северном море, и по ее следу устремились эсминцы. Поэтому, несмотря на то что расстояние до флотилии было достаточно большим, мы описали внушительный круг, чтобы сбить со следа возможных преследователей.

Если не считать ежедневно выполняемых тренировочных погружений, подводная лодка почти все время оставалась на поверхности. Так можно было пройти гораздо большие расстояния, да и обзор с мостика был явно лучше, чем через перископ. Передвижение по поверхности воды во всех отношениях приятнее путешествия в подводном положении.

В дополнение к этому наш штурман Маринфелд все еще ожидал возможности обнаружить звездочку в наглухо затянутом облаками небе, чтобы точно определить местонахождение судна. Но тут, судя по всему, не обошлось без колдовства. С тех пор как подлодка вышла из порта, в небе ни разу ни днем ни ночью не появилось ни одного просвета. Мы не видели ни солнца, ни звезд и даже никаких признаков луны. Так, двигаясь по счислению, мы обогнули самую северную точку Британских островов. И когда занялся следующий мрачный рассвет, экипаж «U-69» достиг своей цели — перед нами раскинулась великая Атлантика, бескрайнее

поле сражений.

Глава 7

ПЕРВАЯ ТОРПЕДА — КУСКИ ГОВЯДИНЫ В ВОДЕ

Весь экипаж был на ногах — это состояние в спортивных кругах называют лихорадкой погони. Еще до моего приказа весь корабль и вся аппаратура были проверены. Даже наблюдатели, по праву заслужившие отдых и короткий сон, находились на своих местах и снова проверяли все механизмы и части субмарины. На подлодке шла бурная деятельность, пока «новобранцы» ждали крещения огнем при входе в Атлантику. Они все вбили себе в голову, что обязательно встретят вражеское судно в первый же день.

Но Атлантика огромна, и им придется понять, что можно неделями бороздить просторы океана и ни разу не увидеть даже топ мачты. Опыт и знание района патрулирования здесь бесполезны. Даже если вы увидите топ мачты или, возможно, целый корабль, то не забывайте, что ваш оппонент тоже смотрит в оба. У него всегда широко открыты глаза для вполне определенной цели, и множество экипажей немецких подводных лодок, думая, что обнаружили добычу, сами становились жертвами британских моряков.

Атлантика встретила субмарину волнением и довольно-таки сильным ветром, силой от шести до семи баллов. Людей часами раскачивало из стороны в сторону в тяжелом монотонном ритме. Иногда нос взлетал в воздух, а иногда корма опасно поднималась к небу. Лодка прыгала и виляла. Волны разбивались о палубу, покрывая ее белой пеной. С невероятной яростью гигантские валы с грохотом ударялись о корпус. Натываясь на надстройку, они разбивались на брызги, словно игривые фонтаны. А ветер тем временем выл, кружа вокруг боевой рубки, временами внезапно затихал, но только для того, чтобы задуть еще сильнее.

Для тех, кто сейчас с мостика смотрел на Атлантику впервые, шоу казалось воистину грандиозным. Мощь бушующего океана пленила и завораживала. А для людей под палубами, находящихся на своих рабочих местах — у двигателя, у рулей и рычагов — или сидящих, а точнее сказать, болтающихся в своих гамаках, взбесившаяся Атлантика была чем угодно, но только не красавицей.

Несмотря на плохую погоду, вахтенные без усталости изучали горизонт. Каждому дозорному был дан определенный сектор для

наблюдения. Час за часом проходили без всякого результата. Менялись вахты, и новые вахтенные на протяжении более чем четырех часов видели все то же самое — воду, волны и облака. Атлантика и не думала успокаиваться, продолжая демонстрировать свой дикий, необузданный нрав. Неожиданно гигантская волна захлестнула лодку, застигнув врасплох людей на мостике, и повалила всех на палубу. В течение нескольких минут там находилась только груда промокших человеческих тел. Когда вода схлынула, люди, кашляя и отплевываясь, встали. Происшествие не показалось никому забавным, и моряки хорошо усвоили урок. В будущем они в такую погоду стали привязывать себя к ограждению мостика.

Как только освободившиеся от вахты моряки сели есть, откуда-то со стороны донеслись громкие удары. Казалось, по корпусу лодки стучит гигантский молоток. Удар, еще удар...

Глубинные бомбы. Снова глубинные бомбы...

Я прервал трапезу и бросился к люку, ведущему на мостик.

— Вы что-нибудь видите, Баде?

Долгое время мы стояли и внимательно изучали горизонт. Он был пустынен. Но вот вдалеке снова раздались взрывы. Возможно, это англичане в очередной раз тренировались.

Во время еды у моряков, свободных от вахты, была лишь одна тема для разговора: первая «оловянная рыбка». Несмотря на дождь и шторм, напряжение не спадало.

— Говорю вам, — твердил довольно шумный берлинец, — если первая «рыбка» промахнется, то вы можете привязать меня ко второй, и я сам буду ей управлять.

Тем не менее первая «рыбка» тревожила не только команду, но и офицеров. Они не считали, что электрические торпеды достаточно хорошо испытаны, чтобы на них можно было положиться в серьезных обстоятельствах. Корабль нес восемь торпед старого типа (G.VII.a, усовершенствованный вариант торпеды G.VII.v, использовавшейся еще во время Первой мировой войны) и четыре новые электрические торпеды G.VII.e. У торпеды G.VII.a был один недостаток: она оставляла за собой след из пузырьков. Если враг вовремя обнаруживал этот след, то мог успеть выполнить маневр уклонения, резко переложив руль. Торпеда G.VII.e была невидима, но их пока было не так много, чтобы снабжать подводные лодки для операции только ими. До отплытия командование флотилии сообщало капитану, какое количество торпед каждого типа он получит. А затем каждый командир решал сам, как, когда и для какой цели использовать каждый тип.

К сожалению, не только электрические торпеды, но и сами

торпедные аппараты были нашим слабым местом в начале войны. В районе Нарвика новый тип магнитного взрывателя был причиной большого числа неудач. Он работал по тому же принципу, что и морские мины, сброшенные немецкими самолетами. Уже в первые месяцы войны англичане попытались защититься от взрывов, уменьшив магнитное поле собственных кораблей. После этого немецкие подводные лодки вновь перешли на торпеды с контактными взрывателями, взрывавшиеся при ударе, но, как я уже говорил, электрические торпеды были неустойчивы на курсе. Они иногда уходили на другую глубину, и никто точно не знал, чего еще можно от них ожидать. Проблема заключалась в том, что учебные стрельбы никак не проясняли картину. В худшем случае становилось известно, что торпеда потеряна, а понять причину, почему этот выстрел оказался неудачным, было очень сложно. Единственное, что можно было сделать, это каждый день как можно тщательнее проверять торпеды на готовность к действию; многократно перепроверять каждую деталь всех приборов и устройств.

Если первая торпеда — первый настоящий удар по врагу — окажется неудачной, то это подорвет уверенность команды. Я знал, что прежде всего в экипаже необходим высокий моральный дух, чтобы помогать людям переносить жестокие условия плавания зимой. Мы вышли в первый боевой поход, и для большинства моряков это было лишь начало карьеры подводника. По этой причине мысли о первой «оловянной рыбке» терзали меня даже во сне, не говоря уже о свободном от вахты времени.

После короткого полуденного перерыва я вернулся на мостик и хлопнул сигнальщика по плечу.

— Ничего не происходит, герр капитан. Нигде нет ни корабля, ни клуба дыма, ни даже верхушки мачты, в общем, взгляду остановиться не на чем.

Ветер немного стих, но количество брызг, казалось, еще увеличилось. В такую погоду точность выстрела торпеды больше зависела бы от нашей удачи. За глубокими и длинными впадинами следовали высоченные и тяжелые водяные валы... Лодка подверглась испытанию на прочность и уже находилась на пределе. Корпус зловеще потрескивал, и струи воды находили любую щель, чтобы проникнуть в помещение. Нам же было видно только волны и воду. Небо серело, а горизонт все больше окутывало туманом. На востоке начало смеркаться. Шансы обнаружить цель в первый день плавания и произвести удачный выстрел все уменьшались. Внезапно рулевой Баде закричал как сумасшедший:

— Вижу топ мачты — тридцать градусов право по борту.

Было 17 февраля. Лодка была еще далеко от заданной оперативной зоны. На мостике воцарилось напряжение. Все смотрели в заданном направлении, тщетно стараясь разглядеть хотя бы что-то. Я попытался закурить, но спички и сигареты упали за борт. Я прижал бинокль к глазам. Никто не произнес ни слова. Выл ветер, волны продолжали биться о борт субмарины. Мы молчали и продолжали вглядываться в даль. Но я ничего не мог разглядеть, кроме капель. Ни мачты, ни дыма...

— Мне кажется, Баде... — собирался я прервать поиск, когда матрос, стоящий рядом с Баде, закричал:

— Две мачты и дымовая труба! Судно движется зигзагом.

Теперь мы тоже видели врага. Время от времени над волнующейся гладью Атлантики показывалось два топа мачт. Судно шло курсом, перпендикулярным нашему. Оно явно направлялось поближе к Британским островам.

Успеет ли судно добраться до гавани? Я отдал боевым постам приказ, которого люди терпеливо ждали целый день.

— Боевые посты. Атака в надводном положении. Цель — вражеское судно. Курс двести шестьдесят градусов. Оба двигателя полный вперед.

Впервые это была не тренировка. Едва команды успели отзвучать, как уже отовсюду — от боевых постов до боевой рубки — поступили сигналы готовности.

Через несколько секунд «U-69» была готова к действию. Один человек от восторга сделал резкое движение и чуть было не разбил себе голову среди огромного числа рулей и рычагов в машинном отделении. После чего он, шатаясь, отправился на свой боевой пост и через мгновение был уже на месте. Радостное предвкушение царило на мостике. Люди наверху уже могли видеть врага и следить за его передвижениями в сумерках.

— Donnerwetter!^[6] — вскричал штурман Баде после того, как корабль стало возможно разглядеть во всей красе.

Подводная лодка приблизилась на 3000 ярдов к английскому кораблю. Судно шло зигзагом, таким образом можно было усложнить возможности стрельбы атакующей субмарины.

Я слегка изменил курс, и «U-69» поспешила за врагом. Я установил такой курс, чтобы подойти к судну противника максимально близко.

На субмарине стояла мертвая тишина, хотя в такой шторм вряд ли даже самый сильный шум донесся бы до экипажа корабля.

Темнело так быстро, что вскоре судно превратилось в большое темно-серое пятно, но этого было достаточно, чтобы не выпускать его из виду. Это было торговое судно примерно на

8000 тонн, так что торпеду на него было потратить не жаль.

Корабль снова начал двигаться зигзагом.

— Сохраняйте этот курс.

Расстояние и курс цели проверили. Враг должен лечь на следующий виток зигзага, и тогда придет время стрелять.

— Трубы 1 и 2 готовы.

В наступающей темноте должна была быть выпущена торпеда G.VII.a. И лучше было находиться на безопасной стороне.

Расстояние между нами было 1000 ярдов. Когда станет 800, мы выстрелим.

— Трубы 1 и 2 готовы, — пришел ответ из недр субмарины.

Люди в носовом отсеке двигались мягко, как кошки. В машинном отделении все руки находились на кнопках и рукоятках. В любую секунду по команде погружаться они были готовы открыть клапана. Глаза моряков были направлены на машинный телеграф.

Большое торговое судно спокойно шло вперед. Скоро подводники увидели контуры орудия на носу. Людей там не было. В бушующем море экипаж корабля не заметил маленькой подводной лодки.

Судно снова пошло зигзагом и теперь находилось на траверзе «U-69». При таком курсе моряки могли видеть его борт. Несмотря на погоду, не стрелять было бы преступлением. Лучшей позиции для первой торпеды было невозможно и представить. Я дал разрешение открыть огонь.

— Труба 1.

В бинокль лейтенант Хейдеман видел среднюю часть судна. На немецких подводных лодках торпеды по поверхности воды выпускал первый вахтенный офицер, а командир лишь сообщал ему расстояние, положение и скорость.

— Труба 1, — эхом разнеслось по лодке.

— Огонь!..

Своей торпедой вылетела из трубы и на невероятной скорости понеслась в темноту, решая своим движением судьбу корабля.

— Переложить руль направо до упора. Левый двигатель полный вперед!

Я же ради безопасности снова вернул лодку на позицию, с которой видел корабль прямо перед собой. Хейдеман не отводил глаз от судна. Другие моряки, как привязанные, следили за «оловянной рыбкой», которая неслась к цели через бушующую Атлантику.

— Verflucht!^[7]

Вместо того чтобы сохранять первоначально заданную глубину, торпеда время от времени опускалась в самые глубокие

вадины, а затем ныряла в волны, поднимая фонтан брызг.

Попадет ли «рыбка» в цель при столь непостоянном курсе? Заметит ли ее враг и успеет ли выполнить маневры уклонения? Секунды казались вечностью. Стрелка секундомера бежала по циферблату. Сердца моряков бились как бешеные. Корабль на полной скорости шел в родной порт. Торпеда же, казалось, ползла.

Штурман Маринфелд спокойно и профессионально отсчитывал секунды в машинном отделении.

И затем на корабле появились яркая вспышка, огромный темный фонтан, и в то же время раздался оглушающий взрыв. Единственное слово вырвалось из груди каждого члена экипажа подводной лодки:

— Попали!.. Попали!.. Попали!..

С мостика до нижней палубы, от носа до кормы крик обошел все отсеки субмарины. Этот вой напоминал звук, доносящийся из недр бушующего вулкана.

Тем временем кто-то включил граммофон, и первой же раздавшейся мелодией была конечно же песня «Der Onkel Eduard aus Bentschen». Люди на маленькой подлодке бросались друг другу на шеи, крича, ревя и вопя, как дикари. Все сейчас бы с радостью бросили свои места и отправились на берег праздновать свою первую победу. Я должен был их успокоить и заставить замолчать. Впереди находился торпедированный корабль, и в любой момент из темноты мог появиться новый и опасный враг.

Подбитый корабль до сих пор медленно продвигался вперед. Затем двигатели перестали работать, и спасательные шлюпки стали поспешно опускать на воду. «U-69» еще раз медленно прошла мимо судна. На определенном расстоянии я приказал заглушить двигатели. Экипаж корабля еще не закончил эвакуацию.

Команда на мостике наблюдала, как огромное судно вначале оседало в воду, а затем начало крениться. Через некоторое время корабль остановился, завалившись на борт, и, по-видимому, тонуть перестал.

Я не собирался жертвовать две торпеды на один корабль. Боевой поход только начинался, и я, разумеется, хотел сэкономить боеприпасы. Казалось бессмысленным в такую погоду ставить людей к орудию и попытаться уничтожить судно несколькими хорошо нацеленными снарядами. Я обдумывал ситуацию и колебался. Внезапно капрал Хинцпетер крикнул из радиорубки:

— С судна посылают сигнал SOS, называют себя и свое местоположение!

— О, так они хотят натравить на нас эсминцы. Как называется корабль? — спросил я.

— «Сиамский принц».

— Мы выпустим вторую торпеду? — поинтересовался вахтенный офицер.

Я все колебался. Спасательные шлюпки еще недостаточно далеко ушли от корабля.

Затем наблюдатель с кормы сообщил:

— Прожектор на горизонте.

Очевидно, на полной скорости к нам шел эсминец. Самый опасный враг каждой подводной лодки вышел на охоту. Так как мы находились рядом с Британскими островами, англичане вполне могли отбуксировать подбитый корабль в порт. С тяжелым сердцем я решил выпустить вторую «оловянную рыбку».

— Труба 2 готова. Оба двигателя медленно вперед.

Еще раз беззащитное судно, чья корма ярко полыхала, попало под прицел. На этот раз никакого искусства в стрельбе не требовалось. «Сиамский принц» был неподвижной мишенью.

— Труба 2... Огонь!

«Рыбка» номер два «Макс», это имя было выведено у нее на брюхе, со свистом вырвалась вперед, неся своей цели гибель.

— Внимание.

Снова работал секундомер. Снова люди на мостике выжидательно смотрели на корабль... Огромный, высотой с дом, столб огня поднялся к небу вместе с большей частью судна. Затем раздался звук взрыва, который, должно быть, было слышно за несколько миль отсюда.

Когда пламя немного улеглось, а глаза привыкли к темноте, мы увидели, что корма корабля стояла вертикально. Казалось, она вот-вот опрокинется. Но она только тихо соскользнула в глубину, будто бы ее толкал вниз огромный кулак.

— Полный назад, — спокойно проговорил Баде, когда корма ушла под воду.

Корабль исчез. Теперь «U-69» должна поторопиться, чтобы успеть спастись от приближающегося эсминца.

Когда, после удачного бегства, я, наконец, нашел время, чтобы спуститься вниз, то с трудом успевал пожимать протянутые руки. Все хотели пожелать мне удачи на волне нашего первого успеха. Невероятное напряжение и страх ожидания атаки в конце концов исчезли. Теперь команда знала наверняка, что все минувшие испытания не были бессмысленными.

Как только спокойствие было восстановлено, лейтенант Хейдеман вошел в центральный пост. Там он нашел судоходный регистр Ллойда уже открытым, с линейкой и ручкой рядом.

Сейчас, церемонно, в благоговейной тишине, перед всей командой название потопленного судна было вычеркнуто из регистра. Враг стал беднее на сухогруз на почти 8500 брт. Это было хорошее начало.

Благодаря огромному количеству кусков мяса, плавающих в воде, команда догадалась, что «Сиамский принц» в своем последнем плавании вез груз замороженного мяса. К сожалению, в такую погоду было невозможно поднять ни один из этих кусочков на борт. Чтобы отпраздновать этот день, каждому члену экипажа выдали рюмку рома к чаю.

И затем немедленно возобновилась обычная ежедневная рутина. Хотя было одно отличие от первого дня. Вопросов о следующей «рыбке» и связанных с ней сомнений больше не было. Теперь команда точно знала, что каждая из торпед найдет свою цель.

Глава 8

ПЯТНАДЦАТЬ СОТЕН ТОНН НЕ СТОЯТ «ОЛОВЯННОЙ РЫБКИ»

В последующие часы погода не улучшилась, но люди, похоже, стали привыкать к бушующей стихии.

Ветер крепчал, иногда переходя в шторм. Мощные волны не давали никому передышки. Снег и дождь постоянно мешали видимости.

Чтобы перезарядить торпедные аппараты, нам пришлось опуститься на значительную глубину, избавляясь от качки. Иначе было бы невозможно в узком носовом отсеке запихнуть тяжелых «рыбок» в маленький проем торпедных труб. Пот лился в семь ручьев, и матросы кляли свою работу на чем свет стоит. При любом произвольном движении лодки торпеда, подвешенная в люльке, начинала качаться, грозя сшибить кого-то и стараясь обязательно причинить какой-нибудь ущерб.

В конце концов общими усилиями техников и матросов тяжелая работа была закончена, и «U-69» всплыла. Едва над поверхностью воды успел показаться перископ, как по корпусу застучало эхо далеких взрывов.

— Остаемся на перископной глубине, — приказал я.

Оголовок перископа со всей осторожностью подняли над водой. Я внимательно осмотрелся. Океан был пуст. Я отдал приказ всплывать. Быстрый осмотр с мостика убедил меня, что «U-69» была одна на просторах океана. Возможно, другая немецкая подводная лодка, находящаяся в отдалении от нас, отправила на дно своего врага.

— Вторая вахта, готовься к смене. Перейти на дизеля. Обе машины средний вперед.

Лодка медленно направилась к морскому району, обозначенному в приказе.

Час за часом субмарина разрезала носом волны, пока не достигла указанного на карте квадрата. Как долго нам предстоит ждать следующее судно?

Ветер завывал, волны бушевали. Наблюдатели на мостике были одеты в кожаные, подбитые мехом куртки. Резиновые части окуляров биноклей прилипали к коже. В течение долгих четырех часов до смены каждый матрос должен был тщательно изучать свой сектор в поисках вражеских торговых судов, подводных лодок и самолетов. Ни в коем случае «U-69» не должна была

подвергнуться внезапной атаке в открытом море. Подлодка, этот смелый охотник, могла в мгновение ока сама стать беззащитной преследуемой дичью.

Вдалеке шел корабль, сверкая всеми огнями на борту. Как в мирное время, он медленно плыл через наш оперативный сектор. Экипаж корабля определенно подавал сигналы, подчеркивая свой нейтралитет. Но истинные нейтралы, когда шли через районы боевых действий, предупреждали и немецкое, и британское правительство заранее. Судя по курсу, судно направлялось в британский, а значит, запрещенный порт. Подлодка имела право потопить его. Между тем, когда оно подошло поближе, оказалось, что это маленькое суденышко, которое с трудом могло потянуть на 1500 тонн. На это не стоило тратить торпеду.

Пятнадцать сотен тонн? Это не стоит «оловянной рыбки». Хотя если посчитать, то судно стоит того, потому что хоть цена торпеды и 40 000 марок, но маленькое суденышко вместе с грузом стоит раз в двадцать больше. Но у подводной лодки есть определенное, строго ограниченное число торпед на борту, и они, разумеется, должны пойти на другие, более дорогостоящие цели.

Более того, на этом корабле большая часть груза была сложена на корме. Возможно, это была одна из ловушек для подводных лодок. Во время Первой мировой войны замаскированные суда — ловушки для субмарин — в определенных обстоятельствах притворялись нейтралами. Вопрос об обстреле снарядами же не стоял из-за волнения на море. Даже при огромном желании оружейный расчет не мог стать к оружию в такую погоду.

Так что кораблю повезло. Как бы там ни было, но морякам подлодки «U-69» пришлось его отпустить. Возможно, судно само столкнется с миной. Подводники на мостике субмарины внимательно следили за маленьким суденышком в бинокли.

При установившемся сильном северо-восточном ветре моряки начали понимать, как же хорошо, что их тренировки проходили в плохую погоду на Балтийском море. Таким образом, почти весь экипаж, несмотря на то что он состоял из молодых моряков, получил некоторый опыт до выхода в первый боевой поход. Но с другой стороны, все-таки хотелось, чтобы море немного успокоилось, потому что при таких условиях результат торпедного залпа зависел не от мастерства и боевого опыта подводников, а только от удачи.

Но в жизни все обычно происходит не так, как хочется. Следующим утром на рассвете один из наблюдателей заметил неясную тень. Море все еще бушевало. Вскоре выяснилось, что тень — это огромное судно. В смутных очертаниях легко можно

было рассмотреть его надстройку: две мачты, три подъемных стрелы и шесть трюмов. Тревога уже была объявлена. Старший механик, лейтенант Роудер, единственный офицер, остающийся под палубой во время всех атак, чтобы наблюдать за работой двигателей и других приборов, уже заглянул в свой торговый судоходный регистр Грюнера. Через несколько минут он сообщил:

— Корабль класса «Тайроа». Британский. Примерно 8000 брт.

Тут же на всех боевых постах воцарилось такое же лихорадочное напряжение, как и в первый день. Но сейчас люди внизу были уверены, что корабль отправится на дно.

Однако я, стоя на мостике, сильно нервничал. Я знал недостатки немецких торпед и понимал, что наш начальный успех был большей частью удачей. Как только «рыбка» вылетит из трубы в такую погоду, волны начнут играть с ней, как кошка с мышкой. Никто не мог сказать наверняка, выдержит ли чувствительная аппаратура торпеды борьбу с бушующим морем.

С отчаянием я следил, как огромные волны катятся друг за другом. Прикинув их высоту, я уже совсем было решил не стрелять и сэкономить торпеды для лучшей погоды. Ведь по возвращении мне придется отчитываться за каждую выпущенную «рыбку». Я вопросительно взглянул на своих офицеров. Их физиономии были угрюмыми и мрачными — да это и понятно, такая погода не может добавить хорошего настроения, но на меня они взирали с одобрением и доверием. В результате я решительно отбросил прочь сомнения и решил идти в атаку.

На вражеской палубе стояло орудие, выглядевшее довольно угрожающе, однако в такую погоду оно было абсолютно бесполезно в борьбе против субмарины. Но, несмотря на ненастье, приходилось рисковать и проводить атаку в надводном положении, иначе судно могло спокойно уйти.

Орудие было закрыто брезентом. Если враг заметит атакующую подлодку, то ему понадобится время, чтобы орудийный расчет приступил к работе. Снятие с орудия чехла и подготовка его к стрельбе даст экипажу подлодки достаточно времени для срочного погружения. Иначе у нас почти не было бы шансов спастись от вражеского огня.

Чтобы избежать ошибочного выстрела, я почти вплотную подвел лодку к кораблю. Теперь между нами оставалось всего лишь 800 ярдов. Постепенно светало. Скоро люди на судне смогут разглядеть маленькую субмарину, танцующую на волнах. Сейчас же вахтенные офицеры-подводники внимательно изучали палубу корабля. Пока там не было никакого подозрительного движения, мы могли спокойно продолжать готовиться к атаке.

— Трубы 1 и 2 готовы.

Чтобы подстраховаться, я приказал приготовить к стрельбе две трубы. Затем старший помощник получил данные для прицеливания. Расстояние между «U-69» и кораблем сократилось почти до 600 ярдов. Вражеское судно, поднявшееся на гребень особенно высокой волны, было видно полностью. Ну, сейчас или никогда!

— Труба 1... Огонь!

С сильным глухим треском, напоминавшим усиленный в тысячу раз звук пробки, вылетевшей из бутылки шампанского, торпеда была выброшена сжатым воздухом из трубы. Эта «рыбка», так же как и первая, была подхвачена бушующим морем. Она прыгала по волнам, скользя по впадинам, то погружаясь в воду, то снова выныривая.

Сохранит ли она направление или будет сбита с курса?

Множество пар глаз в бинокли следили за продвижением торпеды. Но в этом враждебном море, с непрекращающимися подъемами и падениями водяных валов, было почти невозможно уследить за следом пузырьков.

Люди на подлодке считали секунды. 32... 33... 34... 35. Стрелка секундомера безжалостно бежала по циферблату. 39... 40... 41. С каждой секундой момент взрыва приближался. Попадет ли «рыбка» в цель? 53... 54... 55.

С каждой секундой надежда на это таяла. Внимание, стоп. «Рыбка» сейчас уже должна была быть там. Ничего не произошло. Никто не хотел поверить в неудачу. Моряки даже задержали дыхание, будто боялись пропустить взрыв.

68... 69... 70... 71. Секундомер продолжал отсчет времени.

— Герр капитан, мне кажется... — в конце концов произнес старший помощник. На что я смиренно ответил:

— Я уже давно так думаю.

Дорогая «рыбка» ушла на запад. Первый промах. Теперь эта торпеда должна была мирно приземлиться в нескольких милях отсюда на морское дно.

В ярости я ударил костяшками пальцев по стальному поручню. Теперь придется рискнуть второй «оловянной рыбкой». Придется подойти к врагу ближе.

— Обе машины — средний вперед.

Я приготовился к следующей атаке. Рискуя пустить торпеды под килем цели, я приказал установить большую глубину, чтобы проход торпеды по воде был проще и безопаснее. В дополнение к этому я хотел подойти как можно ближе к границе безопасности, но не подвергая субмарину опасности погибнуть от взрыва собственной торпеды. На борту вражеского судна наблюдатели, казалось, спали. Они не заметили ни прошедшей торпеды, ни

появления маленькой серой подводной лодки, хотя уже было совсем светло.

— Труба 2 готова.

Ответ пришел немедленно. Ни капли волнения не чувствовалось в отсеках, все происходило как на маневрах. Промач не смог разрушить доверия команды. Они, конечно, сожалели о потере «оловянной рыбки», но другим судам под командованием самых знаменитых капитанов везло куда меньше. «Морские волки» среди команды это знали точно, а после первого успеха это не особенно волновало даже зеленых новичков. Теперь нас от вражеского судна отделяло всего лишь 500 ярдов. С мостика я спросил:

— Вам хорошо видно?

— Да, сэр, оно прямо перед нами.

— Ну тогда какого черта? Разрешаю открыть огонь.

— Труба 2 огонь! — Хейдеман еще раз аккуратно прицелился и выстрелил.

Во второй раз торпеда рванулась к кораблю, а экипаж подводной лодки, переложив руль до упора налево, увел лодку как можно дальше от взрыва. Мы должны были быстро отойти от опасной зоны. Торпеда была выпущена на достаточной глубине, чтобы мирно преодолеть небольшое расстояние, а у грузового судна грузоподъемностью 8000 брт была большая осадка. Торпеде будет не просто проскочить под кораблем.

В этот раз нам не пришлось нетерпеливо поглядывать на секундомер. Не успела еще лодка отойти, а люди — начать считать секунды, как судно настиг удар. Попадание торпеды в цель сопровождалось мощным грохотом и гигантским языком пламени, взметнувшимся в небо. «Рыбка» перерезала судно пополам, как раз в районе мостика. Еще через несколько секунд раздалось три других ужасающих взрыва. Вокруг судна, которое пока еще оставалось на плаву, плавало бесчисленное множество обломков. Скрежет разрывающегося металла, треск раскалывающегося в щепки дерева, крики гибнущих людей — все это создавало страшный шум. Судно практически взлетело в воздух, расколовшись на мелкие обломки. Столб огня, возникший на месте, где еще совсем недавно мирно плыл корабль, окрасил все вокруг в кроваво-красный свет. Центр гигантского факела был настолько ярким, что, казалось, затмевал даже солнечный свет в ясный полдень. Крупные обломки корабля исчезали под водой, осколки свистели в воздухе и падали на мостик и палубу подводной лодки. Нам оставалось только скорее уйти из этого бушующего ада. Судно, видимо, везло боеприпасы и взрывчатку.

Через несколько секунд ничего нельзя было разглядеть.

Корабль исчез, будто бы никогда и не существовал. Экипаж субмарины начал искать выживших, хотя было очевидно, что никто на борту судна не мог уцелеть в этом аду. Мы не могли найти даже обломки. В конце концов на поверхность всплыл спасательный жилет, но все наши попытки выловить его в бушующем море, чтобы хотя бы узнать название уничтоженного судна, результата не принесли. Я прекратил поиски, не желая подвергать опасности свой экипаж. В тот момент нам было достаточно знать, что судно принадлежит к классу «Тайроа», а достаточно детальное описание элементов надстройки могло помочь позже идентифицировать его.^[8]

Экипаж ликовал. «U-69» была всего лишь два дня в Атлантике и уже потопила около 16 000 тонн. Более того, один из кораблей вез груз, предназначенный для того, чтобы сеять смерть и разрушения на нашей родине. Это был фантастический успех. Оптимисты уже высчитывали общее число тонн, которое они, судя по числу оставшихся торпед, потопят. Запасы топлива и провизии были еще достаточно высоки, и люди могли рассчитывать на возможность использовать оставшиеся «рыбки» на хорошую цель. Однако бог погоды, судя по всему, всерьез рассердился. Качка стала настолько сильной, что было невозможно даже делать записи в корабельном журнале. Ручки и карандаши друг за другом летели со стола и закатывались в самые дальние уголки. Журнал, словно не желая оставаться на столе в одиночестве, так и норовил последовать за ними.

Сейчас «U-69» находилась в предписанном ей секторе, и команде оставалось только ждать другое судно и более спокойной погоды или конечно же новых приказов от Befelshaber der Unterseeboote,^[9] которое с берега руководило атаками на конвои. Или ждать самолет...

Глава 9

НЕПРИВЕТЛИВЫЙ БРИТАНСКИЙ ПИЛОТ

Кроме подводных лодок Атлантику также патрулировали имеющие большую дальность полета разведывательные самолеты немецкого люфтваффе, сотрудничавшие с адмиралтейством. Пилотам было приказано докладывать об одиночных кораблях и конвоях, чтобы BDU могло направить к ним стаю субмарин. Конечно, ни самолеты, ни подводные лодки не могли полностью охватить огромное морское пространство.

У «дорнье» были большие проблемы с вражескими патрулями, которые пытались сбить их с маршрута конвоев. Также пилотам было очень сложно следовать курсом и маршрутом конвоя. На борту далеко не каждого самолета-разведчика были наблюдатели — квалифицированные морские офицеры. Еще более трудной задачей было наблюдение и опознание одиночных судов с большого расстояния и высоты. Вряд ли кто-то ждал от пилота определения тоннажа, курса и скорости цели, находящейся далеко внизу под ним. Плюс к этому навигационные возможности самолета в воздухе были намного более ограниченными, чем у медленно плывущего судна. Для определения курса конвоя пилоту самолета требовалось затратить очень много времени, да и то результаты в подавляющем большинстве случаев не были достоверными. Вражеские конвои и одиночные суда постоянно шли зигзагом — под углом более чем на 90° от истинного курса. Поэтому пилоту самолета было легко ошибиться и сообщить неверный курс, так что экипажи подводных лодок чаще всего не находили конвои, о которых сообщали легчики.

Однако 19 февраля одному пилоту повезло. «Летающий карандаш» обнаружил конвой в 80 морских милях западнее мыса Рат и потопил два судна. Ближе к вечеру Хебештрайт получил шифрованное сообщение из BDU.

«U-69» было приказано отправиться к конвою и атаковать сорок пять кораблей. Команда встретила новость криками и граммофонной музыкой. В Атлантике они провели всего лишь три дня, и их уже посылали атаковать конвой. Полный вперед!

Штурман нанес на карту новый курс. Координаты конвоя, обнаруженного в полдень в 80 морских милях западнее мыса Рат, были приняты к сведению. А нас снова начали волновать

проблемы навигации. С момента, когда мы покинули Киль, у нас не было возможности определить свое положение по звездам, причем по очень простой причине — мы ни одной из них не видели. Свое теперешнее положение мы знали лишь по счислению, основанному на наших предыдущих курсах и скорости. Дрейф, обусловленный морским течением и ветром, и наше движение зигзагом также были приняты в расчет, но оставались неопределенным фактором. Ни за прошедшую ночь, ни за сегодняшний день мы не могли определить наше точное местонахождение. Небо оставалось без просветов. Если в эти расчеты закралась ошибка, то тогда «U-69» в течение более чем двадцати четырех часов будет идти к несуществующей цели. Более того, конвой мог этой ночью сменить курс.

С другой стороны, мы могли рассчитывать на то, что сорок пять судов конвоя в свободном строю, движущихся через Атлантику, займут довольно-таки большое пространство. Дым из их дымовых труб — даже если один или два судна могли плыть без него, как, например, военные корабли, — создаст довольно внушительное облако. И если будет хоть какая-нибудь видимость, то мы сможем их увидеть на расстоянии нескольких миль.

Пока что субмарина на полной скорости шла заданным курсом. Из последующих сообщений мы узнали, что BDU отправило к конвою и другие подлодки: «U-107» под командованием капитан-лейтенанта Хесслера; «U-48» под командованием капитан-лейтенанта Шульце и «U-96» под командованием капитан-лейтенанта Леманн-Вилленброка.

На третий день небо наконец очистилось и выглянуло столь долгожданное солнце. Штурман немедленно бросился на мостик со своим секстаном, чтобы взять пеленг. Мы не упустили возможности определиться по солнцу. Вот это мастерство! Результат наших наблюдений и расчеты показали, что мы были почти в том месте, которое указал Маринфелд. Небольшое отклонение было легко исправить.

— Ну, теперь все в порядке. Мы должны потопить по крайней мере еще три судна, если, конечно, не хотим получить нагоняй от BDU, — сказал я, подбадривая вахту на мостике.

— Что касается меня, их может быть и шесть, — ухмыльнулся Баде. — Я человек не гордый.

Но не зря говорят, что цыплят по осени считают.

Ночью на горизонте с северной стороны появилась огромная гряда плотных облаков. Казалось, что она собирается не просто закрыть все небо, но и принести с собой еще более плохую погоду. За ней с опаской наблюдали с мостика. Ведь эта облачность могла означать и что-то худшее, чем просто плохая

погода, что-то гораздо более серьезное, чем шторм, снег или град. В столь плотных облаках могли прятаться вражеские самолеты, а их пилоты в полной безопасности наблюдать за приближающейся подводной лодкой.

Я детально проинструктировал своих наблюдателей и указал им на грядущие облака, которая, приближаясь, все больше напоминала гигантскую цепь гор.

— Будьте внимательны, — сказал я, — чтобы мы не оказались застигнутыми врасплох и нас не ужалила пчела.

Я оказался прав. Не прошло и десяти минут, как из облаков показался вражеский самолет. Он был мгновенно обнаружен.

— Внимание всем постам!

Люди с мостика быстро спустились вниз. Я закрыл за собой крышку. Теперь старший механик должен был вытащить лодку из этих неприятностей, опустив ее на глубину. Если начнут падать бомбы, то будет уже слишком поздно.

Субмарина послушно накренилась. Вода через клапаны потекла в цистерны. Жужжание дизеля прекратилось, и лодку наполнило легкое и мелодичное гудение электромотора. В тишине экипаж манипулировал рулями глубины. Все следили за стрелками на глубиномерах. Сейчас только спокойные и ясные приказы старшего механика и ответы из отдельных отсеков, а также негромкий шелест воды нарушали тишину. Все происходило как на тренировочном погружении.

Люди с бешено бьющимися сердцами ждали. Первые бомбы должны были вот-вот упасть. Успеем ли мы опуститься на достаточную глубину, чтобы стать невидимыми для пилота наверху?

Глаза неотрывно смотрели на глубиномер. Лодка опускалась вниз, и стрелка медленно двигалась вместе с ней. Четыре морские сажени... пять... шесть... В этот момент ад вырвался на свободу. Взрывы раздавались сбоку и над лодкой, и казалось, что по стальным водонепроницаемым переборкам стучат тысячи гигантских кулаков. Один... два... три... четыре...

Лодка раскачивалась и тряслась. Людей швыряло друг на друга. Отовсюду на субмарине доносился звон и треск. Казалось, что лодка рассыпается на тысячи кусочков. Моряки ждали, что в любой момент вода прорвется внутрь...

Это было наше крещение огнем.

Несколько секунд ужаса прошло.

Затем из всех отсеков стали поступать сообщения: повреждений не было. Судостроители доказали, что умеют работать, да и сталь от Круппа не подкачала. Разбилось только одно из стекол манометра в центральном посту.

В подводной войне нельзя без удачи, но далеко не каждая субмарина удачлива...

Мы некоторое время оставались под водой, но ничего больше не слышали. Когда подлодка осторожно высунула нос на поверхность, я внимательно осмотрелся через перископ. Все было чисто.

— Всплываем!

Но не успела башня рубки показаться на поверхности, как самолет появился снова. Это тот же самый или другой? Очевидно, пилот просто ждал, когда лодка поднимется на поверхность. И «сандерленд» пошел в пике.

— Быстро ныряем!

Люк боевой рубки был захлопнут, и субмарина снова поспешила на спасительную глубину.

Мы еще не успели опуститься на безопасную глубину, как раздалась новая серия взрывов. Лодка трещала так сильно, будто бы ее сжимали гигантскими тисками. Затем раздался настолько мощный удар, что подводники решили: это конец. Но я все еще был начеку. С помощью вахты в центральном посту и на рулях глубины я аккуратно управлял лодкой и смог опустить ее еще более чем на двенадцать морских саженей. Там внизу, в «глубинном подвале», ни одна бомба не могла добраться до корабля.

В этот раз мы благоразумно решили остаться на глубине на значительно более длительное время. Конфликт между самолетами и подводными лодками, даже если в распоряжении самолетов были лишь пулеметы, был всегда предприятием сомнительным, исход которого невозможно предрешить. Дыры в брюхе самолета были, без сомнения, смертельны, но и подлодка была достаточно уязвима.

Надежда догнать конвой становилась все более призрачной. К счастью, скоро начнутся сумерки, и у лодки появится неплохая союзница в защите от самолетов — темнота.

Через час мы сможем спокойно подняться на поверхность, но сейчас лучше подождать.

Этой ночью лодка снова вернулась на поверхность. Люди наслаждались прохладным морским ветром, обдувавшим их разгоряченные лица. Первая сигарета, выкуренная на мостике, была сущим наслаждением. «Летающая лодка» исчезла. Больше мы ее не видели и не слышали, но и конвой был вне пределов досягаемости. «Сандерленд» выполнил свою работу.

Глава 10

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С КОНВОЕМ

22 февраля пришел новый приказ атаковать конвой, идущий на запад. «U-96», «U-73» и «U-95» должны были преследовать суда. «U-73» под командованием капитан-лейтенанта Розенбаума уже вступила в контакт с конвоем.

Из-за черной как смоль ночи, непрекращающегося снега и града видимость была нулевой. Нам пришлось терпеливо ждать следующего утра, когда видимость хоть немного улучшилась. В серых предрассветных сумерках рядом всплыла еще одна подводная лодка. Благодаря форме боевой рубки стало понятно, что это немецкая субмарина. Но из предосторожности мы все же обменялись опознавательными сигналами. Второй подводной лодкой оказалась «U-96», чей номер был зеркальным отражением нашего. Я был близким другом командира этой подводной лодки Леманн-Вилленброка.

Экипажи двух лодок обменялись веселыми шуточками через мегафон. После разговора о предыдущих приключениях и успехах мы разработали план совместной атаки на конвой. Мы решили нападать с разных сторон, чтобы не мешать друг другу при атаке.

Пока что экипаж «U-73» продолжал докладывать по радио о перемещениях врага. Эти сообщения вполне могли быть перехвачены врагом, а значит, враг был предупрежден о наличии подлодок. Но во-первых, все радиопередачи были закодированы, а во-вторых, в то время было технически невозможно взять точный пеленг коротковолновых передач. И тем не менее, посылались только самые срочные сообщения. С другой стороны, разнообразные корабли — не только немецкие — постоянно контактировали с береговыми станциями, что тоже не оставалось тайной. BDU всегда знало, где находятся и чем заняты наши субмарины, и могло послать их в самую горячую точку.

В течение нескольких часов «U-69» и «U-96» искали конвой. В конце концов поздним вечером мы одновременно заметили ключья дыма на горизонте, которые указывали на большое скопление судов. Сообщение было немедленно передано на другие корабли, после чего мы впервые на полной скорости пошли за врагом.

Волны продолжали бушевать, но ветер успокоился, и видимость стала гораздо лучше. Экипажи двух лодок, попрощавшись друг с другом и обменявшись боевыми кличами, вскоре смогли довольно четко разглядеть корабли и держать их в

поле зрения.

Нам повезло, что вскоре опустились сумерки, поэтому лодки могли дольше оставаться на поверхности. Дойдя до головного судна, мы заняли позицию на некотором отдалении от него на траверзе. Люди на мостике, почти как на параде, выстроились в ряд. Только музыки не хватало. В подобных нападениях главное было не привлекать к себе внимания охраняющих конвой эсминцев. Они кружили вокруг судов, как овчарки вокруг стада, и ходили зигзагом туда-сюда в поисках подводных лодок. Заметив белый ус волны одного из эсминцев, мы тут же останавливали лодку, вежливо пропуская более сильного противника.

Эсминцы были заклятыми врагами подводных лодок, они специализировались именно на войне с субмаринами. Вообще эсминец — это необычайно легко управляемый и скоростной военный корабль с огромной огневой мощностью. Их шумопеленгаторы могли мгновенно обнаружить торпеду, выпущенную подлодкой. «Рыбка», в сущности являясь всего лишь маленьким корабликом, производит шум гребного винта, который можно легко засечь, а столкновения с ней можно избежать резким изменением курса. К тому же эти сравнительно небольшие корабли обычно двигались абсолютно непредсказуемыми зигзагами. Экипаж подлодки мог сделать лишь одно: либо быстро уйти с пути эсминца, либо так же быстро опуститься под воду.

Волнение на подводной лодке возрастало, ведь команда видела конвой впервые в жизни. Невероятный лес мачт медленно проплывал мимо. Я подсчитал, что этот конвой, включавший в себя сорок кораблей и по крайней мере пять или шесть эсминцев, вмещал примерно 200 000 брт. Экипаж подлодки надеялся, что немногие суда сумеют уйти отсюда целыми, чтобы привезти врагу новые грузы. Успокаивала мысль, что «U-69» была сейчас не один на один с этой армадой, некоторые из наших друзей сейчас тоже кружат неподалеку, выискивая наиболее лакомый кусочек. Мы должны быть осторожны, чтобы не встать друг у друга на пути.

Внимательно осмотревшись, я выбрал из конвоя самую большую цель — современное судно. Атака началась примерно в полночь. Именно к этому времени лодка заняла позицию для атаки.

Всякий раз, как вражеское судно появлялось в поле зрения, нас неизменно охватывало волнение. Эсминцы все еще кружили рядом. Мы должны были внимательно следить за происходящим, наблюдатели на мостике не могли ни на секунду выпустить из виду свой сектор наблюдения. Пока что присутствие немецких подводных лодок оставалось незамеченным. Казалось, что на

борт большого судна никто даже не предполагал, какая им грозит опасность. А на борту субмарины все, затаив дыхание, ждали, когда я дам разрешение открыть огонь. Шепотом я указал расстояние и скорость противника и приказал выйти на атакующую позицию. Затем после длительной паузы последовала столь долгожданная фраза:

— Разрешаю открыть огонь!

— Труба 1... огонь!

«Оловянная рыбка» помчалась к цели.

— Verflucht! — Еще одна любительница попрыгать по поверхности воды. Вместо того чтобы идти бесшумным курсом, «рыбка» рванулась по водной глади как сумасшедшая. Еще одна торпеда была потеряна, а 10 000 брт противника уцелели. Никто не мог в тот момент знать, что этот самый большой корабль конвоя — судно «Хантингтон», вмещавшее 10 946 тонн — будет позже уничтожен нашим товарищем, подлодкой «U-96».

А пока что экипаж судна обнаружил атакующую субмарину и пытался уйти от нее на полном ходу. Весь конвой зигзагом шел на юг. Прежде чем предпринять новую атаку, нужно было в гораздо более сложных условиях занять новую удобную позицию. Драгоценное время было потеряно. При второй атаке было отмечено прямое попадание в выбранную жертву. Взрыв сопровождали высокие фонтаны воды — весьма эффектное зрелище. Мостик и дымовая труба упали за борт. Судно переломилось и затонуло за несколько секунд.

Это был первый удар.

— 9500 тонн можно вычеркнуть из регистра Ллойда, — гордо провозгласил вахтенный на мостике.^[10]

Окрыленный этим успехом, экипаж «U-69» начал атаковать следующую цель. Торпеда из кормового аппарата должна была быть выпущена с близкого расстояния. Судно развернулось за секунду до взрыва и на полном ходу помчалось прочь. Смысла преследовать его не было. Команда «купца» заметила субмарину и была готова открыть огонь из кормового орудия. Возможно, его экипаж наведет на след подлодки эсминец. Все, что нам оставалось, это удалиться.

В этот момент норвежское судно «Свэйн Ярл», шедшее под британской защитой, появилось в поле зрения. Это было судно-ловушка для подлодок, и поэтому оно было особенно опасно и важно. Немедленно началась атака.

Пока мы маневрировали, приближаясь к цели, облака внезапно рассеялись, и с ужасающей скоростью начало светлеть. Люди на боевой рубке со злостью оглядывались по сторонам, понимая, что столкнулись с неким природным феноменом. К

своему великому удивлению, они увидели сверкающее северное сияние, которое до этого было скрыто облаками. Сейчас оно без преград сияло в небе, а его отблески переливались всеми цветами радуги на воде. На мгновение подводники поддались его очарованию. Казалось, будто сотни мощных прожекторов светили с неба на море и освещали его, как солнце — день. Свет играл, многократно преломляясь и отражаясь в волнах, и трепетал, как щупальцы гигантского осьминога, мечущегося в поисках добычи. Это было уникальное, ужасное и в то же время великолепное зрелище. Вряд ли можно описать словами это грандиозное, присущее только Крайнему Северу явление, не будучи поэтом. Эту таинственную и призрачную игру света невозможно представить, ее можно только увидеть.

Но у людей не было времени любоваться ледяной красотой этого странного природного представления. На чем свет стоит они проклинали своего только что появившегося врага. Было так светло, что все детали норвежского судна были прекрасно видны, и для команды вражеского корабля не составляло труда на фоне сияющего неба разглядеть темный силуэт приближающейся подводной лодки. Разумеется, экипаж «Свэйн Ярл» знал, что происходит. Прежде чем мы успели организовать атаку с кормы, корабль развернулся носом к субмарине, собираясь протаранить ее на полной скорости. Тяжелый форштевень с каждой секундой приближался.

— Срочное погружение!

— Спускайтесь вниз! Бросайте вещи здесь!

Люди спешно кинулись в люк. Я захлопнул крышку, и тут же на мостик посыпались пули. Норвежская команда открыла огонь из пулемета. Через несколько секунд снаряды начали падать повсюду.

С опасностью для здоровья и очень быстро, но слишком медленно для натянутых нервов экипажа лодка начала погружение. Нос норвежского судна должен был оказаться рядом в ближайшие секунды, и люди с ужасом ждали, что вот-вот раздастся страшный треск тарана.

Ах! Вот оно идет. Мы были знакомы со звуком приближающегося корабля с того самого дня, когда на тренировке нас протаранил «Вальдемар Капхаммель». Сейчас корабль был очень близко. Казалось, наши сердца остановились. Мы слышали, как гребные винты огромного судна разрезают воду над нами. Звук приближался, становясь с каждой секундой все громче и громче, затем прошел мимо и исчез.

Вздых облегчения разнесся по посту управления. Замешкайся мы на несколько секунд, и «U-69» пришел бы конец.

Сейчас, когда напряжение спало, один из моряков, старший матрос Баде, начал горячо ругаться. При сигнале тревоги он скорее упал, чем спустился вниз, и довольно сильно ударился.

— Черт знает что такое! — мрачно проговорил он, потирая ушибленную конечность. — Стрелять по таким мирным подводникам, как мы!

Безобидное замечание сработало. Взрыв смеха разнесся по самым дальним уголкам жилых помещений. Радисты почему-то решили, что было бы неплохо поставить нелепую запись о «Дяде Эдуарде». Настроение на подлодке снова поднялось.

Атака на конвой сейчас уж точно закончилась, потому что вопрос о том, чтобы подняться на поверхность во время безумства северного сияния, даже не стоял. Более того, пройдет много времени, прежде чем британцы наверху успокоятся. А пока что лодка медленно плыла под водой на электромоторах. Моряки заставили кока приготовить яичницу и чипсы, самую любимую еду моряков всего мира.

Глава 11

«МНЕ ПЛЕВАТЬ!»

Во время еды акустик Хебештрайт сообщил о приближающихся звуках эсминца. Обнаружит ли он лодку? «U-69» все еще оставалась прямо под конвоем. Мы понимали, что врагу будет очень сложно различить звук двигателя субмарины среди шума, производимого таким количеством работающих гребных винтов. Но британские операторы гидролокаторов были старыми и опытными участниками игры. И едва мы услышали звук гребных винтов эсминца, как наверху начался настоящий шабаш ведьм, и почти рядом с лодкой прозвучали взрывы глубинных бомб — первый удар... второй... третий...

Первый залп был хорошо нацелен. Лодка прыгала туда-сюда, как сумасшедший бычок. Все звенело и трещало. Отовсюду раздавались крики ужаса. Кто-то из моряков решил, что водонепроницаемая переборка не выдержит и сейчас придет их последний час.

— Всем замолчать! — прокричал я.

Люди повиновались автоматически. Никто не шевелился, все молчали, потому что знали, малейший шум может быть услышан британцами.

Моральный эффект бомбежки был необычайно силен, в особенности все это подействовало на молодых членов экипажа, которые впервые в жизни встретились с настоящими глубинными бомбами. Оглушающий треск и грохот доносился отовсюду: на некотором отдалении и совсем рядом с субмариной, над и под лодкой. Старший механик и я знали, на какую глубину обычно установлены британские бомбы. При каждом взрыве механик старался сохранить прежнюю глубину до того момента, пока в перерыве между двумя атаками не сумел опустить лодку несколько глубже. Но в любой момент следующая направленная бомба могла попасть в цель.

Лица людей вытянулись. Некоторые моряки втягивали голову в плечи, когда взрывы казались особенно близкими. Впечатление того, что живой сидишь в гробу и ждешь, когда сокрушительный удар закроет крышку навсегда, стало в конце концов невыносимым. Стояла мертвая тишина. Люди сняли ботинки, чтобы не производить ни малейшего шума. Они дисциплинированно ждали, когда адский грохот снаружи закончится. Но он не прекращался. Эсминец упорно продолжал сбрасывать бомбу за бомбой, но мы в это время уже достигли

безопасной глубины. Возможно, экипаж эсминца решил атаковать до того момента, пока на поверхности не появится огромное масляное пятно, которое, вместе с обломками крушения, могло бы послужить доказательством того, что он подбил и уничтожил подлодку. К счастью, вражеские морские охотники, видимо, не знали, на какую глубину может на самом деле опуститься немецкая подводная лодка.

Тем не менее атака глубинными бомбами — худшее испытание для нервов экипажа. С секундомером в руке они могли точно сказать, когда взорвется следующее «яйцо».

Удар... еще удар... снова удар...

После каждого взрыва люди вздыхали с облегчением и начинали прислушиваться, уходит преследователь или, наоборот, приближается. Возможно, ему надоело или он израсходовал свой запас «яиц». Но взрывы продолжались с настойчивостью, достойной лучшего применения. Как только вторая серия прошла и за обычной паузой не последовала третья, мы все понадеялись, что эта медленная пытка наконец-таки закончилась. Но нет, зловещая игра продолжалась.

Бесконечные взрывы сотрясали лодку и безумным эхом отдавались внутри. Проскальзывала мысль, что весь корабль сейчас разлетится на куски. Даже самые большие оптимисты приуныли. Безумно хотелось курить, сигарета помогла бы скоротать время и успокоила бы нервы. Но даже это было невозможно, потому что курение на подводной лодке могло привести к пожару и смерти. Более того, на погруженной лодке кислород был слишком ценен. В конце концов я приказал всем, кто мог уйти с боевых постов, покинуть помещение, лечь на койки и дышать через кислородные трубки. Весь свет, за исключением самых необходимых ламп, был выключен. Воздух и электричество нужно было беречь любой ценой.

Снова и снова рядом раздавались взрывы. У эсминца на борту, похоже, был нескончаемый запас глубинных бомб. Несколько философов из команды стали их считать. Двадцать восемь... двадцать девять... тридцать... Как долго это может продолжаться? Люди на боевых постах с натянутыми до предела нервами следили за оборудованием. Малейший признак повреждения нужно было немедленно устранить. Любых движений следовало избегать, чтобы экономить свежий воздух. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы лодка поднялась на поверхность преждевременно. Потому что тогда она будет безжалостно уничтожена всего лишь несколькими выстрелами. Кроме того, не может же эсминец вечно ждать наверху. Конвою он может скоро понадобиться...

Пока что другие подводные лодки были явно при деле. Тут и там слышались глухие звуки взрывающихся торпед, приносившие известия об очередном успехе наших товарищей. Сидя в ограниченном пространстве, мы могли утешаться мыслью, что наши друзья помогли нам избавиться по крайней мере от одного потенциального преследователя. А вот «наш» эсминец оказался чрезвычайно упрям. Мы постоянно слышали навязчивый гул его гребных винтов. Затем он изменил свою позицию. Вскоре после этого наступила тишина — корабль готовился атаковать из нового положения. Обнаружив цель, он устремлялся к ней на полной скорости, чтобы сбросить следующую серию глубинных бомб. Вражеский корабль внимательно и систематически прочесывал окружающее пространство, поскольку был уверен, что здесь находится немецкая лодка. Людям внизу приходилось ждать, пока этот крайне отрицательно действующий на нервную систему град наконец прекратится. Бывали моменты, когда казалось невозможным терпеть эти временами сильные, а временами слабые, но всегда вибрирующие звуки. Эхо от обшивки корпуса стало слишком сильным, казалось, что наши головы находятся в пустом барабане, который вибрировал при каждом ударе. Понемногу люди начали гадать, как долго они смогут протянуть и не сдаться подступающему безумию. Они находились в аду и не смели надеяться на защиту...

Как только в бомбежке возникала немного более продолжительная пауза между взрывами, настроение у людей снова поднималось, но надежда, что наконец-таки все закончилось, каждый раз умирала.

Эсминец, казалось, никуда не торопился. Он надеялся постоянным сбрасыванием бомб привлечь сюда всю стаю подводных лодок, а значит, град должен был длиться несколько часов. Помимо штурмана никто не знал, как долго уже продолжается это мучение. Одни говорили, что два часа, другие — что четыре. Но один человек — старший матрос Баде из второй вахты — умудрился при этом уснуть. Этого старого морского волка уже ничто не могло потрясти. С флегматичной фразой «Мне плевать!» он спокойно улегся на свою койку сразу после погружения. В конце концов, на Страшном суде будет уже не важно, чем занимались члены экипажа перед гибелью: ждали ли они окончания этого кошмара с ужасом и надеждой, считая секунды между взрывами и таким образом все больше и больше тревожась, или оставили все в руках Божьих и легли спать. Если бы катастрофа случилась, то отвести ее все равно было невозможно. Если бы удар произошел, то было бы абсолютно все равно, спал ли человек или бодрствовал, потому что надежды на

спасение все равно не было. В случае же удачного исхода спавший получал явное преимущество, он, по крайней мере, хорошо отдохнул.

После трех часов неравной битвы команда эсминца, должно быть, решила, что пора заканчивать это затянувшееся шоу. Паузы между взрывами постепенно стали длиннее, а грохот начал удаляться все дальше и дальше. Наконец наступила тишина, но эта тишина стала волшебной музыкой для подводников. Акустики сообщили, что эсминец торопливо направился за конвоем.

Таким образом, это одностороннее и довольно неприятное противостояние подошло к концу. Теперь и остальные члены экипажа могли улечься в койки, как Баде, и найти немного отдохновения во сне.

Когда через некоторое время «U-69» осторожно поднялась на поверхность, море было пустым и тихим. Не было ни следа ни конвоя, ни эсминца. Все они исчезли. Моряки стояли на мостике и поздравляли друг друга с тем, что вышли живыми из ужасной переделки. Даже механики выбрались из недр лодки, чтобы сделать пару глотков свежего воздуха и очистить легкие от масляных испарений.

Первые выкуренные на мостике сигареты рассеяли остававшуюся тревогу.

Сейчас, разумеется, весь экипаж жаждал деятельности. Люди желали устремиться вслед за конвоем и отправить последнюю торпеду во врага. Если конвой был рассеян мощной атакой стаи, то нам, возможно, повезет встретить отставшее от конвоя судно. Но после совещания со старшим механиком я не дал своего разрешения на преследование.

Длительные переходы на полной скорости по Северному морю и быстрое маневрирование при атаке сильно истощили запас топлива, поэтому в BDU было отправлено сообщение: «„U-69“ не смогла преследовать конвой вследствие атаки глубинными бомбами. Потоплен один корабль грузоподъемностью 9500 брт».

После этого шел доклад о количестве топлива и торпед и информация о том, что субмарина сейчас возвращается в порт.

Погода во время нашего возвращения домой была вполне благоприятной. Больше кораблей мы не видели, и последняя «оловянная рыбка» была с неохотой привезена домой.

В атаке на этот конвой «U-96» потопила вспомогательный военный корабль и три грузовых корабля. «U-95» под командованием капитан-лейтенанта Шрайбера, прибывшая позже, также стала причиной гибели трех судов. Среди кораблей, потопленных «U-95», было норвежское судно «Свэйн Ярл»,

которое оказалось столь опасным для «U-69».

Глава 12

БОРОДЫ ПРОЧЬ, НАДЕТЬ МОДНЫЕ КОСТЮМЫ

Во время возвращения домой «U-69» получила приказ из BDU следовать в только что оборудованную атлантическую базу Лориан. Таким образом, нам предстояло совершить длинное путешествие через бурное Северное море. Как выяснилось, топлива на это нам как раз хватало.

Первым судном, которое мы увидели во время нашего путешествия, длившегося несколько дней, была другая возвращающаяся домой лодка.

Команда теперь размещалась в носовом торпедном отсеке, так как последние резервные торпеды были уже в трубах. Естественно, теперь у нас появилось гораздо больше свободного места, чем было до отплытия. Кроме того, у экипажа, безусловно, нашлось время, чтобы пришить победные эмблемы на черно-белый вымпел, по одной в честь каждого потопленного судна, значит, в сумме получалось три. Также там можно было увидеть примерное число тонн.

1 марта в районе Иль-де-Глуа подводная лодка была встречена кораблями немецкой береговой охраны. Победный флаг гордо развевался на наполовину поднятом перископе. Стоящие на палубе моряки впервые видели французский берег. В дополнение к радости завершения удачной миссии прибавилась радость от посещения иностранного порта.

«U-69» вместе с маленьким эскортом медленно плыла в бухту Лориан, превращенную в немецкую военно-морскую базу. В порту Луи немецкие военные знамена можно было видеть на высоких строениях, а также нескольких крышах жилых домов открывающейся по правому борту идиллической крепости в стиле барокко. Как их примут в бывшей вражеской стране? Будут ли моряков после трудного пути ждать хмурые и злые взгляды жителей оккупированного города? Усложнят ли угрюмые портовые рабочие жизнь экипажу подводной лодки на берегу?

Но нет, ничего подобного не произошло. Среди встречающих, кроме немецких солдат, было также несколько гражданских лиц, которые не менее приветливо махали возвращающейся лодке. «U-69» добралась до недавно построенного укрытия для подводных лодок. Друзья уже ждали нас на пирсе. Духовой оркестр играл какую-то музыку, а рядом с музыкантами стояло

несколько женщин. Последнее немедленно вызвало всеобщий интерес. Раздался оживленный гул голосов, строились самые разнообразные предположения. Были ли это родственницы, жены или подруги военных? Во всяком случае, это уж точно были не француженки. Нет, это были симпатичные молодые немки, члены добровольческих медицинских отрядов и медсестры из ближайших госпиталей. Они встречали возвращающуюся домой лодку огромным букетом. И все мы почувствовали, будто получили приветствие далекой отчизны.

Я торопливо покинул лодку и поспешил на машине в BDU, чтобы доложить о результатах нашего первого боевого похода. Штаб-квартира адмирала Деница находилась в Керневале, расположенном здесь же, недалеко от входа во внутреннюю гавань. Отсюда, так сказать, с передовой линии он отправлял свои подлодки в море. Дома он оставил проблемы набора и обучения личного состава в руках капитана 1-го ранга фон Фридебурга, своего старого проверенного соратника, и других старых морских волков, больше не выходивших в море. В Керневале адмирал полностью посвятил себя руководству Великой битвой за Атлантику.

Подводная лодка, почти не получившая повреждения, несмотря на атаку глубинными бомбами, скоро снова выйдет в море. Всего лишь несколько дней понадобится для ее осмотра в доке. Команда же получила недельный отпуск.

Вскоре были выданы проездные документы для отпускников. Бороды были сбиты, и еще прежде, чем корабельная команда сошла на берег, персонал верфи приступил к осмотру лодки. Костяк команды, оставшийся в Лориане, после вахты полностью окунулся в романтическую жизнь порта. Были испробованы хорошее французское вино, трехзвездочное бренди и даже настоящее шампанское. Некоторые члены экипажа практиковались во французском и пытались выучить хотя бы несколько фраз. Жители оказались не столь враждебными, как себе представляла команда, а даже, наоборот, отношения с французскими семьями развивались очень быстро. Естественно, юные моряки бросали заинтересованные взгляды на местных девушек, которые, со своей стороны, находили этих умных парней довольно привлекательными.

Несколько счастливых «лордов» умудрились совершить трехдневное путешествие в Париж. Хотя в Лориане и его окрестностях тоже было где поразвлечься. Бретонские крестьяне, которых моряки встречали во время своих прогулок по провинции, оказались очень дружелюбными. И все это способствовало тому, что экипаж «U-69» чувствовал себя в

Лориане почти как дома.

Подводники подружились с солдатами из 69-го артиллерийского полка, расположившегося неподалеку. Береговая охрана этого полка следила за входом лодки в порт, а командир 69-го заметил, что эта победоносная лодка носит тот же номер, что и его обожаемый полк. Он немедленно послал открытку экипажу, и отношения были установлены. Этот командир, участвовавший в двух войнах, вскоре был приглашен с некоторыми из своих людей нанести визит на подводную лодку.

Затем была проведена церемония официального взятия шефства над подлодкой. Сам капитан Хеззер подарил кают-компании шесть серебряных пивных кружек, шесть серебряных тарелок и две серебряные чаши с подходящей гравировкой, которые он заказал из дома.

За обеденным столом было очень весело. После этой встречи мы стали много времени проводить вместе. На следующий день солдаты из артиллерийского полка помогали загружать подлодку. Вместе с моряками они грузили на борт запчасти и провизию. Многие выполняли разнообразную мелкую работу. А тем временем, пока на палубе складывали консервы, несколько сержантов и армейский капрал воспользовались возможностью осмотреть 8,8-см орудие, которое было для них в новинку. Несколько человек даже отправилось на учебные стрельбы. Старые и опытные сержанты во все глаза рассматривали «зимний сад» и позволяли молодым матросам учить себя основам морского дела. Эти артиллеристы считали, что война для них закончилась и что в будущем их ожидает мирная гарнизонная жизнь. Основное бремя войны, по их мнению, теперь ложилось на военно-морской флот. Парни решили сделать корабельной покровительницей святую Барбару.

Глава 13

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТРЯПКА

18 марта «U-69» снова была готова выйти в море. База подводных лодок Лориан теперь находилась в опасной близости от врага. Когда мы уходили, надводные корабли прикрывали нас своими зенитками.

По прохождении Иль-де-Глуа эта задача перешла к большому сторожевику — кораблю ПВО. Вскоре стало понятно, что эта предосторожность была необходима. Как только мы вошли в узость, поднялась тревога. «Хадсон» атаковал сторожевик, произошла ожесточенная перестрелка. Подводной лодке погружаться здесь, на мели, смысла не было, так что люди в «зимнем саду» открыли огонь по самолету из 2-см зенитки. Почти сразу пилот открыл бомбовые люки. Бомбы взорвались в нескольких ярдах от нашего защитника, подняв фонтан брызг. Очевидно, сбрасывая бомбы, летчик заметил гораздо более уязвимую субмарину за ним. Он переключил внимание на подводную лодку и попытался ее атаковать своими пулеметами.

— Либо он, либо мы, — сказал старшина, командовавший действиями боевого расчета. Как только пули с самолета посыпались на палубу, он тоже открыл огонь по врагу.

Но в тот же самый момент «хадсон» попал под обстрел со сторожевика. Самолет сделал вираж, накренился и ушел в пике. Он, казалось, шел по кратчайшему пути прямо на «U-69», которой пришлось резко уклониться, чтобы избежать столкновения. Маневр в последний момент удался, через несколько секунд вражеский самолет с шумом пролетел над лодкой и упал в море примерно в 50 ярдах от нас. Ничто помимо огромных кругов не осталось на могиле британского пилота. Затем внезапно в воде рядом с «U-69» всплыл чемодан. Возможно, при падении летчик выкинул его из самолета, чтобы уж точно уничтожить. Чемодан быстро выловили из воды. Не приходилось сомневаться, что в нем находится нечто важное. На ящике стоял большой штамп «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». У людей на лодке не было времени, чтобы заглянуть внутрь, хотя прикоснуться к государственным секретам, что греха таить, хотелось. Чемодан тут же привязали к спасательному концу и перебросили на сторожевик. Затем «U-69» покинула своих братьев по оружию.

Мы снова остались одни. Начался второй боевой поход в Северную Атлантику. Западный берег Бретани скоро окутал туман. Большую часть времени находясь под водой из-за боязни

вражеских самолетов, «U-69» шла по широкой дуге к прежнему району патрулирования. По ночам лодка всплывала на поверхность.

Следующим утром молодой матрос, наблюдатель на корме, внезапно закричал:

— Это не наша обычная кильватерная струя. Она видна слишком далеко за нами. — Он заметил, что за лодкой остается узкий нефтяной след, что может оказаться фатальным, если ее обнаружит враг.

Вместе с механиками из машинного отделения и другими членами экипажа старший механик Роудер проверил каждое соединение. Не было найдено ни одной течи. Что же было не так? Несмотря на морозную погоду, паре моряков в водолазных костюмах пришлось спуститься на страховочных концах за борт и проверить заклепки и швы на корпусе. Ценное время было потеряно. Лодке пришлось немного пройти вперед, погрузиться, затем подвсплыть, и, пока субмарина наполовину оставалась под водой, экипаж снова перепроверил все, что было возможно. В конце концов причину повреждения обнаружили. Один из рабочих верфи оставил на верхней палубе испачканную в масле тряпку. Кто-то попытался ее выбросить. Она застряла под решеткой на верхней палубе и некоторое время лежала там, не принося никому вреда. Когда же она намочила, масло начало смешиваться с водой и утекать. Экипаж выкинул предательскую тряпку в море.

Наше путешествие на север возобновилось. Маленькая лодка не встретила на пути никого, кроме нейтрального судна, везущего продовольствие в Ирландию, о котором было сообщено заранее. Вокруг нас был пустой океан. И вдруг за лодкой появился еще один нефтяной след. Во второй раз начался тщательный поиск повреждений. Лишь на следующее утро в одном из соединений была найдена небольшая протечка. Едва мы ее заделали, как пришло сообщение с приказом атаковать конвой, покидавший Англию. Он был обнаружен капитан-лейтенантом Эндрассом, который раньше был помощником у Прина и сейчас получил собственную лодку «U-46». Одного взгляда на карту хватило, чтобы понять: пройдет по крайней мере двадцать четыре часа, прежде чем «U-69» сможет туда добраться. Эта точка была расположена очень далеко на севере.

После первых дней, полных неприятных заминок и скуки, экипаж снова был полон энергии и восторга погони. Но этой атаке на конвой не суждено было оказаться столь легкой, как считали моряки. То, что им пришлось пережить в последующие часы и дни, было самым тяжелым испытанием для лодки и

экипажа. Это была длинная и чрезвычайно нервная погоня. Следующие два дня погода была даже хуже, чем во время нашего первого похода, хотя тогда нам казалось, что хуже уже не бывает. Стихия, казалось, вовсе обезумела. Шторм безжалостно колотил по маленькой лодке своими гигантскими кулаками. После двух дней и ночей неутомимой борьбы с непогодой мы обнаружили, что конвой ушел.

Глава 14

ПОД ГРАДОМ ГЛУБИННЫХ БОМБ

Видимость постепенно ухудшалась. Лодка продолжила путь без надежды на успех. В конце концов 21 марта экипаж заметил направляющийся домой, восточным курсом, конвой. С огромными трудностями субмарине удалось приблизиться к врагу. Удержать контакт с конвоем в темноте было очень сложно. Еще более ухудшило ситуацию то, что конвойные эсминцы обнаружили «U-69». Стоя у перископа, я увидел, как корабли направились к лодке. Срочное погружение! Через несколько секунд первая серия глубинных бомб разорвалась под лодкой. Это вызвало волнение, но, к счастью, взрывы были довольно далеко и стали причиной лишь разбитых стаканов. Вторая серия оказалась еще дальше, но, судя по третьей, противник наконец установил контакт с целью. Бомбы превратились в сплошной град над нами. Началась медленная и ожесточенная борьба между жизнью и смертью. Исходя из своего опыта прошлой вражеской атаки, я решил увести лодку от эсминцев как можно скорее, но противник постоянно сохранял контакт с помощью асдика. Один эсминец лег в дрейф, а второй ходил взад-вперед над нашими головами и затем неожиданно сделал залп из «хеджехога».^[11] Это было эффектно, но очень неприятно.

Снова на субмарине стояла мертвая тишина. Эта тишина была нашей союзницей против врага. Никто из моряков не издал ни звука, когда лодку швыряло из стороны в сторону. Электромоторы медленно продвигали нас вперед. Даже Баде не спал. Нам всего лишь нужно было дождаться момента, когда эсминец перейдет на полный ход, прежде чем сбросить свои бомбы. Потому что после этого усиливающийся шум от его собственных винтов и грохот взрывов сильно усложнят врагу задачу по определению местонахождения лодки. Люди внизу использовали эти несколько секунд, чтобы включить электромоторы на полную скорость и направиться ко второму неподвижному эсминцу. Мы попытались уползти с места событий. Такая игра в кошки-мышки длилась несколько часов. Поздним вечером мы наконец умудрились избавиться от обоих преследователей. Их бомбы продолжали падать, но взрывы становились все дальше и дальше. Они явно потеряли «U-69» на своих асдиках.

Война, которую ведут экипажи подводных лодок, никоим образом не является, как считают многие, веселой охотой за

судами, которых одной торпедой отправляют на дно. Наоборот, это ожесточенная схватка с врагом, прекрасно обученным и чрезвычайно мужественным. Согласитесь, здесь есть разница. У субмарин много врагов — штормы, мины, суда-ловушки, эскортные корабли, глубинные бомбы и самолеты, — и у каждого из перечисленных оппонентов есть большие преимущества. Одного прямого попадания из их орудий хватит, чтобы потопить чрезвычайно уязвимую подлодку. Плюс к этому каждый человек на ее борту необходим на своем посту. А если несколькими из них случится заболеть, то маневры выполнить будет невозможно — просто некому. И все же это была честная рыцарская схватка, в которой противники знали и уважали друг друга. В последующем мы приобрели новый опыт и узнали, что даже торговое судно могло себя защитить в битве с подлодкой.

Чернильно-черной ночью «U-69» поднялась на поверхность и заспешила по направлению к новому конвою. Ближе к утру мы увидели верхушки мачт, что означало: лодка достигла заданной позиции. Вдалеке от других кораблей зигзагом шло мощное одиночное судно. Едва субмарина приблизилась к нему на 1000 ярдов, как корабль резко повернулся к ней. Мы попытались начать преследование и снова выйти на удобную позицию, но корабль продолжал ходить вокруг нас кругами. На судне засекли лодку шумопеленгатором. Я перепробовал все возможные маневры и ложные выпады, но не мог «стряхнуть с хвоста» врага. В конце концов я, описав большой круг, сумел слегка оторваться. Вторая попытка была сделана с гораздо большего расстояния, но судно снова засекло атакующего. Следующие полчаса оно опять по пятам ходило за подлодкой. Затем корабль последовал за конвоем. На нем явно был хороший акустик, и оно использовалось как специальный эскорт для обеспечения безопасности конвоя. Именно по этой причине я и хотел вызвать его на бой. Очередная атака на этот корабль-ловушку была организована с еще большего расстояния. Параметры стрельбы были заданы с величайшей точностью. Была высчитана скорость противника — современного быстроходного судна, — так что субмарина могла выйти на параллельный курс и сохранять на траверзе ту же дистанцию на сниженной скорости. Затем она вырвалась вперед, и атака началась. Чтобы быть уверенным в успехе, я остановился на залпе из трех торпед. Три электрические торпеды покинули трубы одновременно. Электромоторы немедленно понесли их в сторону противника. Но едва торпеды были выпущены, враг, резко увеличив скорость, выполнил очередной поворот и направился к субмарине. Он обнаружил торпеды и легко уклонился от них.

Экипаж «U-69» был разочарован. Три чудесные «оловянные рыбки» потрачены впустую! Впервые люди начали понимать, что находятся лицом к лицу с кораблем, который во всем их превосходит. Мы не могли причинить ему никакого вреда. Против такого судна ни стремительность, ни холодная голова, ни холодный расчет помочь не могли. Его просто нельзя атаковать.

— Он слишком хорош для нас, — сказал я. Любая попытка потопить это судно обречена на провал.

Лодка оставила в покое свою прежнюю цель и поспешила за конвоем. Внизу в носовом торпедном отсеке в трубы торпедных аппаратов уже загрузили резервных «рыбок». Наступала ночь, а значит, была необходима скорость. Но удача покинула «U-69». Несмотря на все усилия, нам не удалось восстановить контакт с конвоем. Корабль-ловушка для подводных лодок спас его, а нам стоил трех драгоценных торпед, за что позже BDU потребует ответа.

Прошло несколько дней и ночей до того, как «U-69» наконец-то наткнулась на конвой, вернее, на его рассеявшиеся остатки. Я быстро выбрал судно, чьи очертания были хорошо видны. Снова «U-69» некоторое время шла поблизости от корабля, чтобы занять хорошую позицию для атаки. Электрическая торпеда была выпущена со среднего расстояния и при хороших условиях. Снова люди нервно поглядывали на секундомер. Электрическая торпеда не оставляла за собой следа из пузырьков, а значит, проследить за ней было нельзя. Секунды бежали! 48... 49... 50... Результат — промах! И это была четвертая торпеда, потраченная впустую. «U-69» развернулась, и мы тут же заметили еще один корабль. Была выпущена еще одна «рыбка». Это была одна из старых G.VII.a, и сейчас, наконец, впервые в этом плавании раздался крик: «Попали!» Корабль остановился, экипаж ринулся к спасательным шлюпкам. Ни на одном другом судне не побеспокоились о подбитом товарище. Ни на одном корабле не сделали ничего, чтобы помочь потерпевшим кораблекрушение. Конвой шел дальше. [\[12\]](#)

Эсминцы, видимо, были заняты, потому что до нас доносился грохот взрывов глубинных бомб. После того как я убедился, что мы находимся один на один с жертвой, я решил раз и навсегда протестировать возможные ошибки этих электрических торпед, которые причинили нам уже кучу неприятностей.

Среди подводников ненадежность электрических торпед всегда была причиной жалоб. Вначале люди думали, что отказы связаны с взрывателями, которые использовались еще в первые годы войны. Но у «U-69» было уже на счету несколько отказов торпед с контактными взрывателями. Я был убежден, что

необычайно важно узнать, что же на самом деле не так с этими электрическими торпедами, в особенности в связи с последним промахом, когда «рыбка» была выпущена в прекрасных условиях. Выстрел по неподвижной мишени — дрейфующему кораблю — не может оказаться неудачным. Как только моряки с подбитого судна уплыли достаточно далеко, мы подошли к кораблю поближе и заняли позицию ровно в 1000 ярдах от него. Затем, точно прицелившись, мы выпустили торпеду G.VII.e. Время бега было проверено по секундомерам. Глаза моряков напряженно следили за секундной стрелкой. Затем пришло сообщение: «Время пробега истекло». И лишь после значительного промежутка времени раздался взрыв. Куски корабля взлетели в воздух. Судно развалилось на две части, ровно в середине, где взрыв проделал огромную дыру. Две половинки корабля тихо затонули в беспокойном море.

Несмотря на длинное время пробега «рыбки», удар все-таки имел место, но только потому, что цель была неподвижна. Если бы судно шло своей дорогой, то мы бы снова промахнулись. Я был почти уверен, что в этих неудачах было виновно необычайно долгое время хода электрической торпеды. Они не всегда сохраняли заданную скорость, на точность которой каждый командир подлодки должен полагаться.

Спустя некоторое время экипаж «U-69» обнаружил еще одно одиночное судно. Команда немедленно приступила к атаке и выпустила торпеду G.VII.a. После последнего опыта люди больше доверяли старым проверенным «рыбкам». Но закон подлости никто не отменял, и торпеда из-за сильного волнения начала выскакивать из воды. Механизм удержания торпеды на глубине больше не работал, и «рыбка» побежала по поверхности. Пока торпеда шла своим курсом, на мостике лодки заметили, что судно заполнено людьми с потерпевших крушение судов. Другие немецкие подводные лодки уже отправили на дно несколько судов конвоя, а этот корабль, видимо, останавливался, чтобы подобрать выживших. Люди сгрудились на палубах. Они быстро обнаружили торпеду на поверхности воды и сейчас с тревогой следили за ее изгибающимся следом. Им не пришлось пережить кораблекрушение вторично.

Конечно, на палубе находился враг, да и судно везло ценный груз, но, тем не менее, экипаж «U-69» был не столь сильно расстроен, что атака сорвалась. Несмотря на все тяготы войны, в людях сохранилась человечность по отношению к противнику, и они были рыцарями, насколько это позволяли обстоятельства.

Ужасная погода последних нескольких дней и жуткая видимость очень часто шли на пользу врагу. Внезапно из тумана

вынырнул эсминец и чуть было не застал экипаж лодки врасплох. Корабль шел прямо на нас. Снова люди бросились к люку, нам в третий раз предстояло пережить град глубинных бомб. Опять начался томительный отсчет секунд между взрывами. Люди прислушивались к звуку гребных винтов. Пока что в тишине субмарины раздавалось лишь чириканье британского гидролокатора. Чувствительный асдик работал на аудиочастоте. А благодаря этому враг мог определить и позицию, и глубину, на которой мы находились.

Взрывы звучали гораздо ближе, чем во время первых двух атак. Напряжение с каждой минутой возрастало. Спустя какое-то время акустическая аппаратура засекала звук винтов второго эсминца. И снова, как и в прошлый раз, я старался вывести лодку из опасной зоны. Но эти вражеские гидролокаторы казались куда более эффективными. В этот раз шанса ускользнуть у нас не было. Над лодкой, которая достигла сейчас глубины 25 фатомов, [13] один взрыв следовал за другим.

В случае жесткой необходимости субмарина могла опуститься на глубину 30 фатомов. Был даже случай, когда подводная лодка ныряла на глубину 35 фатомов, но тогда под огромным давлением воды все заклепки и полосы железа трещали и открывались течи. Самой большой глубиной, на которую только опускались последние модели немецких подводных лодок, в бою, правда, так и не побывавшие, была глубина 65 фатомов. Хотя реально это ничего не давало, потому что враг мог установить на своих бомбах любую глубину, которую ему только захочется, однако точность определения положения субмарины с глубиной уменьшалась.

Взрывы следовали один за другим несколько часов подряд. Но, несмотря на опасность, голод, жажду и усталость, люди на тускло освещенной подлодке держались твердо. На рассвете мы должны были быть на поверхности и атаковать врага, а вместо этого сидели здесь внизу. Уже наступил вечер, а оглушающий грохот вокруг лодки все не прекращался. Треск и вибрация водонепроницаемых переборок, длившаяся несколько часов, превратили жизнь на подлодке в ад, хотя иногда экипажам приходилось терпеть подобное по двадцать восемь часов без перерыва.

Только когда наверху уже, должно быть, совсем стемнело, интервалы между взрывами глубинных бомб начали становиться все более нерегулярными. Затем они стали удаляться, а потом, наконец, исчезли совсем. Ради безопасности мы еще некоторое время оставались под водой, несмотря на то что звук гребных винтов двух эсминцев исчез. В конце концов глубокой ночью мы

всплыли на поверхность. Встревоженный экипаж увидел, что лодка оставляет за собой нефтяной след. Должно быть, один из взрывов что-то повредил. Вот почему эсминцу было так легко благодаря вытекающему топливу, несмотря на штормовую погоду, преследовать лодку так долго. Лишь когда стемнело, противник потерял след.

И снова на лодке был объявлен аврал, чтобы устранить новое повреждение. Механики и матросы работали быстро, как только могли. А тем временем по радио пришла срочная сводка: «30 марта. Корабль, вмещавший 7000 брт, потоплен в квадрате AL».

Глава 15

ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ, ДЛИВШАЯСЯ ЧАС

Вечером, собравшись сообщить в BDU, что «U-69» наконец-то готова к действию, мы получили новое сообщение. Очередная «волчья стая» была отправлена на юго-запад. Подводные лодки «U-46» (Эндрасс), «U-48» (Герберт Шульце), «U-69» (Метцлер), «U-74» (Кентрат), «U-97» (Хелман) и «U-98» (Цисас) 30 марта были перегруппированы в новую стаю. Выйдя в Атлантику, подводные лодки должны были образовать цепь, оставаясь на значительном удалении друг от друга, иными словами, каждая субмарина оставалась в одиночестве вне поля зрения своего соседа. Прошло несколько дней и ночей, в течение которых одинокая «U-69» ходила туда-сюда по огромному волнующемуся океану в шторм, снег и дождь. Дни напролет мы не видели ничего, кроме воды. Ветер стал ураганным. Но стоящей цели все не попадалось.

2 апреля шторм немного утих, и мы увидели корабль, шедший быстрым зигзагом. Когда он подошел поближе, я узнал в нем новое торговое судно фирмы «Канадиан Пасифик». Мы немедленно бросились в погоню. Только благодаря тому, что враг продолжал идти зигзагом, нам удалось его обогнать. Четырнадцать часов я пытался выйти на удобную для атаки позицию. Все это время я подстраивался под скорость противника. На расстоянии 1000 ярдов мы выпустим торпеду.

О готовности уже было сообщено. Торпедный офицер уже прицелился и держал руки на спусковом рычаге. В тот самый момент, когда я собирался разрешить открыть огонь, лейтенант Хейдеман увидел, как судно разлетелось на куски от взрыва торпеды. В мгновение ока я отменил приказ. Другая немецкая субмарина атаковала судно с носа и достигла удобной для атаки позиции на несколько секунд раньше, чем «U-69». Это выводило из себя. Казалось, что этот наш второй боевой поход кто-то сглазил. Когда наблюдатель, стоявший за офицерами, понял, что прекрасная добыча была выхвачена у нас из-под носа после четырнадцати часов тяжелого труда, то зло топнул ногой по перископной платформе и проговорил:

— В мире нет справедливости.

Этот искренний взрыв чувств, казалось, вернул морякам способность воспринимать происходящее с юмором. Подобных вещей не избежать, и «U-69» отправилась на поиски второй

подводной лодки, чтобы отправить ее экипажу поздравления.

Под палубой в момент взрыва произошла небольшая неразбериха. С кормы донесся обычный после каждого попадания торпеды крик: «Попали!» И моряки очень удивились, почему товарищи их не поддержали. В переднем торпедном отсеке торпедный офицер призывал на головы своих подчиненных все кары небесные. Приказ открыть огонь был отменен, и все же люди слышали взрыв. Такого с ним еще не случалось. Возможно ли, что одна из торпед была выпущена без его приказа? Офицер быстро проверил всю аппаратуру и рычаги. Все было в порядке. Комплект торпед был полон. Некоторое время ушло у него на то, чтобы понять, что это не чудо.

А тем временем на мостике тайное стало явным. «U-49» под командованием капитан-лейтенанта Герберта Шульце опередила нас с выстрелом и потопила «Бивердаль» на 9957 брт.

В этом походе погода была не просто отвратительной, это уже было нечто из ряда вон выходящее. День за днем море бушевало, а ветер менялся от сильного до штормового. Видимость была ужасной. Снежные заряды и град позаботились о том, чтобы не было видно даже горизонта. Лодка подверглась двум атакам глубинными бомбами, потеряла четыре торпеды, и сейчас, в довольно спокойном море, когда нам наконец попался на глаза враг, товарищ по оружию украл у нас добычу прямо из-под носа.

Стойкость и выносливость команды были выше всяких похвал. Затем с подлодки «U-74», находившейся вне «стаи», заметили приближающийся конвой, и восемь субмарин были отправлены в атаку.

Моряки на мостике «U-69» изучали пустой горизонт. Их глаза бродили по бушующему морю, будто бы стараясь увидеть врага, который был еще на расстоянии многих миль отсюда. Судя по сообщениям, конвой состоял примерно из двадцати четырех судов.

На подходе одна из подлодок торпедировала вспомогательный крейсер, защищавший конвой, и часть экипажа подбитого судна поднялась на борт торговых судов. Это сообщение об успехе прибавило мужества разочарованным морякам. С низко расположенного мостика они продолжали неустанно изучать окружавшую их ночь.

Внезапно на расстоянии мы увидели зловещий свет и направились прямо к нему. Вскоре стало ясно, что на горизонте полыхает гигантский нефтяной факел. Должно быть, экипаж какой-нибудь немецкой подводной лодки торпедировал танкер, и теперь горящая нефть быстро разливалась по поверхности моря. Казалось, что горит весь океан. Снова и снова свободные от вахты

моряки поднимались на палубу, чтобы взглянуть на это уникальное зрелище. Вскоре люди узнали, что за этот удар несет ответственность капитан-лейтенант Эндрасс. Он и его экипаж только что потопили огромный, на 7000 тонн танкер «Бритиш Рельянс». 11 000 тонн нефти сейчас исполняли роль факела, показывающего другим «серым волкам» дорогу к конвою. Первые мачты, освещенные гигантскими языками пламени, появились в призрачной дымке.

У нас было достаточно времени, чтобы, действуя грамотно, занять удобную для атаки позицию, но «U-69» все еще преследовали неудачи. Первый танкер, который мы выбрали в качестве цели, заметил лодку раньше, чем мы смогли выстрелить. Капитан старого, 1921 года выпуска, танкера «Бритиш Висконт» был хорошим моряком. Он мгновенно сориентировался и повел свое судно на таран. Только благодаря умелому маневрированию и резко работая двигателями и рулями, нам удалось избежать столкновения с приближающимся огромным танкером. Развернувшись, мы в очередной раз оказались в позиции, удобной для атаки из кормового торпедного аппарата, и все же расстояние было слишком маленьким. В этот момент весь экипаж проклял приборы безопасности, используемые на немецких подводных лодках во избежание причинения ущерба собственным кораблям. Боек ударника не мог достать до детонатора, пока торпеда не пробежит по крайней мере 200 ярдов. Экипаж постарался увеличить расстояние. Едва мы добрались до безопасной точки, как я дал разрешение открыть огонь. Взрыв последовал так быстро, что у нас даже не было необходимости считать секунды. Сразу же после взрыва «U-69» погрузилась, чтобы скрыться от его последствий. Через несколько секунд акустик Хинцпетер услышал в наушниках ужасающий грохот и звук, вызванный разваливающимся на куски судном. На борту нам было прекрасно слышно, как подбитый танкер медленно тонул недалеко от нас. Мы слышали, как он шипит, трещит и взрывается, в общем, разнообразие звуков было необычайным. Подводники тут же поняли опасность своего положения. Танкер, казалось, хотел забрать с собой на дно своего убийцу. В этом аду оставалась только одна возможность спастись — молниеносно бежать. В беспокойной воде лодку швыряло, как легкую щепку, и все же старший механик умудрился опустить субмарину на безопасную глубину. Треск и шипение тонущего корабля стали тише. И снова судьба пощадила «U-69». Правда, как оказалось, это был еще не конец, потому что мы тут же, не успев оправиться от шока, подверглись атаке глубинными бомбами. Мы могли утешаться только тем, что если в следующие несколько минут нам суждено

погибнуть в море, то все равно этот второй боевой поход «U-69» не был напрасным.

Едва мы успели опуститься на безопасную глубину и перевести дух, как тут же всем без исключения захотелось подняться на поверхность и стать причиной гибели еще парочки судов в конвое. Но непрекращающийся град глубинных бомб несколько поубавил пыл моряков. Судя по шуму гребных винтов вокруг нас, мы находились в самой середине конвоя. Снова нас ожидали долгие часы сидения под водой и гроыхающие вокруг корпуса лодки глубинные бомбы. Когда «U-69» наконец поднялась на поверхность, погода снова ухудшилась, и нам приходилось потратить все свои силы на борьбу с суровой стихией.

Контакт с конвоем был потерян. Внезапно морякам пришло в голову, что не только британские моряки, но и сам Нептун стал их непримиримым врагом. Час за часом мы пробирались по бушующей Атлантике сквозь ветер и шторм. Все подводники знали, что плавание на подлодке — это не шутка, но погода в следующие дни пути затмила все, что нам пришлось пережить раньше.

Атлантика бушевала все сильнее, а огромные буруны стали еще выше. Волна захлестнула лодку, при этом создалось впечатление, что на нас наступил великан. Мы следили за ее приближением с мостика, но поделаться ничего не могли. Она приподняла корму, подхватила «U-69» и изо всех сил швырнула ее вперед, с ревом прокатилась по палубе и, разбившись о боевую рубку, окружила нас плотным облаком зеленых брызг. Мы ничего не видели. Перед глазами стояла только стена зеленой пены. Судно попало во власть неистовствующей волны. Люди не могли сохранить равновесие, и, если им не удавалось ни за что зацепиться, их начинало швырять из стороны в сторону, как тряпичные куклы. Секунды, проведенные под водой, казались вечностью. Шипя и пенясь, волна прокатилась по лодке и схлынула в поисках новой жертвы.

Каждый, кому довелось пережить такую по году на надводном судне, при условии, что он не боится качки, мог наслаждаться этим ужасным, но величественным зрелищем. Волны высотой с дом непрерывно вначале поднимали судно на гребень, а затем позволяли ему упасть в водяной желоб. Люди же, привязанные к ограждению мостика маленькой подводной лодки, находились во власти этой стихии и быстро потеряли последние остатки романтического настроения. В связи с опасностью затопления люк в такую погоду держали большую часть времени закрытым. Атмосфера внутри подлодки стала невыносимой. Для людей, сидящих около дизелей и приборов управления,

бушующая Атлантика была самым настоящим адом. Каждые несколько секунд палуба вылетала у них из-под ног, а затем их подбрасывало в воздух. Им приходилось постоянно за что-то цепляться, чтобы избежать столкновения с бесконечными острыми углами и краями. Но, находясь в ограниченном пространстве между двигателем и разнообразными механизмами, у них не было ни малейшего шанса сохранить равновесие. Моряков безжалостно швыряло в разные стороны, а ведь они при этом не могли ни на секунду отвлечься от своей работы. Из-за бушующего моря видимость была отвратительная, поэтому возможность внезапного неприятного сюрприза возрастала. Подводники в узкой стальной трубе терпеливо ждали, когда закончится их вахта, пока моряки на мостике, по которому продолжала хлестать вода, несли свое дежурство. Дни напролет окружающая нас картина не менялась. И лишь погружение означало для людей некоторую передышку, поскольку под водой было хоть немного спокойнее.

А затем произошло последнее разочарование этого кошмарного похода.

После пяти дней бушующего шторма «U-69» встретила одинокий танкер, у которого в борьбе со стихией были не меньшие трудности, чем у нас. Это произошло среди бела дня. Несмотря на погоду, мы решили атаковать. Приложив немалые усилия, мы сумели занять из-под воды позицию, подходящую для дневной атаки. Находясь под водой, лодка вела себя значительно спокойнее, чем на поверхности, хотя людям было очень тяжело удержать субмарину на перископной глубине.

Атака началась. Лодка подошла к врагу поближе. Люди на мостике танкера были прекрасно видны через перископ. Из-за шторма они были привязаны к поручням. В тот момент, когда должен был произойти взрыв, лодка высоко поднялась на волнах. Во время следующей попытки мы не смогли поймать судно в окуляры перископа. За последующие несколько часов было предпринято шесть попыток. Каждый раз нос лодки поднимался над водой, и торпеду выпустить было невозможно.

Люди на мостике танкера долго наблюдали за бесплодными усилиями подводной лодки, но из-за огромных волн, которые захлестывали их судно, не могли оказать никакого сопротивления. Они не могли использовать свои орудия в такую погоду. Все, что им оставалось, это терпеливо наблюдать и ждать. Снова шла игра в кошки-мышки, но в этот раз подлодка была кошкой.

С этим пора было кончать. Лодка всплыла и пошла прочь от танкера. После того как моряки на мостике танкера провели

несколько часов лицом к лицу со смертью, чувство юмора хотя и вовсе не покинуло их, но приобрело довольно мрачную окраску. Они нам помахали. Погода спасла танкер.

У большинства командиров подводных лодок было достаточно опыта, чтобы понять, что после трехнедельного путешествия и десятичасовой атаки эсминцев в цистернах вряд ли оставалось много топлива. Лодка должна вернуться в порт, несмотря на то что мы потопили всего лишь два корабля и у нас еще оставалось несколько торпед.

Я прождал еще день, но на пути больше ничего не попало. Все суда уже давно были рассеяны ужасным штормом и нашли убежище в портах. Команда «U-69» сообщила свое положение и, раз уже топливо заканчивалось, отправилась домой. Оставалась надежда, что мы еще встретим кого-нибудь на обратном пути, но этот поход был словно заколдован, и на всем пути следования мы не заметили на горизонте ни одного судна.

Всем, включая меня, ужасно надоела Северная Атлантика. Было много других морских районов, где мы вполне могли атаковать вражеские суда. Неделями немецкие войска сражались в Африке. За время этого путешествия мы узнали, что Африканский корпус стоял у ворот Египта. Опытный экипаж немецкой подводной лодки вполне мог проявить себя и в этой удаленной части Британской империи. Старые моряки, хорошо знавшие географию мировых морских путей, в долгих беседах строили всевозможные предположения о том, куда будет послана «U-69» в следующий боевой поход. Именно тогда у меня начал складываться вполне определенный план. Никто не обратил внимания на то, что мы с Баде разговаривали в основном об африканских портах, старались восстановить в памяти даже мелкие детали.

Если мне удастся убедить BDU в правильности моих заключений, то в следующем боевом походе мой корабль будет бороздить просторы солнечного юга.

Глава 16

КРЫШКА С КОРОБКИ ТЕРТОГО СЫРА — СМЕЮЩАЯСЯ КОРОВА

Вхождение в гавань Лориана прошло традиционно быстро. Встреча и конвоирование кораблями береговой обороны, обычное приветствие с оркестрами, букетом цветов и поцелуями девушек на причале... Речь командира флотилии, несмотря на незначительные результаты нашего похода, была не менее искренней, чем после первого похода. Наоборот, люди на берегу были в восторге от успеха, достигнутого, несмотря на ужасный шторм. За прошедшие несколько дней другие субмарины, бывшие в море в ту же погоду, вернулись в порт, не сделав ни одного выстрела. Более того, пока они были в море, подводный флот понес несколько очень тяжелых потерь.

В ночь с 8 на 9 марта была потеряна связь с подлодкой Прина «U-47». Экипажи лодок под командованием Шепке («U-100») и Кречмера («U-99») были захвачены врагом. Прежде чем его лодка была отправлена на дно, Кречмер сообщил по радио, что он и его команда взяты в плен. Экипаж «U-69» сразу оказался среди самых результативных лодок.

Когда я пожаловался на недостаток удачи во время своего последнего похода, адмирал Дениц в знак утешения положил руку мне на колено:

— Не нужно беспокоиться. Вам нечего бояться. Ваша совесть абсолютно чиста.

Затем я передал ему полный и детальный отчет о нашем походе. Когда же я сообщил ему о неудачах и доложил о том, что электрические торпеды не достигают требуемой скорости, адмирал тут же позвонил по междугороднему телефону в адмиралтейство, расположенное в Берлине. В моем присутствии он разговаривал с главой департамента вооружения. Произошел обмен резкостями.

— У моих офицеров есть полное право жаловаться, если торпеды не выполняют заявленных требований, — громко проговорил Дениц. А закончил он беседу словами: — То, что сейчас происходит, это преступление против моих командиров.

После этого разговора он вполне спокойно беседовал со мной, внимательно воспринимал мои тревоги, надежды и переживания. Когда закончилось обсуждение всего происшедшего в нашем последнем походе, я хотел решить ряд личных вопросов.

Для следующего боевого похода я предложил специальную миссию и рассказал о планах, которые я выработал на основе своих знаний об особенностях африканского побережья.

В результате непрекращающейся битвы в Северной Африке не только Германия, но и ее союзники вынуждены были продолжать поставку военного материала на этот континент. Для их транспортировки страны оси имели в своем распоряжении только Средиземное море, тогда как их противники могли использовать порты в Западной Африке, построенные сравнительно недавно. Их нужно было уничтожить — в особенности Такоради и Лагос, которые были для врага самыми важными. В Такоради в межвоенные годы были построены новые береговые сооружения, сделавшие этот порт первоклассным для подвоза подкрепления. Будучи знакомым с западноафриканским побережьем — много лет я плавал на судах «Герман Вест Африка Лайн», — я знал, какие есть у подлодки возможности, чтобы при помощи мин временно вывести эти два порта из строя. Пока что ни одна из немецких лодок не действовала в этой зоне. Если какая-то лодка и подходила для миссии блокады этих двух портов, то это «U-69», поскольку двое из членов ее экипажа знали сами порты и побережье как свои пять пальцев. Затем последовало обычное обсуждение технических и тактических вопросов, которые могли вызвать особые трудности, как, например, снабжение топливом и запасами.

В BDU прекрасно понимали необычайную важность этих западноафриканских баз. Мои предложения казались вполне реальными. Дениц обещал обдумать это дело. Пока я торопился к своей лодке, адмирал приказал своим штабистам приступить к проработке вопроса.

На время последующего ремонта корабельная команда получила отпуск. Хоть моряки и радовались тому, что их Джимми номер один, капитану 1-го ранга Хейдеману, дали свою лодку, но все же они сожалели об его уходе.

Через два дня появился новый старший помощник, на мундире которого красовалась медаль Испанской кампании. Так лейтенант Ауэрманн начал свою службу на «U-69». Ему очень повезло, что он попал на борт в порту во время ремонта. В Лориане у него было много возможностей познакомиться с лодкой и экипажем. Вскоре он подружился с двумя другими офицерами. Хорошие товарищеские отношения были жизненно необходимы на любой субмарине, чтобы избегать всяческих трений, неизбежных среди людей, живущих в замкнутом пространстве.

В последующие дни Ауэрманн установил хорошие отношения

с экипажем, да и с остальными офицерами он общался довольно легко. Поэтому я мог отправить вторую группу своих людей на отдых, да и сам уйти с ними, оставив на лодке Ауэрманна и некоторых членов экипажа. Теперь за работу взялись ремонтники. Сейчас вблизи лодка мало походила на корабль, который должен был отправиться в боевой поход. Половину ее жизненно важных механизмов рабочие вытащили и положили либо на палубу, либо на набережную. Энергичные руки рылись во всех механизмах. Центральный пост прекрасно работал и нас не подводил, но нужно было промыть и тщательно осмотреть дизель.

Вечером люди сошли на берег, чтобы размяться. Для многих Франция стала почти таким же родным домом, как и их родина. Моряки с удовольствием проводили время в кинотеатрах и кафе. Некоторые бродили по магазинам и скупали все виды украшений, чтобы отослать их своим подругам домой. На оккупированной территории еще можно было купить то, что давно уже было нормировано в Германии.

Когда приборы и механизмы вернулись на свои места, внешний вид лодки существенно улучшился. Моряки с удовольствием ходили по лодке с краской и кистями, обновляя потускневшую или ободранную краску. Ауэрманну было дано определенное задание — он должен был дать лодке имя, но какое, пока еще не было известно.

Будучи старшим помощником у Прина, Эндрасс нарисовал на корпусе лодки забавную карикатуру на бережливого быка. Этот монстр вскоре стал известен всей флотилии как «Бык из Скапа-Флоу». Когда же подлодку Прина потопили, 7-я флотилия, расположенная в Сен-Назере, решила сделать быка своей эмблемой, и приказ об этом поступил и на «U-69». Естественно, эскиз не был прислан вместе с приказом. И разумеется, ведь закон подлости никто не отменил, все старые морские волки, кто видел «Быка Скапа-Флоу», сейчас были в отпуске, поэтому Ауэрманну было поручено каким-то образом получить его изображение на боевой рубке. Конечно же он мог точно узнать, как выглядел бык Прина, от офицеров с других кораблей. Но какой офицер не побоится лишиться престижа и станет расспрашивать других об эмблеме собственной флотилии? Поэтому Ауэрманн сошел на берег, чтобы найти что-то, с чего можно срисовать аналогичное парнокопытное. Его собственные попытки нарисовать подобное создание провалились. В конце концов он нашел голову смеющейся коровы на коробке хорошо известного французского сыра. Картонный ящик от сыров этой марки, на котором искомое изображение было увеличено во много раз, было принесено на борт. Коробка легко могла

послужить моделью для рисунка на боевой рубке. Ауэрманн передал ее рабочему с верфи, который немедленно приступил к работе. Когда же он ее закончил, смеющаяся корова привела в восторг не только старшего помощника, но и весь экипаж. Злобный и комичный «Бык Скапа-Флоу» нашел себе подругу — «Смеющуюся корову из Лориана». Решительный рабочий с верфи полностью скопировал изображение с коробки и даже написал над картинкой: «*La Vache qui Rit*». Эти слова немедленно стали боевым кличем подводников и прозвищем немецкого боевого корабля. Каждый, кто видел ухмыляющуюся корову на боевой рубке, не мог сдержать улыбки. Даже офицеры высокого ранга, видя эту нахальную эмблему, конечно же ее узнавали, но виду не подавали. Мне тоже изображение понравилось, несмотря на то что старый боевой клич «Хорридо» отошел на задний план.

Глава 17

ТАИНСТВЕННЫЕ ПАНАМЫ

Тем временем штабом в Керневале велась большая предварительная работа. Я продолжал ежедневно получать по несколько страниц секретных документов, раскрывающих все детали операции. Экипажу «U-69» было поручено задание заминировать бухты Такоради и Лагос. Топливом для похода субмарину должны были обеспечить суда снабжения немецкого ВМФ в Атлантике. Более того, в этих докладах была вся известная информация о минных полях и оборонительных возможностях военно-морских баз противника. По достижении определенной широты экипажу «U-69» придется сохранять радиомолчание и действовать полностью самостоятельно.

Об одном параграфе приказа нужно обязательно упомянуть особо, потому что позже выяснилось, что он исключительно важен. Именно из-за него у меня возникли серьезные трудности, включая очень утомительные и непривычные для всех нас дипломатические действия. В приказе говорилось, что нейтральное судно нельзя атаковать. Так как в этом районе нейтральные суда не сообщали о своем путешествии немецкому правительству, каждый корабль нужно было опознавать отдельно. Нейтральные суда не должны были иметь вооружения и обязаны плыть ночью с полностью включенными навигационными огнями, следя за тем, чтобы их флаг был хорошо освещен. В дополнение к этому название страны, откуда идет корабль, должно было быть освещено с обеих сторон корпуса. В подозрительных случаях могла возникнуть необходимость проверить, на самом ли деле судно нейтрально. Так как немецкие государственные деятели всеми силами старались избежать конфликтов с США, я получил приказ ни в каких обстоятельствах не останавливать американские корабли.

Команда должна была узнать о цели нашего плаванья лишь после того, как лодка выйдет в море. Снабжение лодки боеприпасами также происходило в строгом секрете. Мы должны были выйти в море через четыре дня. В конце концов корабельная команда узнала, что наша миссия очень важна. Тщательная подготовка велась в сильном волнении. В этот раз наши друзья из 69-го артиллерийского полка ничем помочь не могли. В открытках, полученных от них, говорилось, что батальон был переведен на передовую.

Экипаж был здорово удивлен, когда в дополнение к восьми

торпедам на борт подняли шестнадцать мин. Прошел слух, что мы должны заминировать какую-то английскую бухту, но, когда за два дня до выхода я приказал помощнику купить панаму для каждого члена экипажа, таинственность возросла. У подводников конечно же было мало времени, чтобы слоняться вокруг, обсуждая свои предположения. Погрузка запасов прошла гораздо тяжелее, чем раньше. Множество личных вещей экипажа и ненужные предметы перенесли на берег. Все ящики и углы, где моряки хранили пищу и принадлежности, книги и рисунки, были реквизированы для провизии и боеприпасов. За койками и переборками, в трюме, между торпедными аппаратами и за дизелями были разложены банки, коробки, канистры и ящики. Кок орлиным взором следил за этими сокровищами. В центральном посту за перископом и между манометрами висели изумительные сосиски и несколько вестфальских окороков. Не осталось ни одного места, где что-нибудь не хранилось. Даже карманы моряков были забиты сигаретами и шоколадом, которые были выданы на берегу.

В день нашего выхода в море 5 мая 1941 года небо было голубым, дул легкий теплый бриз, видимость была хорошая, а море — спокойным. Во время прошлых походов экипажу «U-69» всего этого очень не хватало.

Проводить лодку собралось много народу, все ждали, пока команда произведет последнюю проверку исправности машин и механизмов на борту. Затем последовал обмен прощальными рукопожатиями. Почтальон принес последнюю почту. Письма, посылки, газеты были подняты вверх по трапу. Моряки поспешно писали записки, чтобы, пользуясь случаем, отправить любимым девушкам домой.

Знакомый свисток, и снова команда выстроилась на верхней палубе. Швартовные концы были отданы. Вместо голубого форменного военно-морского головного убора на всех были белые панамы. В них люди выглядели очень живописно. Все попрощались, и прозвучал новый боевой клич *«La Vache qui Rit!»*. В воздухе замелькали платки, смех слышался на причале и на борту. Жизнерадостная корова на боевой рубке присоединилась к смеющимся.

Солнце опустилось за горизонт. Сопровождавший нас корабль эскорта ушел обратно в порт. «U-69» еще долго шла первоначальным курсом, а затем повернула на юг. «Смеющаяся корова» направлялась в теплые страны. Начался самый длинный и опасный боевой поход 500-тонной немецкой подводной лодки.

Глава 18

С «ДЯДЕЙ ЭДУАРДОМ» НА ЭКВАТОР

Каждый раз, когда «У-69» проходила Бискайский залив, в первый день всегда объявлялась воздушная тревога. Британские самолеты-разведчики постоянно патрулировали над заливом. Вопреки ожиданиям, бог погоды остался добрым по отношению к лодке. Казалось, что ухмыляющаяся на боевой рубке корова наконец-то привела его в хорошее расположение духа. Попутный ветер, легкие волны, прекрасная видимость и чудесный солнечный свет... Если бы не было войны, люди бы подумали, что они находятся в круизе. Если не считать появления британских патрульных самолетов «сандерленд», вынуждавших лодку срочно нырять, ничего важного на протяжении следующих нескольких дней не произошло.

Людам было позволено подниматься на палубу и загорать. А мы с офицерами разрабатывали планы проникновения в африканские гавани. Сотни раз мы изучали скучные секретные приказы, заглядывали в морские карты и лоции и совершенствовали наши знания о приливах и отливах у западноафриканского побережья.

Кожаные куртки уже давно были спрятаны, за куртками последовали по очереди другие предметы туалета, и в конце концов единственными признаками цивилизации остались голубые матросские джинсы. Жаль, что команда должна была находиться в постоянной готовности к погружению, хотя нигде не было видно даже клочка дыма. «Лорды» были бы только рады устроиться на палубе и поиграть в скат. С другой стороны, все громкоговорители, как на роскошном лайнере, громко трубили веселую музыку. Не слишком занятые радисты крутили из своей рубки одну граммофонную пластинку за другой: марши, танцевальные мелодии, популярные песни и разнообразные попури. Главное, музыка должна быть громкой и подавляющей. Все наслаждались тем фактом, что лодка может спокойно плыть дни напролет, а не удирать от очередного вражеского корабля. После каждой четвертой записи, разумеется, звучала всеобщая любимица, уже слегка поцарапанная, но не утратившая своей популярности. Мужские голоса продолжали выводить нелепые слова: *«Der Onkel Eduard aus Bentschen, der ist der beste aller Menschen»*.

Со времен нашего первого боевого похода «Дядя Эдуард» в любой ситуации, удачной и не очень, убеждал корабельную

команду, что он самый лучший парень в мире. Он даже пережил трудный второй боевой поход и долгие атаки глубинными бомбами. Стояла ли лодка у пристани или преследовала врага, шла ли она по поверхности воды или лежала на дне моря, он продолжал исполнять свой припев. Со времен первого удачного попадания торпеды он исполнял свою песню, когда команда кричала «Попали!». Никто не мог припомнить, откуда появилась эта запись. Ее пронзительные тона были такой же неотъемлемой частью лодки, как и постоянное гудение дизелей. Но сейчас в эту чудесную погоду он играл нон-стоп, и в конце концов это уже показалось отдельным членам команды явным перебором. Если в течение часа из громкоговорителей звучало что-то другое, кто-то обязательно спрашивал, не заболел ли хороший старый дядя Эдуард. Но тут же всегда находился кто-то другой, посылавший эту запись ко всем чертям, не стесняясь в выражениях.

Весь экипаж утром вставал под «Дядю Эдуарда» и под него же вечером ложился. Люди вспоминали его, когда не слышали, и проклинали, когда он снова звучал. Дядя Эдуард обладал одним несомненным достоинством — никому не мог ответить. К тому же он был нерушим. Предусмотрительный второй офицер запасся тремя комплектами пластинок, сделанных в морском отделе пропаганды.

Таким образом, дядя стал четырехкратным. А тем временем наше путешествие продолжалось, становясь, по мере приближения к экватору, все более приятным и солнечным. Абсолютно ничего не происходило. Светило теплое, яркое солнце, в небе не было ни облачка... Воцарилась просто-таки волшебная идиллия... Экипаж «U-69» это вполне устраивало. По возможности никто в мире не должен был узнать о нашем походе.

Но через несколько дней волшебство растаяло. Первое время люди были довольны и счастливы — противника не видно, можно вволю побездельничать, позволить жаркому солнцу опалить их спины, но когда это продолжается слишком долго, становится очевидно: такая жизнь все-таки слишком скучна и монотонна. Моряки вскоре почувствовали, что бесконечные дни ничегонеделания гораздо хуже, чем дни тяжелой работы.

Мы прошли мимо испано-португальского берега, мимо Мадейры и Канарских островов. Людям на борту оставалось лишь следить, чтобы враг не разрушил всеобщую идиллию. На востоке в разрывах тумана, который на этой широте часто лежал на воде, закрывая горизонт, иногда проглядывало побережье Французской Западной Африки. Вот и Дакар остался позади. Хотя гавани мы не видели, потому что «Смеющаяся корова» была еще очень далеко от берега. Иначе у нас могли состояться довольно неприятные

встречи с судами береговой охраны. Сейчас атаковать столь маленькие суда не стоило, да и мы тем самым выдали бы наше местонахождение. Острова Зеленого Мыса остались далеко по правому борту.

«U-69» торопилась на встречу с танкером «Эгерланд», нашим судном снабжения.

Солнце успело несколько раз встать и зайти. Каждое утро оно, кроваво-красное, поднималось из моря, к полудню высоко забиралось на небо, и ежедневно люди все больше и больше жаловались на жару. Мы уже несколько дней шли рядом с экватором. Вначале, после штормовой погоды нашего последнего похода, на солнце мы чувствовали себя прекрасно, но чем ближе мы подходили к экватору, тем больше эта радость превращалась в муку. Солнце безжалостно палило, раскаляя железные пластины обшивки. Больше никто не мог пройти по палубе босиком. Вода стала значительно теплее, и море стало приносить меньше прохлады. В соломенной шляпе еще можно было находиться на боевой рубке, но под палубами влажная жара стала непереносимой. Хотя вентиляторы и гудели, принося свежий воздух в пропахнувшие нефтью помещения, настоящей прохлады это не приносило. Усилия вентилятора пропадали даром из-за больших дизельных двигателей, от которых шел жар как из печи и которые превращали механиков машинного отделения в потеющие тряпки.

Даже ночью в лодке было жарко, несмотря на то что температура в тропиках, когда темнело, падала довольно быстро. Теплая морская вода и нагретые до красноты железные пластины лодки охлаждались недостаточно.

— Если бы мы все еще были на старушке «Вангони», то на палубу можно было бы вытащить стул и расслабиться, — сказал мне старший рулевой, когда однажды вылез ко мне на мостик и пожаловался, что внизу даже вздохнуть нельзя.

Я тоже сильно страдал от жары. Мы с Баде, два старых «африканца», лениво разговаривали. Это была отнюдь не оживленная беседа, да и слова были довольно редкими. Баде произносил два или три слова, а я ничуть не более многословно отвечал. За один раз произносилось не более одного предложения, потому что мы прекрасно понимали друг друга без слов. Все, что мы должны были сказать друг другу, уже было произнесено за время частых ночных вахт, проведенных вместе на мостике «Вангони» и здесь на «U-69» за прошедшие месяцы. Эта часть земного шара у нас обоих воскресила старые воспоминания. Однако сегодня наши головы занимало кое-что другое. Мы ждали встречи с судном снабжения, которое должно было показаться на

следующее утро. Место встречи BDU передало нам по радио. Мы с Баде смотрели в море.

Едва забрезжил рассвет, как Баде заметил вдалеке две мачты. «U-69» осторожно направились вперед. За мачтами показались ряд дымовых труб и надстройка. Как только мостик за фок-мачтой был опознан, произошел обмен опознавательными сигналами. Едва черный морской танкер стал виден четче, стало ясно, что он был построен в Северной Америке для иностранцев. Подводники восхищались морями этого огромного судна, которые перевозили опасный груз для немецкого военно-морского флота без флага и должного вооружения, иными словами, на свой страх и риск. Иногда эти корабли проводили в морях целые месяцы. Они не могли ни на кого положиться и должны были быть всегда готовы помочь военным кораблям и вспомогательным крейсерам топливом, боеприпасами и другими запасами. Служба на борту этого корабля представляла собой что-то среднее между гражданской и военной. Если корабль вернется в порт в целости и сохранности, это значит, что топливо было доставлено на немецкие военные суда, которые могли действовать дальше, и таким образом были спасены жизни сотен моряков, но все равно никто не должен ничего знать об этом танкере, чтобы он в будущем не подвергся опасности. Если один из подобных кораблей был бы обнаружен врагом, то команда должна была потопить его. В таких случаях всегда возникала опасность мучительной гибели в море огня, в результате воспламенения опасного груза. И никто не узнает о подвигах этих людей, о подробностях их гибели и их последних битв...

Топливо было быстро принято на борт одновременно с запасным оборудованием и провизией. Грязное белье было обменено на чистое с танкера. Я должен был отдать все секретные документы до того, как мы войдем в прибрежные воды для выполнения предстоящего задания.

9987-тонный танкер стал для маленькой подлодки укрытием и спустил одну из своих мощных лодок на воду. Экипаж «U-69» тоже спустил маленькую шлюпку, и трубопровод скоро был установлен. Затем гибкий трубопровод был перевезен на подлодку, и началась перекачка топлива.

Экипажи обоих кораблей работали с сумасшедшей скоростью. У подводников было слишком мало времени, чтобы восхищаться своей большой кузиной, на борту которой было так много помещений и чья корма ломилась от бесценных сокровищ. Я перебрался на танкер и передал свои секретные документы капитану. Мы обменялись несколькими словами. Команда танкера была очень опытной и уже несколько месяцев плавала по

Южной Атлантике. Время поджимало, но мы надеялись еще встретиться, как только экипаж «U-69» завершит свое задание. Офицеры с танкера ускорили работы. Безопасность снабженческого судна полностью зависела от постоянной смены своих позиций. Да и подводники не могли себе позволить быть внезапно застигнутыми противником в компании большого судна. Весь маневр был проведен за три часа. Затем корабли разошлись в разных направлениях. Больше мы не встречались.

Глава 19

У КОГО-ТО НА БОРТУ ЕСТЬ БРИТВА

«Смеющаяся корова» шла восточным курсом к африканскому берегу. Мы снова были сами по себе. Через несколько часов после расставания с большим кораблем мы пошли экономичным ходом. Нам все еще приходилось экономить топливо и стараться его растянуть на как можно более длительное время.

Люди скоро приспособились к монотонной рутине фиксированных вахт. Но все равно желали перемен. Несмотря на страшную жару, моряки нетерпеливо ждали хоть какого-нибудь происшествия — пусть даже драки, — которое внесло бы некоторое разнообразие в размеренную службу.

В конце концов экипаж начал волноваться. Мы уже прошли Фритаун и несколько весьма напряженных судоходных маршрутов, так и не заметив ни одного судна. А ведь каких-то три месяца назад, когда лодка в первый раз направлялась в Северную Атлантику, у людей было полно работы с первых часов. Так почему же в этом походе нам еще не встретился враг?

Неожиданно разнесся слух, что тому есть совершенно определенная причина. Один из членов экипажа, несмотря на глубоко укоренившуюся традицию всех немецких подлодок, совершил тяжелейшее и совершенно непростительное, с точки зрения подводника, преступление, частично побрившись. О подобном раньше даже не слышали. Каждый истинный моряк чувствовал себя неловко из-за того, что подобное произошло на его лодке. Они даже не могли упомянуть об этом в своих письмах. Несчастье случилось, когда «U-69» провела в море четырнадцать дней, и никто не мог этого предотвратить; более того, обвиняемый имел высокий ранг, благодаря чему он избежал наказания. В носовом торпедном отсеке люди тихо ругались. Они выполняли свой долг, но роптали. Весьма любопытно, что совершивший сей тяжкий проступок человек до этого был очень уважаем.

Постепенно вирус недовольства проник и в среду старшин. Через двадцать четыре часа после того, как мы отошли от танкера, и за это время не появилось не малейших признаков того, что в пределах видимости «U-69» еще когда-нибудь возникнет грузовое судно, один из матросов решил доложить старшему механику, что думает экипаж. Почему, несмотря на хорошую погоду, в поле видимости корабля не появилось ни одной мачты вражеского судна за долгие недели? Моряки

боялись, что больше никогда их не увидят. И все потому, что я пошел против традиции всех подводников и в порыве глупого тщеславия решил привести в порядок свое лицо.

Старший механик прекрасно понимал людей. На следующее утро с немного хмурым видом он сообщил мне о чувствах экипажа и об их праведном гневe.

Я, как обычно, провел теплую тропическую ночь на мостике, затем, хмурo выслушав доклад старшего механика, пробормотал себе под нос что-то вроде «Это не моя вина. Скоро у нас появится много работы» и ушел вниз. Никто не знал, серьезно ли я воспринял свое преступление или с абсолютным безразличием отправился, как обычно, немного вздремнуть с утра. Однако старшина-сигнальщик, несший вахту наблюдателя и слышавший половину разговора, утверждал позже, будто бы я сказал, что скоро мы обязательно встретим корабль. Как бы то ни было, вскоре после смены вахты нам действительно встретился корабль, которому в будущем суждено было стать причиной многочисленных тревог и неприятностей. Возможно, это все действительно было связано с моим страшным преступлением — бритьем в море.

Глава 20

ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ — «РОБИН МУР»

Не успел я отдохнуть и четверть часа, как раздался крик:
— Командира на мостик!

Я уже задремал, но тут же вскочил, схватил фуражку с крючка и вскарабкался по вертикальному трапу на мостик. Я очень надеялся, что тревога не окажется ложной — по моему мнению, для команды, учитывая ее теперешнее настроение, это было бы слишком. На мостике я приник к биноклю. Но это действительно было судно... Доклад наблюдателей оказался верным, оно шло в каких-то трех милях от нас. Корабль нес навигационные огни и вполне мог оказаться нейтральным, но на нем не было освещенного флага и на корпусе не было видно национальных цветов и названия страны. Словом, мы должны были взглянуть на него с более близкого расстояния.

Приказ занять места по боевому расписанию оживил людей. В мгновение ока люди приготовились к выполнению боевой задачи, а «Дядя Эдуард», который пел теплой тропической ночью, внезапно замолк. «U-69» повернула к судну и сократила дистанцию примерно до 1000 ярдов. Экипаж до сих пор не мог разглядеть ни его национальность, ни освещенного флага. Люди заметили на палубе необычайно большой груз, основная часть которого состояла из огромных длинных решетчатых ящиков.

— Либо у парня на борту части самолета, либо это корабль-ловушка для подлодок, — сказал старший помощник, раньше бывший летчиком.

И в действительности, странное поведение судна, которое привлекало к себе врага ярко горящими навигационными огнями и которое при этом не было нейтральным, любопытные ящики на палубе и средние размеры самого корабля давали нам все основания считать его ловушкой для подлодок. Лодка приблизилась, чтобы можно было получше изучить это необычное судно. Люди все больше и больше убеждались: перед нами судно-ловушка.

Ночь близилась к концу, было почти пять часов утра, но света все еще было достаточно. Я намеревался действовать осторожно, как-никак я имел самые строгие указания ни в коем случае не атаковать нейтральные суда. Первым делом я должен был определить, откуда оно идет. Следовало остановить его и

обыскать, действуя по призовому законодательству, но это было очень проблематичным мероприятием для уязвимой подводной лодки, которая должна быть готова в любую минуту при первых признаках опасности погрузиться и исчезнуть. Торпедные аппараты были приготовлены к стрельбе. Ауэрманн в бинокль следил за кораблем.

— Что ж, теперь посмотрим, что это за крошка. Баде, спроси его о названии, — приказал я.

Баде, прекрасно знавший международный код, немедленно отправил сигнал азбукой Морзе: «Кто вы? Кто вы?»

Ответ пришел необычайно быстро: «Корабль „Робин Мур“».

Мы немедленно заглянули в регистр Ллойда и просмотрели корабельный список Грюнера.

— «Робин Мур»? — Палец несколько раз пробежал по параграфам.

— Такого судна, как «Робин Мур», не существует.

Это еще больше усилило подозрения.

— Баде, пошли ему сигнал остановиться и спустить на воду шлюпку с капитаном и бумагами.

Довольно странно, но грузовое судно немедленно подчинилось. Оно остановилось и на воду опустили маленькую лодочку.

Было уже 6.30 утра. Восемь грязных головорезов с длинными волосами и в шляпах спустились в лодку. На носу стоял человек, который только манерой поведения, но ни в коем случае не внешним видом, отличался от остальных членов его экипажа. Как и у матросов, в уголке его рта болталась сигарета. Он и начал небрежно отвечать на мои вопросы.

— Где ваш капитан?

— На борту, — прозвучал короткий и угрюмый ответ.

— А бумаги?

— Тоже на борту.

Офицер вел себя развязно, будто бы пытаясь скрыть свою неуверенность.

В этот момент второй вахтенный офицер подошел ко мне и указал на корму судна. Там большими буквами было написано «Эксмур», Нью-Йорк.

Возможно, это судно действительно нейтральное. Возможно, оно американское, но почему же экипаж скрывал название? Почему флаг не был освещен? И почему, если совесть его чиста, капитан сам не прибыл сюда вместе с бумагами?

Все поведение команды этого корабля оставалось очень подозрительным.

Я еще раз спросил офицера:

— Ваше судно называется «Робин Мур»?

— Да, сэр.

— Но на корме написано «Эксмур».

— Дело в том, что корабль только две недели назад был продан другой судоходной компании, и тогда же ему было дано другое название. У нас не было времени перекрасить его.

Это могло быть правдой, но совершенно необязательно.

— Какой стране сейчас принадлежит судно?

— Америке.

— Странно все это. Предположим, что человек на самом деле говорит правду, — сказал я вполголоса своим офицерам.

Экипажу «U-69» были даны строгие указания насчет остановки американских судов. Немецкие государственные деятели не хотели давать Рузвельту ни малейшего повода открыто объявить войну. К сожалению, секретные приказы с мельчайшими деталями ведения войны в этих водах были переданы капитану снабженческого судна. Но в любом случае этот корабль уже был остановлен. Поэтому следующим шагом должен был стать его тщательный обыск. Ведь уверенности в том, что этот корабль на самом деле американский, не было. Все это вполне могло оказаться уловкой врага, направленной на то, чтобы избежать обыска. Поэтому я продолжил свой допрос.

— Что вы везете? — На этот раз я рявкнул на офицера корабля как можно более грозно, чтобы сбить с него напускное спокойствие.

Моряк выглядел удивленным.

— Детали легковых автомобилей и мотоциклов, тракторы и прочее оборудование. В общем, обычный груз, — ответил он. Выглядел же мужчина при этом так, будто бы хотел добавить: «Вы ничего не можете нам сделать».

И тем не менее, в его поведении все еще чувствовалась неуверенность.

— И куда вы направляетесь? — спросил я теперь уже нормальным голосом.

— В Кейптаун.

— Контрабанда, значит?

Человек в лодке не ответил на этот мой прямой вопрос и лишь широко раскрыл глаза. Затем пожал плечами и засунул руки в карманы, будто бы этот вопрос его совершенно не касался.

— Идите и передайте своему капитану, что через двадцать минут я собираюсь взорвать ваше судно. Ему лучше как можно скорее прибыть сюда, захватив с собой все судовые документы.

Офицер молча кивнул. Остальные члены экипажа выглядели так, будто бы им было абсолютно все равно, что случится с

кораблем.

Затем офицер с судна значительно более вежливо попросил дать им тридцать минут на то, чтобы забрать с судна некоторые вещи.

— Хорошо. Значит, тридцать минут, — проговорил я.

Маленькая лодка отошла. И ее, и корабль держали под пристальным наблюдением.

А я обдумывал ситуацию. Начать с того, что нам был дан приказ не останавливать американские суда, но что я должен был делать, если американцы везли контрабанду? Если бы корабль был в конвое, то не было бы никаких сомнений. Жаль, что у меня не было возможности восстановить в памяти детали данных мне приказов. Но сейчас командовал я, и поэтому решение этого щекотливого дела будет полностью на моей совести. Далее, если следовать призовым установкам, следовало изучить список груза. Я гневно стер пот со лба.

«Я всего лишь посмотрю, как теперь поступит экипаж судна — как он отреагирует. Пока что его поведение было довольно подозрительным», — подумал я.

Пока шли переговоры, полностью рассвело. При свете дня были прекрасно видны белые буквы «США» на корме и нарисованный под мостиком флаг. Камуфляж ли это или американцы просто безответственно забыли осветить буквы?

Сухогруз «Эксмур», США, турбинный двигатель, построен в 1919 году, вместимость 4999 брт, порт приписки — Нью-Йорк, принадлежит «Си Шиппинг компани». Это судно на самом деле было записано в международном судовом регистре, но существовало еще тринадцать других кораблей точно такого же типа. Как можно с уверенностью сказать в военное время, действительно ли корабль американский?

Если это судно-ловушка для подлодок, то это скоро обнаружится. А пока мы должны быть настороже.

— Что ты думаешь об этом грузе, Баде? — спросил я.

Баде был грузовым помощником в торговом флоте достаточно долго, чтобы что-то в этом понимать.

— Самолеты, герр капитан, — тут же ответил он. — Если бы это на самом деле были детали автомобилей, то разве что автобусов. И куда они везут столько автобусов?

А пока маленькая лодочка подошла к борту судна. И снова поведение команды показалось странным и двусмысленным. Если в лодке люди были нарочито спокойными, то на корабле, наоборот, началась ненормальная шумиха, пожалуй, даже паника. Это было вовсе не похоже на дисциплинированный экипаж. Люди носились туда-сюда по палубе, двери открывались и снова

закрывались, несколько моряков бежали, размахивая руками так, будто бы они собирались прыгнуть за борт. Женщина с двумя детьми бесцельно металась по главной палубе. Именно так вели себя команды на кораблях-ловушках в Первую мировую войну.

Но с другой стороны, маскировка не падала и орудия для стрельбы по субмарине все не появлялись.

Паника казалась довольно искренней. Экипаж действительно забрался в лодки, бурно жестикулируя, будто маневр занял слишком много времени. Затем спасательные шлюпки быстро отошли от судна из страха, что оно может утащить их с собой на глубину.

Одна из спасательных шлюпок направилась к подводной лодке. Капитан стоял на носу. В отличие от неряшливого офицера он вел себя очень вежливо и корректно. Он поднес руку к фуражке, когда шлюпка подошла к субмарине, поднялся на борт и протянул мне кейс с судовыми бумагами и коносаментом.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что бумаги настоящие и в абсолютном порядке. Так же было бесспорно, что корабль, плывущий как нейтральный, вез контрабанду, включающую радиоаппаратуру и оружие.

Я начал обдумывать все заново.

То, что экипаж корабля забыл осветить свою нейтральную эмблему, было досадной оплошностью. Причину этого сейчас было невозможно определить, да она, по сути, была уже не важна. Самые большие подозрения вызывало поведение команды. Грубая, нехарактерная для моряка манера поведения офицера, неряшливая одежда и неприглядный внешний облик матросов, а к тому же и путаница с названиями.

Теперь получилось, что я, вопреки приказам, остановил американское судно и заставил его экипаж покинуть корабль; но, с другой стороны, я был убежден, что судно перевозит контрабанду для воюющей державы.

Я ни минуты не сомневался, что если отпущу судно, то весь его груз будет использован врагом против моих соотечественников. Более того, капитан, разумеется, сообщит о происшедшем и предупредит союзников о немецкой лодке, рыскающей в этих морях. И наше задание, так же как и жизнь членов экипажа, окажутся в опасности.

Уничтожив судно, мы сохраним этот инцидент в тайне по крайней мере на несколько дней, потому что капитан вел себя вполне корректно и, в соответствии с международными законами, не пользовался рацией. В любом случае можно было ожидать дипломатических осложнений, но все-таки можно их несколько отсрочить. А какая начнется газетная шумиха!

Но кроме всего прочего, как командир лодки, я по возвращении в Германию буду, конечно, отвечать за неподчинение приказу. Что ж, значит, так тому и быть. Все равно уже невозможно что-то изменить. Как ни старался, я не мог вспомнить, что было сказано в приказе на случай, если американцы везут контрабанду. Возможно, адмиралтейство по ошибке не приняло во внимание или не предусмотрело такую возможность.

Я думал, что хорошо знаю приказы, данные мне. Там было множество важных сведений и советов по выполнению нашего главного задания, которые необходимо было выучить наизусть. Именно это я добросовестно сделал, и теперь в памяти всплывали самые разнообразные детали, казавшиеся мне чрезвычайно важными, например: день, когда я должен атаковать порты; положение вражеских минных полей; точка, где я должен встретиться с судном снабжения; побережье, где в случае непредвиденных трудностей может высадиться команда. Все это я запомнил прежде, чем передал секретные бумаги капитану танкера. Но в этом деле я должен был принять решение самостоятельно, так как возможности справиться в приказах у меня не было. Я решил, что надо еще раз заглянуть в законодательство о призовых грузах. При этом в отправке специальной группы для обыска судна не было никакой необходимости. Достаточно было проверить груз по коносаменту, предоставленному капитаном, чтобы понять, какая часть судового груза в действительности является контрабандой. Возможно, по призовым правилам судно можно было освободить. Выделенные тридцать минут уже давно прошли.

Я сообщил капитану «Эксмура», что его судно перевозит контрабанду и что я должен его потопить. Есть ли ему что сказать? Капитан покачал головой. Казалось, он уже смирился со случившимся. Он всего лишь сделал сожалеющий жест.

— Ничего не могу с этим поделать. — Ему явно было жаль потерять хорошее судно.

После этого я спросил, достаточно ли у них провизии и вооружения на борту. Выяснилось, что, к сожалению, в спешке они уделили этому недостаточно внимания. Значит, экипаж «U-69» должен был выдать им все это из наших не слишком уж больших запасов. Еда, хлеб, масло, бренди и медицинские препараты были выданы и с благодарностью приняты. В это время я еще раз проверил коносамент и сравнил его с перечнем грузов, запрещенных к перевозке. Этот список был одним из немногих, еще оставшихся у нас на борту. Итак, решение было принято. Я должен потопить судно.

Не выпуская из рук документы, я поднялся на палубу. Там как раз закончили грузить запасы в спасательные шлюпки. Я лично удостоверился, что у американцев есть все необходимое, чтобы без особых проблем совершить недолгое путешествие до берега. Затем я попрощался с капитаном и сообщил морякам в шлюпках курс, чтобы позже лодка могла занять выгодную огневую позицию и они ей не мешали. А затем случилось нечто удивительное. Как только его лодка отошла, капитан «Робина Мура» и его команда встали навытяжку и выкрикнули немецкое приветствие: *«Heil Hitler!»*

Мы стояли разинув рты. Что бы это все значило? Что лежит за всем этим? Это насмешка или уважение к людям, которые в середине Атлантике в сотнях миль от дома вели одинокую войну на своей маленькой лодке? Однако у нас не было времени беспокоиться о подобном.

Я отдал приказ потопить «Робина Мура». Немедленно после выстрела, в соответствии с правилами безопасности, лодка погрузилась. К сожалению, этой торпедой был так называемый «увалень». Ее двигатель заработал, но трубу торпеда не покинула. Торпедисты быстро заменили ее, а эту вытащили обратно и обезвредили.

«Рыбка» направилась к своей цели и попала в неподвижное судно, несмотря на некоторую задержку. В середине корабля появились обычные «пальмовые листья», а затем последовал оглушительный взрыв. Торпеда выполнила свою работу, но судно тонуло очень медленно. В конце концов показалось, что оно так и останется лежать, наполовину погрузившись. Выпустить еще одну торпеду было бы слишком дорого. Я поднял лодку на поверхность. Теперь пришла очередь палубных орудий. Артиллеристы были в полном восторге. Впервые с начала боевых походов у них появилась возможность открыть огонь по врагу. Издав боевой клич *«La Vache qui Rit!»*, матросы рванулись к орудиям. Первые снаряды попали в корму. Затем последовал приказ: «Цель — капитанский мостик. Три залпа, огонь!»

Следующие снаряды попали в мостик, расколовшийся на тысячу мелких частей.

«Цель — правый борт, груз на кормовой палубе». Теперь мы увидим, что на самом деле находилось в решетчатых ящиках.

Снаряды влетели в гигантские ящики, разбивая все вокруг на мелкие осколки. Среди обломков можно было легко узнать детали самолета.

Теперь нужно было увеличить пробоины на ватерлинии, чтобы корабль тонул быстрее. После тридцати выстрелов я отдал приказ прекратить огонь. Судно еще раз приподнялось над водой,

а затем с бульканьем ушло на глубину кормой вверх.

Палубный груз оказался в воде. Несколько особенно крупных решетчатых ящиков сейчас служили целью для легких пулеметов на мостике. Вскоре люди смогли увидеть сломанные части крыльев самолета, которые медленно погружались воду. Большие шины авиационного шасси плавали между обломками. Ближе к девяти часам мы полностью уничтожили корабль.

Этим вечером экипаж «U-69» в сумерках хотел уведомить о происшедшем BDU по радио. Мы не могли рисковать, нарушив радиомолчание днем. Адмиралтейство могло уведомить нейтральные страны, чтобы те подобрали спасательные шлюпки. Однако до этого нам придется побыть в их обществе. Я принял на себя обязанность собрать разбросанные шлюпки вокруг субмарины. Я решил на некоторое время взять их на буксир, пока они не окажутся в точке, где течение за несколько дней приведет их к африканскому берегу. Это была единственная возможность свести для них к минимуму неприятные моменты, связанные с долгим путешествием в открытой лодке. Для женщины с двухлетним ребенком это плавание, конечно, будет особенно тяжелым, но американские шлюпки обладали достаточно хорошими мореходными качествами, чтобы люди могли провести столь долгое путешествие в теплых водах без особенных трудностей. Более того, в результате нашего вечернего сообщения их скоро подберут.

Буксировать несколько спасательных шлюпок — не простое задание для подлодки. Судовой офицер в ведущей лодке должен был обрубить конец при малейшей опасности. Плавание продолжалось несколько часов, пока взмахом руки я не указал им новый курс, который приведет их к африканскому побережью.

Но все это были только цветочки, ягодки, как выяснилось, поджидали нас впереди.

Глава 21

КОГДА ЖЕ ПЕРЕСТАНЕТ КАПАТЬ

Как только спасательные шлюпки с «Робина Мура» скрылись из вида, «U-69» вернулась на прежний курс. Ближе к вечеру на горизонте показался еще один корабль, шедший быстрым зигзагом. Это судно точно не было нейтральным. Лодка поменяла курс на него и спокойно позволила ему приблизиться. Это было грузовое судно, и на корме было прекрасно видно оружие. Когда стемнело, огни команда корабля не включила. Сомнений в этом не было. На этот раз перед нами уж точно был враг.

Экипаж «U-69» был готов у бою. Когда судно достаточно приблизилось, была выпущена торпеда. Она попала в цель. Корабль остановился, имея сильный крен, хотя не затонул. Его команда быстро послала сигналы SOS и назвала свои точные координаты. На этой широте не должно было быть никаких подводных лодок. Поэтому это объявление могло стать очень опасным, особенно сейчас, когда мы почти достигли нашей истинной цели. «U-69» развернулась, и была выпущена торпеда из кормового аппарата. «Рыбка» снова попала в цель, и через несколько секунд у миделя прогремел оглушительный взрыв. Судно взлетело в воздух, развалилось на две части и затонуло. Через несколько минут ничего больше нельзя было увидеть.

Экипаж передал название судна по радио, чем очень сэкономил нам время. Старший механик заглянул в регистр Ллойда. «Тьюксберри», вместимость 4601 брт. Это судно вместе с «Эксмуром» составляло хорошую круглую цифру в 10 000 тонн.

Так как судно использовало свое радио, экипаж «U-69» мог немедленно сообщить об успехе в BDU, доложив обо всех деталях потоплений.

«В квадрате XY был потоплен корабль „Эксмур“ в соответствии с призовым правом. Там же был потоплен „Тьюксберри“».

Я решил, что в последнем случае не обязательно употреблять слова «в соответствии с призовым правом».

Теперь «Смеющаяся корова» направлялась вдоль жаркого экватора к британскому порту Такоради в Западной Африке. Я спустился вниз вместе с Баде. Едва мы оказались в центральном посту, как «Дядя Эдуард» зазвучал в громкоговорителях. Все присутствующие ухмылялись, казалось, они чего-то ждут. Я молчал, а старшина в центральном посту провозгласил:

— Герр капитан, мы разменяли вторую половину сотни. — И

он заговорщически ухмыльнулся.

— Хорошо. Теперь мы должны подумать о второй половине, не правда ли, Эйферт? — ответил я тем же тоном.

Старшина был в недоумении. Он собрался и смело сказал:

— Мы точно закончим следующую половину в гавани, а флажки с бренди пусты уже сейчас.

— Ах да, конечно — бренди! Что ж, мой друг, тебе придется утешиться тем, что твое бренди сегодня выпьют эти бедняги с «Эксмура». Те две бутылки, что остались у нас на борту, — это неприкосновенный запас. Он будет служить в медицинских целях в случае, если кто-нибудь заболеет. Горе тому парню, который завтра утром пожалуется, что заболел. Ему будут давать «солдатский мед» первые восемь дней. — Все моряки знали, что «солдатский мед» — это касторовое масло. Я продолжил: — Идите и узнайте, сможет ли кок приготовить сегодня что-нибудь приличное... Что мы сегодня будем есть, Хинцпетер?

— Яичницу-болтунью, сэр. Свежие яйца у нас закончились.

В последующие дни напряжение возрастало, и погода, казалось, чувствовала это. В противоположность прошлым неделям сейчас небо было затянуто тучами, что было нормально для этого сезона в тропиках. Теплое одеяло облаков до определенной степени защищало людей, как мать может накрыть одеялом больного ребенка. Сухая теплая погода, принесенная ветром, сменилась влажной духотой, в результате чего с подводников пот лил в три ручья. Теперь их одежда состояла из шорт и панамы, но даже этого, казалось, было много. Но свою воинственность они не потеряли. Некоторые из них поменяли свои панамы на тропические шлемы, которые носили на мостике.

Воздух в лодке можно было резать ножом. Это была обычная атмосфера подлодки: смесь паров топлива, запахов одеколона, галюна и человеческого тела — но только все это было, так сказать, слишком сильно сконцентрировано и потому трудно переносимо.

Особенно ужасным под палубой было постоянное капанье. Это происходило не переставая. Вода скапливалась на палубе и просачивалась внутрь. Мы жили в искусственно орошаемой теплице. Не хватало только тропических лиан. Все на борту было насквозь мокрое, мы не могли сохранить сухим даже оборудование. Из всего, что люди брали в руки, сочилась вода.

Когда моряки садились обедать, капли воды попадали им на шею; когда они ложились на койки и пытались уснуть, вода орошала их лица. Они могли только ругаться и сонно обмахиваться, капли падали снова и снова. Даже вахтенный журнал и карты были мягкими от воды. Когда кто-то пытался что-

то записать, можно было с уверенностью сказать, что очередная капля упадет рядом с пером. Как только люди усаживались, чтобы немного отдохнуть или вздремнуть, они были уверены, что проснутся от громкого всплеска. У тропиков были свои плюсы, но постоянная влажность сводила с ума. В конце концов люди почувствовали вялость, с которой было очень трудно бороться.

Глава 22

ТАКОРАДИ — БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Начались последние дни путешествия «U-69» в открытом море. Из-за толстого слоя облаков штурману Маринфелду было очень сложно определить наше точное положение, но, судя по счислению, этим вечером мы должны были подойти в район порта Такоради. Более того, сейчас как раз было новолуние, и уже только по этой причине наше задание нужно было выполнить немедленно, иначе существовала опасность того, что мы могли не успеть к другим точкам маршрута вовремя. Расписание нападений было составлено таким образом, что все они должны были проходить в полной темноте.

Последние приготовления закончились, и команде были даны окончательные инструкции. Если враг обнаружит подводную лодку, шансы уйти были очень малы. На мелководье у берега не было возможности погрузиться в случае крайней необходимости. Любая атака глубинными бомбами могла оказаться фатальной благодаря близости дна и сильной ударной волне. Все было предусмотрено. Если предприятие потерпит неудачу и положение окажется безнадежным, лодка должна быть потоплена. А экипаж должен постараться спастись. Основным условием возможного спасения было то, что весь экипаж на боевых постах перед атакой должен был облачаться в спасательные жилеты, иметь при себе смену белья, неприкосновенный запас продовольствия, оружие и боеприпасы. Если нам придется покинуть лодку, то нельзя будет терять ни секунды.

Все секретные документы, которые есть на борту, нужно будет уничтожить, а лодку — потопить. Для этой цели взрывчатка была размещена во всех важных точках субмарины, детонаторы подготовлены и соединены с пультом на боевой рубке. Таким образом, «U-69» можно было превратить в мелкие осколки всего лишь одним нажатием кнопки.

До вечерней трапезы все свободные от вахты моряки отправились спать, чтобы быть полными сил во время ночного предприятия. Все ненужные огни были выключены. Нам приходилось беречь батареи, потому что во время атаки лодке придется двигаться на электромоторах. Люди лежали на койках в темноте. Очень немногие из них сумели закрыть глаза и действительно отдохнуть — мешала нестерпимая жара.

В заданное время «лорды» переоделись, причем процесс сопровождался смачными проклятиями. В раскаленных отсеках

такое занятие нельзя было назвать приятным. Никто на самом деле не верил, что придется топить корабль. Эмблемой лодки была «*La Vache qui Rit*», и люди были уверены, что корова продолжит смеяться. Но я им объяснил, что они не негры и вряд ли смогут прожить несколько недель на берегу, имея лишь набедренные повязки, которые носят жители африканских джунглей. Я знал, о чем говорю, и моряки согласились с этой мерой предосторожности, как и со многими другими приказами, для которых не было видимых причин. Они ограничились жалобами на жару, которую теперь ощущали еще более остро.

На рассвете U-69 направилась к берегу. И Баде, и я знали вход в Такоради еще со времени прошлых рейсов. Мы стояли на мостике и через бинокли изучали берег в поисках знакомых ориентиров. Но видели только серо-зеленую полосу на фоне туманной дымки.

Неточность определения нашего местоположения сейчас представлялась очевидной. Если верить счислению, лодка должна была находиться прямо перед входом во вражескую гавань, но ничего нельзя было разглядеть, кроме темной полосы дикого побережья. Нигде никаких огней... Я начал сомневаться в точности своей навигации. Возможно ли, что лодка сейчас находится в нескольких милях западнее или восточнее цели из-за неправильного курса или какого-то непредусмотренного течения?

Медленно подводная лодка поплыла вдоль берега на запад. Там, судя по информации, выданной мне в адмиралтействе, не было минных полей. Но кто мог с уверенностью сказать, что сейчас они там не появились? Более того, всегда была опасность, что тебя обнаружат с берега. На лодке воцарилась полная тишина. Только дизельные двигатели исполняли свою монотонную песню. Море было спокойное, как озеро, длинные ленивые волны покачивали лодку вверх-вниз. Тропическая ночь была темной как смоль. Ни звезды на облачном небе, ни огонька на земле. Мы не слышали даже звуков, являвшихся непременно атрибутом оживленной гавани или хотя бы места, где живут люди. Западная Африка спала. Только море дышало медленно и глубоко.

И все же было абсолютно невозможно пропустить столь большую, величественную бухту, как Такоради, построенную несколько лет назад. Может быть, море или землетрясение внезапно поглотили ее? Иначе куда же она делась? Нигде не было никаких следов.

— Неужели у британцев такое хорошее затемнение? — шепотом проговорил я.

Баде пожал плечами. Он не считал, что подобное возможно.

Пока что ни одна немецкая подлодка не забиралась так далеко на юг, и, кроме того, в этой войне вспомогательные крейсера не выполняли операций по установке минного заграждения.^[14] Поэтому в таких предосторожностях, которые всегда затрудняли судоходство, просто не было необходимости.

В конце концов я приказал:

— Штурман, заново определить наше местоположение. Здесь нет рядом никакой бухты.

Маринфелд склонился над штурманским столом и принялся жонглировать угольником и циркулем. Он несколько раз проверил свои расчеты, пока окончательно не убедился в точности результата.

— Герр капитан, мы в миле западнее входа в порт.

— Я только надеюсь, что вы правы, — с досадой пробормотал я.

Штурман уже доказал во время нашего первого похода, что он знает свое дело, но неизвестные течения и изменения ветра вполне могли сделать его вычисления неточными. Нужно было как-то определить наше истинное положение.

Придя к такому выводу, я несколько раз изменил курс. Нельзя было терять время. Новолуние в тропиках в это время года было очень темным, но также и очень коротким. Если до завершения операции наступит рассвет, то все наше дело может потерпеть фиаско.

Баде начал бормотать:

— Странно, что здесь нет никаких судов. Мы уже давно должны были подойти к входным фарватерам. В мирное время здесь днем и ночью было полно торговых судов и роскошных лайнеров, а сейчас можно подумать, что здесь нет ни одного крупного порта.

Внезапно раздался крик:

— Свет впереди!

Маринфелд не разделял моих сомнений относительно точности его расчетов. Он стоял на платформе перископа и смотрел в бинокль над головами остальных. Он и заметил свет, который вскоре увидели и другие. Фары машины освещали темноту. Сейчас, где бы ни появлялись автомобили в Африке, там всегда был город, а значит, и наша потерянная бухта не могла находиться далеко. Рулевой снова доказал, что может быть прекрасным штурманом. Цель находилась впереди.

А затем мы начали подкрадываться к цели, пользуясь исключительно индейско-скаутскими методами. Дизели замолчали, и были слышны только гораздо более тихие электромоторы. «Смеющаяся корова» тихо плыла вдоль берега.

Как только подводники почувствовали, что близки к цели, настроение у них снова поднялось. В памяти всплывали когда-то прочитанные страницы приключенческих романов. Но только теперь это все стало реальностью, холодной реальностью, полной романтики и опасностей.

Слева по борту на расстоянии выстрела находилась Западная Африка. Стали видны и очертания порта, в который мы везли наш опасный груз. Для того чтобы сработал эффект неожиданности, мы должны были пробраться внутрь тихо, как привидения, и выбраться оттуда незамеченными.

Никем не обнаруженная «Смеющаяся корова» медленно направилась к хорошо затемненному порту. Тренированный глаз уже сейчас мог заметить высокие краны, которые были характерной чертой Такоради. Они были символом этого города. За гаванью на возвышенности мы все еще видели фары машин, разрезающие темноту. Иногда они выхватывали из темноты отдельные здания. Теперь подошла очередь самой сложной части нашего задания. В необычайно тяжелых навигационных условиях нам нужно было найти верный вход в бухту. Даже в мирное время это нельзя было назвать простой задачей, а сейчас огни на большинстве буев были погашены — уж такой подлости мы совсем не ожидали. Многие буи и вовсе исчезли. На берегу не было видно ни одного маяка. В связи с такими мерами предосторожности не казалось странным, что все ночное движение отсутствовало. Баде вполне мог бы обойтись без своего монолога.

Лодка ближе подошла к городу.

Несколько судов стояли на якорях на рейде. Их темные очертания в темноте напоминали корабли-призраки. Если «U-69» не сумеет найти вход вовремя, то тогда хотя бы можно будет взорвать самый большой из стоящих на якоре кораблей. И у коровы на боевой рубке будет повод ухмыляться, когда мы покинем Такоради.

Чтобы свести шум к минимуму, вентиляторы и вспомогательное оборудование уже давно были выключены. Команда на цыпочках ходила по верхней палубе, люди обмотали ноги тряпками, прямо как индейцы. Словами обменивались только в случаях крайней необходимости. И, несмотря на жаркий липкий воздух, дышать которым было почти невозможно, моряки демонстрировали почти ангельское терпение. Сейчас они в насквозь промокшей одежде и почти без воздуха ждали приказов. В дополнение ко всем неприятностям они даже не всегда могли выпрямиться во весь рост. У тех, кто стоял на мостике, по крайней мере, было преимущество — свежий воздух.

Внезапно Баде слегка толкнул меня локтем:

— Герр капитан, впереди видна тень.

Я навел на нее бинокль. Это был патрульный катер. Он только что изменил курс.

— Подождем, пока он пройдет.

Положение еще пока оставалось неясным. Через несколько минут катер повернул направо. «U-69» шла прежним курсом. Патрульный катер с ничего не подозревающим экипажем продолжал идти своим путем. Ауэрманн внимательно за ним наблюдал. Катер обошел корабли, стоявшие на якоре.

Все это время Баде искал вход. Наблюдатели же смотрели каждый в свой индивидуальный сектор. В конце концов катер скрылся из вида. Теперь «U-69» продвигалась вперед на среднем ходу. Электромоторы прибавили обороты. Я не хотел терять время. Катер, как тень, поплыл к предполагаемому входу. Волны легко бились о борт. Каждый плеск воды и пузырек пены оставляли фосфоресцирующий проблеск.

Светящаяся вода, поднимавшаяся из черной как смоль глубины, была изумительным зрелищем. Но только сказочные золотисто-желтые отблески моря могли быть такими же вероломными, как и северное сияние в Арктике. Нужно уменьшить скорость, чтобы затушить эти желтые вспышки в кильватерном следе.

— Оба двигателя малый вперед.

Пока что мы осторожно продвигались вперед, точно еще не видя входа. Внезапно Баде тихо сказал:

— Теперь я знаю, где мы. — Он указал на маяк, стоящий в воде слева по борту. — Мы должны оставить его слева и затем идти прямо к молу.

«U-69» медленно прошла мимо одинокого навигационного помощника. Баде и я пытались разглядеть контуры мола.

Как только мы определили свое положение, случилось кое-что очень неприятное. А именно — стало значительно светлее. Причалы порта, еще несколько мгновений назад неразличимые в кромешной темноте, теперь были прекрасно видны. По непонятной причине именно в тот момент, когда мы возложили все наши надежды на темноту, толстый слой облаков внезапно рассеялся. Сейчас за кормой нам было прекрасно видно судно, стоящее у причала, портовый катер и береговые сооружения, возвышающиеся над нами. Должно быть, так же отчетливо все часовые на берегу и на кораблях видели неосторожного посетителя. Мы только лелеяли надежду, что вражеский караул был не столь бдителен. Хотя отдельные часовые здесь явно были, да и патрульный катер сновал вокруг.

Однако у нас появилось и одно преимущество. При таком освещении нам не составит труда найти вход в гавань, и лодку не бросит течением на пирс.

Самый опасный момент нашей операции наступил. Шепотом Ауэрманн поставил людей к пушкам и пулеметам.

Боевые посты. Мы входим.

Приготовиться сбросить мины.

Оба электромотора малый вперед.

Все команды были едва слышны, они по большей части тихим шепотом передавались от человека к человеку. Экипаж тихо передвигался по палубе. От орудий не слышалось ни звона, ни скрипа. Кроме легкого гудения электромотора и плеска воды о корпус, не было слышно вообще ничего. Каждый член команды замер в ожидании, сжимая рукоять пулемета или пистолета. Как корабль-призрак «Летучий голландец», лодка закачалась на длинной волне рядом с входом. Фосфоресцирующий отблеск воды, когда нос подлодки внезапно ушел под воду, усилил призрачное впечатление. Это была потрясающая картина, и все же нервы экипажа были натянуты до предела. Ни у кого не было в этот момент ни времени, ни желания любоваться красотой или думать о романтике.

Концы мола приближались очень медленно. Лодка с трудом на маленькой скорости шла против течения. В конце концов стали ясно видны очертания маленьких выключенных маяков в конце набережной. В мирное время они указывали вход судам, находившимся далеко в море. Показалась часть длинной массивной каменной стены, защищающей гавань от разрушительных волн. И все же мол пока не позволял нам ясно увидеть гавань изнутри. Даже здесь, в далекой Африке, война, должно быть, многое изменила в повседневной жизни людей. Наблюдатели вглядывались в темноту, чтобы как можно скорее разглядеть детали.

— Там на левом молу, — палец указал на необычное строение, — что это?

— По-моему, пушка.

Теперь моряки могли видеть фигуры, передвигающиеся туда-сюда по молу. Это были часовые. Обнаружат ли они лодку? Баде рассматривал в бинокль крупное сооружение на молу, пытаясь разобрать, что это такое.

— Герр капитан, кажется, это всего лишь большой камень.

Я сфокусировал свой ночной бинокль на объекте:

— Да, это, возможно, камень.

Несколько секунд я прислушивался к себе и считал удары сердца. Был ли я настолько взволнован, что принял камень за

пушку? Нет, я вполне был уверен в себе.

— Баде, это пушка, и есть вторая на другом молу.

Теперь все смогли их увидеть. Две пушки надежно перекрывали вход. Британский ВМФ хорошо усвоил урок, столкнувшись с неожиданной постановкой мин немецкими рейдерами еще во время Первой мировой войны.

Субмарина добралась до центра входа. Если какой-нибудь бдительный часовой сейчас обнаружит подлодку, спасения не будет. На столь коротком расстоянии для вражеских орудий «U-69» будет все равно что неподвижная мишень... и все же первые мины должны быть установлены непосредственно под дулом у этих пушек. Возможно, позже такой возможности уже не будет. Мы еще раз взглянули на вход в гавань. Не дай бог, сюда еще подойдет патрульный катер, тогда нас поймают, как мышь в мышеловку.

— Берег чист. Можем начинать.

— Бросайте первую мину.

Первое черное дьявольское «яйцо» упало в воду.

Услышал ли что-нибудь враг? Людям на борту этот звук показался ударом грома. Плюс к этому поднимающиеся пузырьки превратили участок моря в причудливый танец блесков. Оно искрилось и переливалось, как тысячи драгоценных камней на водном фестивале.

В ужасе команда уставилась на часовых. Невероятно. Они ничего не заметили.

— Все чисто.

— Повторить операцию.

Вторая мина плюхнулась в воду с не менее громким всплеском, хотя ее и старались опустить как можно осторожнее. Моряки даже слегка присели и инстинктивно втянули головы в плечи, когда из глубины поднялась толстая струя пузырьков. Теперь казалось, что вода полыхает зеленовато-желтым цветом. Больше всего нам хотелось накрыть ее огромным черным покрывалом, сквозь которое не видно ни одной искорки. Вскоре игра света прекратилась и снова воцарилось спокойствие. Очень тихо электромоторы запели свою монотонную песню. Субмарина, притворяясь невидимкой, направилась дальше во внутреннюю гавань.

Теперь была выброшена третья мина, и снова повторилось то же представление. И снова подводники встревоженно оглянулись. Как только мина потонула, кто-то прошептал:

— Тень впереди.

Мы поспешно поднесли к уставшим глазам бинокли, но ничего не увидели.

— Оба двигателя стоп. Остаться наготове.

Подводная лодка незаметно скользила по спокойной воде. Люди у пушки и пулеметов крепче сжимали свое оружие. Если кто-нибудь сейчас заметит субмарину и откроет огонь, то мало кто из экипажа выживет, но моряки были решительно настроены продать свою жизнь подороже. Под палубами никто не мог видеть, что происходит наверху, но все это и так знали — помогало некое природное чутье. Каждая сказанная шепотом команда, несмотря на жару и ужасный воздух, передавалась по помещениям удивительно быстро и точно.

Тень над нами — корабль, стоящий на якоре, — была пройдена очень близко на выключенных двигателях.

Затем гребные винты снова медленно заработали. «U-69» проникала в пасть льва все дальше и дальше. В конце концов когда мы прошли стоящее на якоре судно, то смогли наконец разглядеть внутренний бассейн. Нашим глазам предстало неожиданное зрелище. Вся гавань изобиловала кораблями. Создалось впечатление, что там собрался весь британский западноафриканский торговый флот.

Выпусти мы наугад пятнадцать — двадцать «оловянных рыбок» в направлении, где стояли суда, как минимум, 60 000 тонн водоизмещения взлетели бы на воздух, и плюс к этому бухта стала бы непригодной для пользования до самого конца войны. Ни один солдат, ни одно орудие, ни одна канистра с горючим не могли бы быть выгружены здесь для войны с Германией. Да, если бы это только можно было сделать. Но во-первых, не существует такой подводной лодки, которая смогла бы выстрелить пятнадцать торпед сразу, а во-вторых, остальные мины нам нужно было доставить в Лагос. Здесь же мы должны были остаться незамеченными. Целью операции было не потопление кораблей, а закрытие бухты на некоторое время.

Нам нужно было пройти мимо еще нескольких судов, которые пришвартовались близко друг к другу рядом с входом. Мы скользили всего лишь в нескольких ярдах от высокой стены из кораблей... Во все глаза люди смотрели на палубы, но ни один человек не подошел к поручням и, следовательно, не обнаружил незваного гостя. Казалось, что и на кораблях все спит.

В темноте мы уже оставили позади себя два судна. Теперь мы должны пройти третье, чтобы сбросить остальные «яйца». Субмарина находилась рядом с кормой третьего судна, когда внезапно на главной палубе корабля распахнулась дверь. Появился яркий свет и бросил желтый отблеск на воду, осветив на короткий момент лица моряков из орудийного расчета. Через распахнутую дверь мы увидели мужчину с ведром. Он вытряхнул

его, и в воду посыпались отбросы. Затем человек отошел от поручней и закрыл дверь. Свет исчез, мужчина, вышедший из пятна света, не заметил подлодку в темноте. Смерть снова обошла «U-69» стороной.

Капли пота, которые подводники вытирали со лба, сейчас были вызваны отнюдь не одной только жарой.

Ситуация становилась все более неприятной. Нам нужно было торопиться. Сделав большой круг по внутреннему бассейну, мы с одинаковыми интервалами сбросили в воду остальные мины. В гавани все еще не было никакого движения. Время от времени на расстоянии раздавались голоса. Как только последние мины были сброшены и исчезли под фосфоресцирующими пузырьками, лодка легла на обратный курс. Люди все еще были на боевых постах, когда мы прошли часовых и угрожающие дула орудий на молах. Это было чудом. Так же тихо, как вошла, непрошенная и незамеченная гостья исчезла из гавани. Безумное предприятие прошло успешно, и сейчас подводная лодка медленно шла к выходу. И снова впереди появилась тень стоящего на якоре судна. Когда же патрульный катер и минное поле остались позади, по палубе субмарины пронесся вздох облегчения, кто-то даже позволил себе негромко рассмеяться.

Можно было перевести дух и запускать дизели. «Смеющаяся корова» взяла курс в открытое море.

Глава 23

ВТОРОЕ БЕЗУМНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В РАЙОНЕ АФРИКАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Команда была вполне удовлетворена удачным исходом этого дела. Хотя не обошлось и без недовольных. Некоторые члены экипажа никак не могли забыть увиденные ими цели — неподвижные вражеские суда в бухте. В общем-то их можно было понять, ведь в течение долгих дней и ночей в море у них не было ни одного шанса увидеть столь отрадную глазу немецкого подводника картину.

Следующие двадцать четыре часа экипаж отдыхал. После этой ночи им был необходим полноценный отдых. Одежда на людях снова свелась к минимуму. Благодаря вентиляции под палубой стало немного больше свежего воздуха. Свободные от вахты моряки лежали на койках и пытались спать. Лодка шла к следующей цели похода. «Дядя Эдуард» снова вошел в свои законные права. Всем, кто не хотел в тысячный раз его слушать, оставалось только последовать моему примеру — заткнуть ватой уши и положить на голову подушку.

Через шесть часов мы почувствовали запах компота и лапши. Изнуренные люди быстро пришли в себя, расселись за столами и принялись есть с огромным аппетитом. Конечно, вопрос о том, чтобы сидеть за так называемыми общими столами или всем находиться в одной столовой, даже не стоял, так как везде было гораздо меньше места, чем было положено по правилам. В носовом торпедном отсеке, где резервные торпеды еще не были выпущены, люди находились в довольно своеобразных условиях, сидя между койками, занавесками и «оловянными рыбками». Главное, чтобы еда была приятной на вкус, со всем остальным можно смириться.

В офицерской кают-компании разговор сосредоточился на всевозможных морских суевериях, как-никак завтра была пятница. Некоторые из подводников без устали твердили, что совсем не верят в приметы. А я рассказал историю, происшедшую со мной в одном из своих прошлых плаваний.

— Одной из самых заметных личностей на «Ольденбурге» был матрос Мадер из Михельштадта, что в Ольденвальде. Он всегда утверждал, что не суеверен. Все товарищи по плаванию любили этого матроса, потому что он обладал по тем временам

большой редкостью — граммофоном и пластинками. Эта музыкальная коробка доставляла огромное удовольствие всему экипажу во время длинных монотонных плаваний в дни, когда еще не было радио. После многих недель в море — «Ольденбург» в течение тридцати семи дней шел в условиях отвратительной погоды, не имея возможности под парусами обогнуть мыс Горн, — настроение было на нуле. И Мадер дал страшную клятву. Он поклялся, что если шторм не прекратится наступающей ночью, то он выбросит граммофон и все свои пластинки за борт, чтобы умиловить бога погоды. Вся команда была изумлена и с тревогой ожидала следующего утра. Когда Мадер вышел на палубу и взглянул на море и небо, то не увидел ни малейшего просвета. Он спустился к своей койке и через несколько секунд вернулся с граммофоном и пластинками. Он сбросил аппарат и музыкальные записи за борт, прокричав: «Чтобы дал нам попутного ветра!» Дефицитные вещицы с громким всплеском шлепнулись в воду и быстро скрылись в глубине. Никто не посмел пожаловаться или даже подумать о приближающихся одиноких часах без возможности насладиться музыкой. Несколько мгновений Мадер смотрел на свои исчезающие сокровища. Затем он вернулся к работе, как будто ничего не случилось. Ну а потом произошло невероятное. В этот самый день шторм успокоился. Через некоторое время «Ольденбург» смог обойти мыс Горн — что было невозможно в течение тридцати восьми дней. Нептун принял жертву.

Я едва успел закончить свой рассказ, как Баде произнес:

— Предлагаю в следующий раз попробовать повторить это с «Дядей Эдуардом».

Раздался взрыв смеха.

— Нет, мой друг, — ответил я. — Твоя жертва была бы сделана не от чистого сердца, и бог погоды уделит бы ей очень мало внимания.

В этот момент по лодке снова разнесся опостылевший голос «Дяди Эдуарда», и раздосадованный Баде взбежал на мостик.

Сменилась полуденная вахта, и экипаж подлодки вернулся к рутинной работе. Мы шли вперед на средней скорости, потому что уже на следующее утро должны были дойти до Лагоса. Погода не менялась. Море «глубоко дышало» длинными волнами. Ветер был нежным и влажным, небо — затянуто тучами, воздух — липким. Эта тепличная атмосфера прекрасно подходила для растущих бород. У некоторых моряков они были огромные и кустистые, что делало их похожими на древних пиратов. Другие же гордились хорошо подстриженными козлиными бородками.

Однако жара была не столь благосклонна к

консервированным продуктам, как к бородам. Поздним вечером старший механик сообщил мне очень неприятные новости.

— Герр капитан, большая часть нашей провизии испортилась. Мы должны начать жестоко экономить. Возможно, лучшим вариантом будет перейти на половину рациона.

Теперь людям даже не удастся получить удовольствие от хорошей еды, ее попросту будет не хватать. Другими словами, перейти на половину рациона означает, что лапша и компот сегодня, возможно, были последней приличной трапезой, теперь у нас не скоро появится шанс хорошо поесть.

— Что ж, мы запасаемся провизией, как только сможем. А как дела с водой? Как работает фильтр для воды?

— Прекрасно, герр капитан.

— Достаточно ли у нас дистиллированной воды для батарей?

— Надеюсь, что да. В жаркую погоду испарение идет очень быстро, и мы должны их заполнять гораздо чаще, чем обычно.

— Ради бога, только бы обойтись без сложностей с батареями. Мы можем провести операцию по установке мин только на электромоторах. Но хоть топлива для дизелей у нас достаточно?

Старший механик, казалось, немного заколебался, прежде чем ответить:

— В любом случае для следующего дела хватит.

— Что ж, это главное.

Я отпустил главного механика, который отправился вниз, чтобы провести сложную задачу — разделение рациона. Следует заметить, что это его не слишком взволновало. Всегда было лучше обходиться небольшим количеством еды, чем небольшим количеством пресной воды. Голод можно было держать в узде, но жажда — это ужасное, тяжелое испытание, которое лишь немногие могут выносить долго. На водяной фильтр, установленный на лодке в порту, моряки неизменно взирали влюбленными глазами. Этот механизм делал экипаж субмарины довольно независимым, лишал его необходимости думать о воде.

Ночью подул первый легкий морской бриз, принесший облегчение после жаркого дня.

«U-69» скоро подойдет к Лагосу. Снова все механизмы и двигатели были перепроверены. В трубы торпедных аппаратов погружены мины. Все было готово для проведения очередной минной постановки.

В темноте мы должны были быть вдвойне осторожны. Лодка приближалась к оживленному перекрестку морских путей у Лагоса, и ни на одном судне не должны были нас заметить. Если в течение трех дней в Такоради начнут взрываться мины, то

британцы, скорее всего, будут думать, что лодка все еще, как привидение, шныряет по соседству.

Чтобы избежать встречи с другими кораблями, «Смеющаяся корова» плыла очень близко к берегу. Здесь, на глубине всего лишь нескольких саженей, мы вряд ли могли встретить какое-нибудь морское судно, но на этой дороге были свои опасности. Здесь нельзя было погрузиться, и к тому же африканское побережье изобиловало мелями. Даже лучшие морские карты не показывали положение песчаных отмелей, у которых была неприятная привычка менять свою позицию за очень короткое время — иногда за несколько дней. Глубокая тишина и сплошная темнота снова воцарились вокруг лодки. С мостика на берегу ничего нельзя было рассмотреть, кроме удивительно красивого вида разбивающихся волн. Светящиеся блески делали картину восхитительной. Африканские джунгли, которые доходили почти до кромки воды, казались мерцающим пятном над береговой чертой. В джунглях тоже стояла мертвая тишина; все царство зверей, должно быть, отошло ко сну. Лишь в очень редких случаях до нас доносились голоса чернокожих. Когда же крики затихали, было слышно только мерное сердцебиение моря. Это через равные промежутки времени бились о берег мощные водяные валы.

Перед нами была Африка, Черный континент, рай для романтиков. Этой ночью в суровое военное время он был в пределах досягаемости и в то же время необычайно далек.

Если бы сейчас заиграла гавайская гитара и зазвучали красивые голоса сопрано, подводники поверили бы, что они в раю. Здесь даже самые молодые и воинственные члены экипажа понимали, почему люди стремятся в теплые края и почему им иногда бывает грустно. Старые морские волки это знали давно, но таким знанием нельзя поделиться, его можно только познать на собственном опыте. Люди сейчас мечтали, чтобы война, как по мановению волшебной палочки, закончилась и один из их товарищей сыграл на аккордеоне песню, соответствующую их настроению.

Ни в коем случае нельзя было позволить, чтобы овладевший людьми романтический настрой позволил им расслабиться. Задание, которое стояло перед ними, не оставляло места подобным мечтам.

Ранним утром «U-69» подошла к Лагосу. Теперь нам нужно было держать ушки на макушке. Разумеется, лодка не могла оставаться у берега на виду у всех средь бела дня, поэтому мы отошли в море, чтобы провести там остаток дня под водой. Сказать это было не сложно, куда труднее сделать. От команды

требовалось адское терпение и самоконтроль. Ведь долгие часы жары, когда солнце поднимется еще выше, станут для всех невыносимыми.

Недостаток свежего воздуха и быстро поднимающаяся температура воды настолько сгустили зловонную атмосферу в лодке, что было почти невозможно дышать. Вскоре все мы покрылись грязным потом. Тела подводников блестели, как фарфоровые фигуры. Вначале люди пытались вытирать горячий пот, заливающий глаза, но вскоре оставили бессмысленную борьбу и позволили поту течь там, где ему захочется.

Время текло очень медленно: секунды становились минутами, а часы растягивались в года. Вода монотонно плескалась снаружи. Теплый и влажный воздух на борту никогда не становился по-настоящему сухим. Поэтому не стоило удивляться, что даже самые лучшие консервы портились. Банки раздувались и время от времени взрывалась с довольно-таки громким звуком, распространяя вокруг себя кошмарное зловоние.

Раньше немецким морякам никогда не приходилось сталкиваться с температурой, которая устанавливалась в подводной лодке в тропиках под водой. «U-69» была первым 500-тонным кораблем, который совершил плавание к этим широтам. Поэтому перед нами стояла еще и задача вести соответствующие наблюдения и делать записи, чтобы другие подводные лодки, которые придут после нас, можно было лучше подготовить для подобного похода.

Команде приходилось в основном лежать, чтобы сэкономить воздух. Но никто не мог по-настоящему расслабиться. Люди по большей части дремали. Только вахтенные и акустик оставались на вахте.

Штурман и я снова и снова изучали карты, лоции и условия входа в гавань. В мирное время ни одно судно не могло войти туда без лоцмана. Около Лагоса море никогда не было спокойным. Вход представлял собой очень длинный и довольно узкий канал между двумя молами. Это было сделано для того, чтобы преградить путь волнам и течению и обеспечить защиту кораблей во внутреннем бассейне. Напряженное судоходство в порту Лагоса, столицы Нигерии, экономически оправдывало строительство всех этих дорогостоящих сооружений. В мирное время здесь перегружали огромное количество копры, земляных орехов и других культур. Сеть доков и удобные причалы оказались весьма полезными и для англичан, поэтому планируемая акция «U-69», если, конечно, все пойдет хорошо, станет успехом не только в военной, но и в военно-морской области. Особое внимание следовало уделить минным полям

противника.

Была ли информация о проходе между минными полями, выданная адмиралтейством, точной?

Около полудня акустик сообщил, что слышит звуки гребных винтов. Звук усиливался, и вскоре стало ясно, что к нам приближается судно.

Его курс мы проследили гидрофоном. Пеленг был аккуратно занесен в вахтенный журнал, так мы определили проход, свободный от мин. Его положение полностью совпало с информацией, выданной адмиралтейством. Лодка осторожно всплыла — ее боевая рубка едва показалась на поверхности — и следовала за судном через минные поля, пока мы не оказались прямо перед входом. Затем я проследил за маневрами корабля через перископ и снова вернул лодку на глубину.

Я приказал:

— Всем спать. Экономим кислород. Всплытие и вход в 22.00. До этого в лодке полная тишина.

В назначенное время люди вернулись на боевые посты. Экипаж надел форму и приготовился к действиям в надводном положении, страдая от жары и недостатка кислорода. Только перспектива всплытия и возможность вдохнуть свежего воздуха наверху давала им сил держаться.

Когда боевая рубка наконец показалась на поверхности и люк открылся, из лодки вырвалось огромное облако горячего воздуха. Первые люди, выбравшиеся на мостик, наполнили свои легкие свежим воздухом и обнаружили, что душная тропическая ночь оказалась восхитительно прохладной. В то же время подводники на посту управления толпились вокруг люка, пытаясь получить хоть немножко прохлады. Из-за близости берега и вражеской бухты мы не могли использовать вентиляторы. Они были слишком шумными.

Поэтому в отсеках приходилось довольствоваться тем небольшим количеством свежего воздуха, который ветер задувал вниз. Однако даже этого хватило, чтобы поднять настроение.

И вот мы во второй раз вползали во вражескую гавань. В лодке снова воцарилось напряжение. Конечно, у нас за плечами уже был опыт Такоради, но в этот раз темнота казалась еще более черной. Плюс к этому разнообразные подводные течения вблизи Лагоса требовали очень точной навигации. Следовало не только обойти концы мола, но также и преодолеть весь фарватер с величайшей осторожностью. Первые три мины нужно было установить непосредственно в фарватере.

«Смеющаяся корова» скользила вперед очень медленно. Волны шелестели перед ее носом. Фосфоресцирующий узор был

прекрасно виден. За молом ничего не было видно. Волноломы, небольшая полоска более светлого моря и ничего, что могло бы выдать местоположение входа.

Берег приближался.

— Измерьте глубину, — прошептал я через переговорную трубку.

— Одна сажень, — пришел ответ.

Всего лишь одна морская сажень под килем.

— Оба двигателя стоп. Правый двигатель средний вперед. Руль лево на борт.

Самое время. Отбрасывая блески, заработали гребные винты. Лодка медленно отвернулась от земли. Пришлось продолжать поиск какого-нибудь ориентира на берегу. Наше терпение подвергалось величайшему испытанию, ведь мы знали, что каждая минута бесценна. Если мы не выполним дело этой ночью, то субмарине придется оставаться под водой до конца следующего дня. Этого вынести мы бы уже не смогли.

Поиск продолжился. Ни один из ориентиров, которые были прекрасно видны днем, не был замечен ночью. Нас окружала полная темнота, по которой изредка прокатывали сверкающие буруны. Как и часто в прошлом, натренированные глаза моряков всматривались в ночь. Подводники под палубой потели, стоя в полной темноте напротив своих приборов и ожидая приказов.

В конце концов Баде сказал:

— Вот ты где. Видите высокие пальмы справа от мола? Я уверен, что прав. — Он сфокусировал свои бинокли на тусклых очертаниях каких-то особенно высоких пальмовых деревьев, тянувшихся к небу. — Я прав, герр капитан. Вон он, вход.

— Приготовиться. Мы входим.

Мои приказы шепотом передали по всей лодке. Снова люди тихо, как кошки, подошли к своим орудиям. «U-69» сейчас как раз находилась там, где нужно сбросить первые мины, — в середине подходного фарватера. Первая мина была установлена. Две другие были сброшены рядом с концами мола.

Затем началась борьба стремящейся ко входу в гавань лодки с течением. Справиться с ним было совсем не просто. Нас выбросило из фарватера на мелководье, и только после этого мы увидели гигантскую дамбу, как будто надвигающуюся прямо на нас. Стоя на мостике, все мы покрылись кровавым потом, глаза слезились. Неужели мы застрянем, когда цель уже так близка. Только в последнюю минуту, благодаря умелому маневрированию, корабль сумел отойти от дамбы и вошел в гавань. Во всем происшедшем был очевидный плюс, теперь мы знали, как проходит течение. Снова очутившись в спокойных

водах, мы медленно обошли вокруг пирса. В этот раз я провел маневр немного по-другому, учитывая сильное течение. На работающих в полную силу электромоторах субмарина двигалась против течения. После нескольких ужасных мгновений борьбы, когда казалось, что мы стоим на месте, «Смеющаяся корова» выиграла схватку и спокойно заскользила вдоль длинного канала. Два пулемета были обнаружены на пирсе. Так, значит, и эта бухта охранялась. Часовые тоже где-то недалеко. Нужно было торопиться. Лодка должна войти и выйти до пробуждения гавани. Перестрелка на таком коротком расстоянии была бы бессмысленной. «U-69» еще продвинулась внутрь бухты. В этот раз не нужно было входить на внутренний рейд. Достаточно было заминировать вход.

Под защитой пирса субмарина была гораздо более устойчива, чем перед входом, но здесь море тоже было беспокойно.

Мы напряженно наблюдали за тем, что происходит на молах. Там не было никакого движения, наш корабль-призрак пока оставался незамеченным. Теперь можно было начать работу. Жара и усталость забылись. Люди работали, как «альберихские гномы». Один за другим дьявольские «яйца» с шелестом опускались в воду. Солнце и вода должны были их высидеть. Через три или четыре дня мины оживут, и появятся первые жертвы.

Когда последние мины покинули трубы, мы направили нос лодки между молами. Сейчас стало ясно, что мы не зря теряли время, аккуратно выполняя все маневры в узком бассейне Пиллау. «Смеющаяся корова» шла отсюда тем же курсом, по которому пришла. Часовые, если, конечно, они здесь вообще были, должно быть, крепко спали. Удача и в этот раз не покинула субмарину, небо оставалось затянуто тучами. Ни одна звездочка не выглядывала из темноты. Когда концы молов во второй раз остались позади, моряки ухмыльнулись эмблеме на боевой рубке, «La U ache qui Rit».

У нас был хороший повод радоваться. Во второй раз мы дерзко вторглись во вражескую гавань и вышли из нее целыми и невредимыми.

Удалившись от берега на безопасное расстояние, мы увеличили скорость, а когда берег оказался вне зоны слышимости, запустили дизели и вентиляторы. С криками радости и облегчения люди под палубами сорвали с себя серые морские кители, и, разумеется, тут же, даже раньше, чем свободные от вахты моряки, отправились на вполне заслуженный отдых, заиграл неизменный «Дядя Эдуард». К сожалению, у нас не было возможности отпраздновать это дело за торжественной трапезой из-за весьма стесненных обстоятельств. Даже наоборот,

пришлось отправить за борт еще несколько консервных банок, испортившихся в этот день. Но на это никто не обратил особого внимания. По какой-то неизвестной причине людям вполне хватило кофе и черного хлеба на завтрак. Никто не роптал.

Глава 24

«ПРЕКРАСНАЯ РАБОТА, СТАРЫЙ ВОИН»

В течение нескольких дней в Такоради появятся первые жертвы установленных нами мин. Как можно было сбить врага с толку, не дать ему понять, что в портах на самом деле находились мины?

«Довольно просто, — подумал я. — Нужно совершить третий набег на порт, расположенный достаточно близко к двум другим, и торпедировать там судно. Тогда противник примет взрывы мин за торпедные атаки и не станет использовать тральщики. Это же так просто!»

И «U-69» вернулась немного на запад, чтобы атаковать открытый портовый город Акра, лежащий между двумя заминированными бухтами. Основываясь на опыте, полученном в мирное время, я предполагал, что обнаружу там несколько целей.

Теперь на лодке царило приподнятое настроение, команда была очень довольна собой и своим кораблем. Люди отдыхали. Одни сидели в «зимнем саду», глядя на воду, другие стояли или сидели около боевой рубки прямо на палубе и болтали ногами в прохладной воде. Добрая старая «Смеющаяся корова» резала мягкие волны, направляясь к новой цели. Наше задание было выполнено, и теперь я должен был сам принимать решения.

Чтобы отпраздновать этот день, я выкурил последние сухие сигары. Я хранил их очень тщательно, аккуратно завернув в толстую промасленную бумагу.

Внезапно идиллия была прервана тревожными новостями. Старшина, обладавший некоторыми медицинскими знаниями и исполнявший роль медика на борту, сообщил, что у матроса Паленгоа приступ острого аппендицита. Больной человек на борту — это всегда серьезно, возможно, ему потребуется срочная операция, а у нас нет врача... И что делать? Следующий нейтральный порт находится довольно далеко. Я спустился вниз, чтобы навестить больного в носовом торпедном отсеке. Паленгоа, один из моих лучших наблюдателей на мостике, лежал на койке и выглядел при этом очень недовольным собой. Даже более того, он был в ярости оттого, что подобное случилось именно с ним и к тому же в середине похода.

— Только не нервничайте, Паленгоа, — сказал я ему.

— Скоро все будет хорошо, мне только надо несколько часов

полежать, — осторожно ответил больной.

— Разумеется, вы останетесь здесь и будете лежать. Положите на живот лед и некоторое время ничего не ешьте. Внутренностям нужно дать отдохнуть.

Это все, что можно было сейчас сделать. Люди были убеждены, что я всегда знаю, что делать, а я ломал голову, размышляя, как лучше поступить, и не находил решения. Может быть, стоит идти в ближайший нейтральный порт и отправить больного моряка на берег? Но во-первых, подходящий порт находится достаточно далеко отсюда, а во-вторых, это подвергнет опасности лодку. Нейтральные порты традиционно кишели вражескими агентами. Британские власти немедленно узнают о присутствии в этом районе немецкой подводной лодки и начнут ее преследовать. Так что пока все, что я мог сделать, это надеяться, что аппендицит успокоится и очистит мою совесть. Я внимательно следил за изменением состояния больного. Хуже парню не становилось. За день лед справился с работой. Более того, Паленгоа не относился к тому типу людей, которые легко отступают. Шахтер по профессии, он привык к тяжелой жизни. Его почти не трогало долгое пребывание под палубами, ужасный воздух и вынужденное лечение голодом. Он стиснул зубы и решил, что лодке не придется менять из-за него курс. Скоро он снова был на ногах, но только день или два он не мог работать слишком уж долго — усталость брала свое.

«U-69» подошла к Акре примерно в полночь. Вопреки ожиданиям там был всего лишь один корабль, примерно 4000 тонн. Атака на это судно, стоящее на якоре, была самым легким и простым делом из всех, которые пришлось выполнять экипажу. Подводная лодка под покровом темноты приблизилась на среднюю дистанцию. В этот раз штурман Баде попросил разрешения, чтобы ему позволили выстрелить, причем вовсе не ради будущего повышения в лейтенанты. Он хотел иметь возможность когда-нибудь рассказать своим внукам о том, что тоже потопил огромный корабль около африканского побережья и что вообще был великим путешественником.

Баде под нашими критическими взглядами прицелился и, как только я дал разрешение, потянул пусковой рычаг.

«Оловянная рыбка» полетела к цели, и, хотя вряд ли можно было промахнуться на такой дистанции, весь экипаж напряженно следил за действиями Баде. Хорошо ли он прицелился или от волнения совершил какую-нибудь ошибку в расчетах? Не окажется ли этот выстрел неудачным? Корабль, казалось, был полностью загружен, потому что сидел в воде очень низко.

После того как стрелка секундомера отсчитала время,

необходимое торпедо для достижения цели, появилась яркая вспышка и раздался мощный взрыв. «Рыбка» попала между мостиком и мачтой на корме. Корабль медленно тонул начиная с кормы.

Баде пришлось каждому позвать руку. Он прекрасно выполнил свою работу. Внезапно из радиорубки раздался крик:

— Судно просит помощи, запрашивает буксир и водолазов!

Шкипер явно не понял, что был торпедирован. Должно быть, его судно перевозило взрывчатку, и он решил, что произошло самовозгорание, за которым последовал взрыв. Через несколько минут корабль, который, казалось, все еще находился в полном порядке, поднялся на ахтерштевень и, так и оставаясь в вертикальном положении, ушел на глубину.

«Смеющаяся корова» поспешила в море в поисках другой добычи. В то же время мы надеялись, что сумеем встретиться с судном снабжения и пополним истощившиеся запасы.

Попытка скрыть минные постановки была лишь частично успешной, но теперь команда «U-69» могла зарегистрировать успешное потопление 4000 тонн.^[15]

Теперь я отправил сообщение в BDU, доложив о выполнении миссии и потоплении судна. Вскоре пришел ответ: «От BDU — „U-69“. Прекрасная работа, старый воин. Уже есть успех в Лагосе».

4 июня 1941 года в районе Лагоса огромный британский мореходный лихтер «Роберт Хьюз», 2879 тонн, был потоплен одной из мин, установленных «U-69».

По международной 600-метровой волне британцы уже дали предупреждение о немецкой субмарине, сунувшей нос в эти воды. Очевидно, они искали подводную лодку между тремя портами, в которые мы заходили, или рядом с ними. А «Смеющаяся корова» уже шла к одинокому маяку на острове Вознесения, который находился в Атлантике в 200 милях от африканского побережья.

Глава 25

«ЭТИ СУХАРИ ЖИВЫЕ!»

В связи с очень небольшим количеством имеющейся на борту еды и малой, из-за изрядно уменьшившихся запасов топлива, скоростью лодки нужно было чем-то занять команду. Прекрасным средством оказались регулярные физические упражнения на верхней палубе. Огромной популярностью пользовались ежедневные водные процедуры — душ из пожарного шланга и ванна в волнах. Последнее означало, что человека привязывали к стойкам и буксировали за кораблем. Плюс к этому также, разумеется, в нашем распоряжении оставались радио и карты, а также возможность попить кофе, сидя в брезентовых креслах в «зимнем саду».

Задача, которая теперь стояла перед «Смеющейся коровой», родилась в умах двух старых служак. Баде и я планировали взорвать маяк на острове Вознесения, своеобразной промежуточной станции в Южной Атлантике. Все детали предстоящей операции были проработаны за кофе. На ее проведение топлива нам определенно хватит, хотя конечно же было бы лучше, если бы мы до этого встретили корабль снабжения. Итак, предвкушая новое дело, мы направлялись к экватору.

Приготовления для его пересечения были в полном разгаре. Старший помощник уже разработал все детали плана, как заманить Нептуна на борт, правда, наша молодежь отказалась возиться с железным кольцом, которое должно было окружить глобус, символизируя экватор.

Как раз в это время мы получили печальные известия. Выяснилось, что судно «Эгерланд», которое должно было снабдить лодку продовольствием, топливом и другим необходимым снаряжением, было застигнуто врасплох 5 июня в «красной» зоне британским крейсером «Лондон». Экипаж был вынужден затопить корабль. И если мы не вступим в контакт с другими лодками, действующими севернее, то надежды вернуться домой у нас почти не будет. Мы отвернули на несколько градусов от экватора — единственного места в мире, где человеческое тело не отбрасывает тени, — и направились на север. Маяк на острове Вознесения был спасен.

Нептун проявил благосклонность к лодке и исключительно из дружеских чувств прислал к нам посла. В военное время в его царстве тоже многое изменилось, так почему же владыке океана

не провести церемонию пересечения экватора на каких-то несколько жалких градусов севернее? Хвост длиной в ярд, множество мыльных пузырьков, развевающиеся бороды и речь посланника Нептуна были главной особенностью этой церемонии. Он приказал членам экипажа отправить ему вниз парочку кораблей как можно скорее, чтобы поднять ему настроение. Со смехом людей одного за другим крестили, щедро поливая мыльной водой. Жертвы находили все это довольно приятным. Вода была теплой, да и солнышко припекало. В любом случае маленькая вечеринка в некоторой степени возместила изменение планов и потерю танкера.

Когда через несколько дней за кофе были поданы обычные каменные сухари, лейтенант Ауэрманн сморщил нос и проговорил:

— Эти сухари живые!

— Так точно, — ответил буфетчик. — Они живые!

В ярости Ауэрманн приказал:

— Так прогоните их.

— Так точно. Есть прогнать их, — повторил Хинцпетер. Он поставил банку, склонился над сухарями, похлопал в ладоши и сказал: — Кыш отсюда, кыш. — Это выглядело так, будто он всерьез решил прогнать долгоносиков. Хинцпетер всегда не был чужд юмора.

Когда старший помощник начал гневаться, один из офицеров примирительно проговорил:

— Да ладно тебе, Хинцпетер, ты же не можешь всерьез бояться этих маленьких насекомых. Они родились и выросли с нами на борту. Ты должен их разбудить старым морским способом. Просыпайтесь, просыпайтесь, вставайте и блистайте. — Он ударил по банке, и паразиты начали довольно спокойно ползком выбираться оттуда.

Хинцпетер сел на палубу и начал трясти каждый сухарь, пока на них вроде бы не осталось ничего живого. Затем он внимательно осмотрел плоды своих трудов, встал и со смехом произнес:

— Приказ выполнен. — В будущем Хинцпетер стал известен как непревзойденный «трясун сухарей».

Вскоре после этого проблема еды стала особенно актуальной. Море должно было снабдить нас пропитанием.

Долгое время бурые дельфины, всегда сопровождавшие корабли в этих африканских водах, резвились около носа субмарины. Они кружили вокруг, преследовали лодку и ныряли под нее. Внезапно создание, весящее центнера два или около того, взмывало в воздух, описывало дугу в двух или трех футах

над водой и затем исчезало в глубине в поисках пищи. Люди любили наблюдать за их шалостями. Еще со времен пребывания на паруснике я знал, что эта рыба очень вкусная, и поэтому мы решили ее поймать.

Вначале нужно было сделать гарпун. Несколько человек из машинного отделения принесли на палубу паяльную лампу и маленькую наковальню, и «кузнец» начал священнодействовать. Ему было необходимо изготовить из куска железа гарпун с крюком. Через несколько часов эта импровизированная рыболовная снасть была готова. Старший помощник сделал из старой метлы ручку. Затем гарпун привязали к крепкому канату. Баде, который, будучи старым моряком, имел опыт в подобных делах, взял гарпун и прицелился в спину дельфина. И хотя он кинул его сильно и резко, гарпун отскочил от толстой шкуры, лишь слегка ее поцарапав, и веселое создание в глубоком возмущении исчезло под водой.

Баде повторил свою попытку два или три раза, но каждый раз орудие лишь отскакивало от гладкой влажной спины. В конце концов он рассердился:

— Ну, я не знаю, в чем дело. Раньше мы их легко ловили.

Получалось, что действия Баде только волновали стаю. Раньше дельфины явно наслаждались игрой около носа субмарины, но теперь, казалось, их поведение выдавало беспокойство. Баде взглянул на наконечник гарпуна и, пожав плечами, произнес:

— Острее сделать его мы не могли. Хотелось бы мне знать, в чем причина.

— Могу тебе ответить, Баде, — подал я голос с мостика. — Ты находишься не на достаточной высоте. Возможно, раньше ты швырял свой гарпун с приличной высоты и это давало орудию дополнительный вес. Шкура этих созданий очень толстая.

— Что ж, тогда мне лучше попробовать с мостика, сэр.

Эта светлая идея была загублена на корню строптивостью мишени. Дельфины наотрез отказывались сотрудничать с нами. Стая резвилась около носа лодки, то есть там, где их нельзя было достать с мостика. Пришлось созвать военный совет.

Неожиданно раздался крик наблюдателя:

— Вижу дым впереди!

Дельфины тут же были позабыты. В мгновение ока верхняя палуба опустела. Все были на боевых постах.

— Будем надеяться, что это британцы, — проговорил один из механиков, когда спускался вниз. А один из его товарищей в центральном посту развил эту мысль:

— А разве не было бы хорошо, если бы это оказалось

рефрижераторное судно с замороженным мясом и яйцами?

При этих словах у нас потекли слюнки. Мысль о сочном бифштексе с луком и яйцами, зажаренном в масле, не давала думать ни о чем другом. Уже несколько недель мы не ели свежего мяса и овощей.

Как только мачты и надстройка судна появились на горизонте, я отдал приказ погружаться. Продолжать наблюдение можно было и через перископ. Были сделаны приготовления для подводной атаки.

Как только два корабля сблизилась, перископ был быстро поднят и опущен.

И снова жара в лодке стала невыносимой. Температура морской воды уже перевалила за 70°. Адское капанье началось снова — все это сводило с ума.

И еще одно разочарование. Судно оказалось испанским.

Теперь мы даже всплыть не могли. Приходилось оставаться под водой, пока судно не удалится. Мы не могли позволить себе выдать наше местонахождение.

Когда наконец мы снова поднялись на поверхность, военный совет насчет охоты на дельфинов возобновился. Некоторые моряки утверждали, что нужно просто пристрелить это существо, другие же считали, что лучше всего сделать гигантские крюки. В конце концов Ауэрманну пришла в голову прекрасная идея — ручные гранаты.

Коробка гранат была быстро поднята на палубу. Снова все действия контролировал Баде.

— Теперь мы должны работать аккуратно! — крикнул он толпе загоревших бородатых мужчин, которые стояли вокруг и чем-то напоминали дикарей в своих шортах и панاماх. — Вы должны быть очень осторожны. Эти существа, когда умирают, быстро тонут, поэтому мы должны поймать их веревкой сразу же, как только взорвется граната.

Веревку нашли быстро, и старший помощник изготовился накинуть ее на цель. Ауэрманну, который, будучи вахтенным офицером, сейчас находился на мостике, было приказано остановить лодку, а в тот момент, как будет брошена граната, пустить оба двигателя на полный назад, чтобы взрыв не причинил никакого повреждения. Теперь все находились на своих местах. Баде поднял гранату. Первый номер начал крутить лассо, а остальные члены экипажа стояли рядом и выкрикивали ободряющие замечания.

— Готов, огонь! — крикнул Баде, вытаскивая чеку. — Двадцать один... двадцать два... двадцать три... двадцать четыре... Отпускаю ее!

— Полный назад! — вскричал Ауэрманн.

Ручная граната упала ровно в середине резвящейся стаи. В следующий момент вода от взрыва фонтаном поднялась перед носом корабля. К тому времени, как она успокоилась, Ауэрманн уже успел снова остановить субмарину и теперь вел ее к труп, плавающему на поверхности. Моряки уже были готовы схватить животное и поднять его на борт. Но из-за медленной скорости подводной лодки дельфин продолжал удаляться, и, несмотря на все наши усилия, его оказалось невозможно поймать, потому что толстая, гладкая шкура оказалась удивительно скользкой.

Тогда я приказал механику, Эйферту, надеть спасательный жилет, прыгнуть в воду и привязать веревку к плавникам.

Ему не нужно было повторять дважды. Первый номер обвязал веревку вокруг его пояса, и два сильных подводника опустили его с палубы в воду. В то же время я приказал двум другим морякам с автоматами внимательно следить за поверхностью воды, не появятся ли поблизости акулы, которыми эти воды кишели. Если хоть одна из них покажет свой плавник, людям было приказано истратить на нее весь магазин, чтобы не дать ей добраться до человека в воде.

Эйферт нырнул, страстно желая искупаться. Затем он обмотал веревку вокруг дельфина, схватил ее обеими руками и потянул к борту. Дельфин был поднят на палубу. Как только животное оказалось на борту, несколько человек, у которых были с собой камеры, настояли на том, чтобы сделать моментальный снимок прежде, чем тушу повесят на крючок для разрезки сетей, чтобы выпотрошить. Затем Баде вонзил острый кухонный нож в брюхо дельфина и разрезал его на куски.

Несколько часов подряд два человека меняли друг друга, пока наконец все мясо не было пропущено через мясорубку. Никто не стал бы его есть в жареном или вареном виде — мясо было слишком жестким. Зато рубленое мясо дельфина было сущим деликатесом. Обильно используя специи, кок приготовил несколько сотен рыбных котлет, тефтелей из дельфина и пирожков с рубленным мясом.

Когда наступило время ужина, пряный аромат жареной рыбы распространился по всему кораблю. У каждого человека в тарелке лежали две жареные котлеты размером с дыню.

В начале люди их ковыряли довольно вяло, потому что никто не верил, что дельфин съедобен. Ни один из парней не хотел показать пример и попробовать еду первым. Когда же смельчак наконец отыскался, моряки очень быстро разобрались, что дельфин необычайно вкусен. На тарелках не осталось ни кусочка, и многие даже попросили вторую порцию.

Но даже самый голодный экипаж подводной лодки не мог сразу съесть два центнера мяса, так что теперь холодильник был полон рыбных котлет. На несколько дней меню претерпело существенные изменения. Настроение поднялось. Больше никому не грозил голод, да и люди поняли: чтобы получить еще еды, нужно всего лишь повторить ту же самую операцию. Теперь и команда, и я в особенности были охвачены охотничьей лихорадкой. Это как раз соответствовало нашему охотничьему кличу «Хорридо!», который я в дни, когда еще не было «Смеющейся коровы», написал на боевой рубке. Охота была моим хобби, которому я с упоением предавался в каждом отпуске. Из этого похода я решил привезти в качестве трофея акул плавник, поэтому я и еще несколько человек с автоматами постоянно высматривали в воде морскую хищницу. Однако мне не повезло: ни одной акулы не появилось в поле моего зрения. Нам пришлось довольствоваться куда более мирными дельфинами.

Гораздо худшей, чем недостаток развлечений, оказалась новость, которую лейтенант сообщил мне вскоре после нашей первой охоты на дельфинов. Он доложил о том, что аппарат по производству пресной воды вышел из строя. До сих пор он прекрасно работал. Если его не смогут починить, лодке придет конец. Персонал машинного отделения работал с максимальной эффективностью, пытаясь найти причину поломки и исправить ее.

Я был чрезвычайно встревожен. Кроме опреснителя, меня очень волновали батареи. Из-за необычайно высокой температуры испарение оловянных и цинковых пластин постоянно увеличивалось. Старший помощник ежедневно проверял содержание кислорода в батареях. Каждый день он заливал туда все больше жидкости — смеси серной кислоты и дистиллированной воды — из огромной, прекрасно защищенной колбы, но он не мог предотвратить испарения из индивидуальных аккумуляторных камер, которое продолжалось медленно, но верно.

Что случится, если «U-69» не сможет маневрировать под водой из-за отсутствия батарей?

В дополнение ко всему я очень беспокоился насчет топлива. Уже довольно долго «Смеющаяся корова» шла на самой экономичной скорости, используя всего лишь один дизель.

Глава 26

«ПИРАТ НОМЕР ОДИН»

Перспективы немного улучшились, когда 19 июня пришло сообщение из BDU, в котором говорилось, что «U-69» должна проследовать для приема топлива к пункту «Красный» вместе с другими субмаринами «U-103», «U-107» и «U-A». Там мы должны были встретиться со снабженческим судном «Лотарингия». Мы тут же увеличили скорость, чтобы прибыть на место вовремя.

Вечером предписанного дня «Смеющаяся корова» приближалась в месту встречи. Другие лодки уже были там, и вскоре произошел обмен световыми сигналами. После первых приветствий капитан-лейтенант Хесслер, командир «U-107», поинтересовался:

— Вы слушали в последнее время иностранные радиостанции? Там много говорят о «Робине Муре».

«Робин Мур»? Да. Это первое судно, которое мы потопили в это плавание. В волнениях последовавших затем событий мы почти о нем позабыли. Теперь моряки со «Смеющейся коровы» узнали, что «Робин Мур» вызвал большой переполох на иностранных радиостанциях. Американские газеты опубликовали более или менее точные рассказы уцелевших. Оскорбительная кличка «Пират номер один» была еще самым вежливым прозвищем, которым иностранные корреспонденты и дикторы наградили командира немецкой подводной лодки с эмблемой «Смеющаяся корова». Я был изрядно позабавлен, но в то же время испытал некоторое облегчение. У меня на борту было доказательство правильности и законности нашего поведения в виде коносаментов с «Робина Мура». То, что американское радио было обязано поднять большой шум вокруг этого потопления, вполне понятно. Но моряки на немецких подлодках в Южной Атлантике не могли и предполагать, что вскоре после публикации этой новости 14 июня американцы заморозят все немецкие фонды, а затем закроют немецкое консульство.

Как только лодки подошли ближе, милая беседа прервалась. Субмарине Хесслера, которая также направлялась домой, срочно требовалось специальное масло, неиспользованный запас которого еще был на «U-69». И у всех было очень мало еды. Команды всех подлодок были под большим впечатлением от нашего рассказа о дельфинах. Я спустил корабельную шлюпку и доставил в кают-компанию «соседей» тарелку тефтелей из дельфина. Офицеры жадно набросились на еду. Я призвал всю

команду в качестве свидетелей, что эти деликатесы на самом деле приготовлены из дельфина. В самом разгаре веселого застолья сообщение, полученное из BDU, напрочь испортило настроение всем его участникам. Снабженческое судно «Лотарингия», бывший голландский 10 746-тонный танкер «Катендрехт», подверглось внезапному нападению и было потоплено британским крейсером «Данедин» 15 июня на юго-востоке от Бермудских островов. Несколько немецких снабженческих кораблей пали жертвой британской разведки во время операции «Бисмарк». Подводные лодки больше не могли рассчитывать на получение припасов от своих судов.

«U-A» была экипирована лучше всех, и поэтому экипаж именно этой лодки получил приказ атаковать быстроходный конвой, направлявшийся на юг. Остальным командам было приказано возвращаться. Пока «U-A» на полной скорости направлялась к конвою, остальные всеми силами старались улучшить свое положение. Пока наши товарищи спешили на полной скорости на встречу с противником, «U-69», в целях экономии топлива, медленно следовала за ними на одном дизеле. Естественно, никто не мог поделиться с нами топливом.

К счастью, опреснитель вскоре починили. Тем не менее новость о том, что команда «U-A» упустила конвой, за время погони почти израсходовала все топливо и теперь также направлялась домой, хорошее настроение не вернула.

В дополнение к этому нас сильно встревожила новость о начавшейся войне с Россией. Первые донесения о небывалом успехе наших армий в новой войне не рассеяли тревоги. У нашей страны появился еще один враг. Наши друзья из 69-го артиллерийского полка, должно быть, сейчас воюют на востоке. Положение нашей подводной лодки, в цистернах которой почти не осталось топлива, ни в коем случае нельзя было назвать благоприятным, но мы снова нашли выход. Сохраняя северный курс, мы вскоре должны были добраться до группы островов, принадлежащих нейтральным странам. Так как у нас уже был довольно приличный опыт в тайном проникновении и уходе из иностранных гаваней, я решил пополнить запасы топлива на немецком судне, которое было интернировано в хорошо известном порту. Я знал, что мои соотечественники меня не подведут, но до нужного места еще нужно было добраться, преодолев много миль. И все это время держать ухо востро, чтобы не пропустить вражеские корабли и самолеты. О всех перемещениях противника, а главное, о конвоях, нужно было немедленно докладывать в BDU.

А в это время в штабе «Большого Льва» в Керневале назревала гроза, которая вот-вот должна была обрушиться на «U-69».

Внезапное требование из BDU — «Немедленно доложите, почему был потоплен „Робин Мур“» — ударило неожиданно, как вспышка молнии.

Почему адмирал Дениц оказался столь непонятливым в том, что касалось «Робина Мура»? Он слал «ракету» за «ракетой», бомбардируя меня вопросами, касающимися деталей и причин потопления.

Я не мог понять причин этого внезапного расследования, проводимого «господами, заседавшими за столом, покрытым зеленым сукном». В своем первом докладе я дал ясно понять, что «потопление произошло в соответствии с призовым законодательством». Разве у них не было ничего более важного, чем этот чертов «Робин Мур»? Лично у нас и без него забот хватало. И только после многократного обмена многословными посланиями стало ясно, почему обитатели Керневала находятся в столь скверном настроении. За потоплением корабля последовали дипломатические сложности.

Мой первый доклад был в Керневале неправильно понят. Штабные офицеры сложили вместе тоннажи двух потопленных судов «Тьюксберри» и «Эксмур». К несчастью, оба этих корабля оказались в судовом регистре. Офицеры проверили национальность «Тьюксберри», но, очевидно, они не позаботились сделать то же самое в отношении «Эксмура». Им даже в голову не пришло, что я нарушу прямой приказ соблюдать определенное поведение по отношению к американцам. В подобных обстоятельствах они, естественно, хотели абсолютно уверенно стоять на ногах, и моя фраза «призовое законодательство» была не совсем понятна. Я не побеспокоился о том, чтобы упомянуть об изменении названия корабля.

Была еще одна сложность. Скорее всего, из-за ошибки в определении их местоположения спасательные шлюпки после того, как мы недолго буксировали их по направлению к африканскому берегу, были подхвачены противоположным течением и выброшены в Атлантику. Примерно двадцать четыре часа они держались вместе, но потом шлюпки разбросало в разные стороны. Их обнаружили лишь спустя две недели на южноамериканском берегу. Это первое, что я о них узнал. Несмотря на то что весь экипаж и пассажиры спаслись и что команда «U-69» сделала все возможное, чтобы помочь людям, разнообразные иностранные информационные агентства с готовностью ухватились за это дело. По радио передавались длинные репортажи, то соответствующие действительности, то

откровенно сфабрикованные. По всем Соединенным Штатам прокатилась волна протеста. Враждебность по отношению к Германии быстро росла, народ требовал принять какие-то меры против немцев. Американцы получили повод, который искали. Теперь следовало ожидать дальнейших дипломатических осложнений. Дальнейший обмен дипломатическими нотами продолжался до сентября того же года.

«Большой Лев» очень разочаровался в своем еще недавно «хорошем старом воине». Это и другие сообщения из Керневаля были выдержаны в весьма энергичных выражениях, однако моя совесть была чиста. [16]

Тем не менее тон адмирала заставил меня подумать о военном трибунале, который вполне мог меня ждать по возвращении. Я был очень рад, что у меня есть судовые документы, доказывающие правильность моего поведения, которые я мог предъявить в свою защиту.

Когда поток тревожных и гневных сообщений уменьшился, а потом и вовсе иссяк, кому-то из моряков пришла в голову светлая идея открыть одну из двух оставшихся бутылок бренди. Я не мог не видеть, что война, которая так долго велась по радио, пагубно сказалась на настроении подводников. Люди выглядели усталыми и подавленными. Поэтому я принял решение открыть обе. Две бутылки крепкого напитка были распределены среди сорока четырех человек и сыграли на удивление весомую роль в деле уничтожения хандры. К счастью, бренди в тропиках не испортилось.

Глава 27

БЕЗ ТОПЛИВА В СЕРЕДИНЕ КОНВОЯ

«Смеющаяся корова» неторопливо вернулась к оживленным судоходным маршрутам. Что-то должно было произойти. И в действительности, очень скоро была замечена добыча. Ауэрманн принял нечто плавающее в воде за груз, смытый с палубы какого-то судна, Баде подумал, что это обломки кораблекрушения, а один из вахтенных настаивал, что видит покачивающийся на воде ящик.

Я тоже не мог сказать, что это такое, но благоразумно держал рот на замке и лишь отдал приказ, чтобы моряки не сосредоточивали свое внимание только на неизвестном предмете, а в то же время не забывали смотреть по сторонам, где в любой момент могли появиться самолеты, клубы дыма и вражеские перископы.

Но в поле видимости не было абсолютно ничего, кроме неба и воды... Поэтому, имея достаточно времени, мы решили взглянуть на непонятный плывущий объект поближе. Как выяснилось, это был огромный тюк хлопка. Быть может, где-то далеко вражеское судно закончило свое последнее плавание в глубинах океана, и только один этот тюк всплыл на поверхность. Возможно, хлопок плавал в океане несколько недель кряду. Это была довольно приятная добыча. Почему экипаж подводной лодки, который часто был вынужден топить ценное сырье вместе с вражескими судами, не может однажды привезти его домой? Хлопок уже давно довольно редко встречался в Германии. Все, что оставалось, это подойти ближе к тюку и поднять его на борт. Оказалось, что сделать это вовсе не так просто, как хотелось бы. Усилия двадцати пар рук оставались напрасными. Тюк был слишком большим и тяжелым.

Мне все это надоело, и я неожиданно отдал приказ разойтись по боевым постам. Люди, удивленно взглянув на меня, бросились к люку и вниз.

— Что такое? — спросил один из них.

— Понятия не имею, — ответил его сосед. — Учения, как мне кажется.

Я с удовлетворением отметил, что люди действовали достаточно быстро. Опустив «U-69» на несколько морских саженей, мы снова поднялись на перископную глубину. Затем я несколько изменил курс.

— А как же с нашим хлопком? — разочарованно спросил

один из подводников.

Я отдал приказ подниматься на поверхность. Когда люди вышли на мостик, началось всеобщее ликование. Мы выполнили чудесный маневр, благодаря которому я привел лодку прямо под тюк, и теперь хлопок мирно лежал на палубе.

Проблему хранения этого морского подарка пришлось решать Джимми номер один. Не было шанса убрать этот тюк целиком. Его нужно было разорвать на куски. Мокрая упаковка была выброшена в море, а сухой хлопок запихнули в один из гальюнов. Вскоре в помещениях не осталось ни одной свободной щелочки, а половина кипы хлопка все еще оставалась на палубе. Тогда Роудер, изрядно поломав голову, освободил еще немного места, а остатки хлопка запихнули под койки. Когда были спрятаны последние кусочки этого сокровища, из каждой трещинки и каждого укромного уголка стали выглядывать снежно-белые обрывки.

— И что мы будем со всем этим делать? — поинтересовался Ауэрманн.

Я обвел взглядом своих офицеров и рулевого:

— Какие у вас есть предложения, господа?

— Отдать это зимнему фонду помощи за их рождественский концерт по заявкам.

— И что они нам за это сыграют?

— *«Der Onkel Eduard aus Bentschen»*.

Ауэрманн яростно запротестовал:

— Тогда я предложу им сто марок, чтобы они это не играли.

Он поднялся на мостик и почти тут же позвал меня.

— Ты еще один тюк хлопка увидел?

— Нет. Дым на горизонте.

Тут же в действие пошли бинокли. Две мачты едва можно было рассмотреть сквозь дым. Прямо на нас явно шел корабль.

— Кажется, судно где-то на три-четыре тысячи тонн, — чуть позже сообщил Баде.

— Но оно не похоже на британское.

— Ох, только скажи, что оно нейтральное, и я прыгну в океан.

Судно приближалось, сохраняя свой курс. Вскоре нам придется погружаться.

— Все по местам. Погружение!

Через перископ видно было гораздо хуже.

— Скрестите пальцы, Баде, — сказал я и приник к окулярам перископа. Но на этот раз примета не сработала. Я смог легко разглядеть испанский флаг, нарисованный на корпусе, и затем прочел название судна — «Монте Тейде», Бильбао, Испания.

Судну было позволено следовать своим путем.

26 июня штурман Маринфелд вызвал меня на мостик:

— Герр капитан, я не хочу показаться паникером, но при всем моем желании не могу точно сказать, это дым виднеется там за кормой или нет.

Нам пришлось долго смотреть в заданном направлении, прежде чем мы смогли что-то понять. Маленькая тонкая струйка дыма виднелась над горизонтом. Было ли это всего лишь необычное по форме облако или это действительно дым поднимался из трубы?

— Это судно, герр капитан, — сообщил один из вахтенных.

Мы развернулись на несколько градусов левее и направились в сторону дыма. У нас было настолько мало топлива, что мы не могли преследовать судно. Мы очень надеялись, что враг сам приблизится. Только бы это снова не оказался испанский корабль!

— Кажется, он уходит от нас, — после короткой паузы проговорил Ауэрманн.

Наступила мертвая тишина. При нашей медленной скорости расстояние между нами, казалось, не менялось. Наш гидрофон засекал судно через определенные промежутки времени. Вечером стало ясно, что лодка теперь находится в гораздо более выгодной позиции. Теперь не приходилось сомневаться, что куда более быстроходное судно идет зигзагом. Значит, оно, несомненно, принадлежит одной из воюющих стран.

По мере приближения мачт поднималось настроение у команды. Пока все шло прекрасно, и только старший механик волновался из-за топлива. Я послал за ним.

— Взгляните на это, Роудер, — сказал я, указывая на мачты. — Сухогруз. Чудесное судно. Две мачты, шесть трюмов. Длинной пятьсот футов. Судно до планшира забито снаряжением и военными запасами для Англии. Только взгляните на него.

Естественно, как и все остальные, он видел только мачты и, не желая портить другим настроение, с энтузиазмом согласился со мной.

— Роудер, — серьезным тоном спросил я, — мы можем достать это судно?

Совершенно очевидно, ни один подводник не мог отказаться от такой возможности, вот и наш осторожный старший механик ответил:

— Мы должны попробовать, герр капитан.

— Прекрасно, Роудер. Тогда спускайтесь вниз и все подготовьте. Мы атакуем сегодня.

Через час вахтенный обнаружил еще один столб дыма недалеко от первого. Сразу же были позабыты тоскливые дни

последних недель, переход на половину рациона и скудное меню. Никто больше не думал о возможности получения продовольствия с других кораблей. Мы надеялись достигнуть порта нейтральной страны в ближайшие несколько дней.

Скука закончилась, и «Смеющаяся корова» снова вышла на тропу войны.

Мы медленно приблизились к первому судну. Временами высказывались опасения, что это передовой корабль или разведчик, который по каким-то причинам курсировал по Атлантике в одиночестве. Но незадолго до наступления темноты мы смогли ясно увидеть, что перед нами большой корабль, возможно даже вспомогательный крейсер. А значит, где-то поблизости должен быть конвой.

Когда опустились сумерки, ничего нельзя было разглядеть, и мне приходилось полагаться на счисление. А через час перед нами снова появилась тень корабля. Он шел тем же курсом и на той же скорости, что и раньше.

— Приготовиться. Всем занять боевые посты.

На мостике были только вахтенный офицер, я и орудейный расчет. Все остальные были на своих постах.

В конце концов раздался знакомый крик:

— Трубы 1 и 2 готовы!

Офицер сфокусировал свой бинокль на тени.

— Атакуем с правого борта, — сказал я.

Затем внезапно один из вахтенных крикнул:

— Тень справа по борту!

Едва мы с вахтенным офицером успели поймать вторую тень в биноклях, когда вновь раздался крик:

— Тень слева за кормой!

Вот это да!

Бинокли были направлены во все направления. Очертания судов возникали из темноты со всех сторон.

— Мы ровно в центре конвоя, — резюмировал Баде.

— Тогда устроим переполох в курятнике.

— Приготовить все трубы к выстрелу.

Восторг достиг высшей точки. Подобный приказ был отдан впервые.

— Полный вперед! — Я хотел достать самый большой корабль, поэтому приходилось действовать быстро.

Когда главный механик услышал этот приказ, у него волосы встали дыбом. Я крикнул с мостика:

— Как долго мы сможем идти на полной скорости?

— Самое большее минуты три, — проворчал Роудер, своим тоном давая ясно понять, что подобная скорость недопустима.

Однако мне на мостике показалось, что я услышал «тридцать минут», поэтому мы продолжали идти на этой скорости. Понимая, что старшему механику по должности положено немного перестраховываться, я принялся осуществлять свой любимый прием вывода лодки на позицию перед конвоем, из которой удобно начинать атаку. Тем временем я отправил сообщение в BDU, сообщая численность и курс конвоя, состоящего, по моим подсчетам, из тридцати кораблей.

Не успела еще «Смеющаяся корова» добраться до самого большого судна конвоя, как в люке показалось обезумевшее лицо старшего механика.

— У нас заканчивается топливо. Если мы продолжим идти на полной скорости, никогда не доберемся ни до какого берега.

Это впечатляло.

— Что ж, сколько нам осталось? — поинтересовался я.

— Тринадцать минут.

— Прекрасно. — У меня не было времени беспокоиться о таких деталях.

Старший механик, не без причины раздраженный, вернулся вниз. А мы в это время добрались до передовой линии конвоя, и перед нашим взглядом предстало четыре прекрасных огромных судна, плывущие близко друг к другу.

— Приготовиться. Мы атакуем.

— Малый вперед.

Под палубами старший механик и два механика машинного отделения вздохнули с облегчением.

— Лево руля десять градусов.

Рулевой повторил приказ.

Нос судна медленно повернулся. Ауэрманн, находившийся у прицела, поймал в перекрестье первый из четырех кораблей.

— Разрешаю открыть огонь.

Целью был первый корабль.

— Труба 1, огонь!

«Рыбка» «Лютци» покинула трубу прямо как стрела. Мы развернули лодку. Теперь под прицелом был второй корабль.

— Труба 2, огонь!

Снова в воде раздалось шипение, и «рыбка» «Макс» со своим смертоносным содержимым умчалась на полной скорости.

Затем пришла очередь третьего судна.

— Труба 3, огонь!

«Рыбка» «Антон» отправилась на поиски своей цели.

И теперь настал черед четвертого.

— Труба 4... Не торопитесь. Целиться в середину корабля, так... Огонь!

Четвертая торпеда покинула трубу.

— Руль лево на борт. Правый двигатель полный вперед. Левый двигатель стоп.

Лодка резко развернулась налево. Стрелки секундомера продолжали бежать.

Через несколько секунд ад должен вырваться наружу, и вполне могло оказаться, что старший механик сэкономил топливо зря. Лодке, совершающей свое последнее путешествие на глубину, топливо не нужно.

Вот оно. Первый удар. Ослепительно яркое пламя, вертикальная стена огня, фантастический взрыв, и уже через двадцать секунд ничего не осталось от первого корабля — «Ривер Люгер», построенного в 1937 году и приписанного к Глазго. Судно исчезло под водой вместе с 9000-тонным грузом. Естественно, это встревожило весь конвой.

Будто по команде остальные корабли развернулись, перешли на полный ход и начали идти быстрым зигзагом, но уже было слишком поздно. Во второй раз раздался оглушающий взрыв. В этот раз 7603-тонный корабль «Эмпаер Абилити» развалился пополам и быстро отправился на дно. От волнения мне только показалось, что это судно вмещает 5000 брт.

И началось светопреставление. Почти все суда конвоя были вооружены. Боевые расчеты рванулись к своим орудиям и повернули дула в нужном направлении. Выстрелы гремели со всех сторон, и место сражения окуталось желто-красным заревом.

Серая и похожая на привидение, «U-69» была в самом центре событий. Но пока оставалась необнаруженной. Мы, люди, стоящие на мостике маленькой немецкой субмарины, заметили темный просвет среди судов конвоя.

— Мы должны добраться туда любой ценой. Полный вперед!

Оставляя за собой пенящийся кильватерный след, «Смеющаяся корова», гудя двигателями, продвигалась вперед. Сейчас или никогда. И даже если позже нам придется идти под парусом, сейчас это был вопрос жизни и смерти. Сигнальные ракеты опускались медленно, и вокруг подводной лодки становилось все светлее.

— Приготовиться. За кормой патрульный корабль! — прокричал один из наблюдателей.

Теперь охота началась. Как собака, почуявшая дичь, один из новых британских корветов, построенных специально для защиты конвоев от подлодок, появился за кормой. Несмотря на очевидное волнение, мы отметили еще один мощный взрыв.

Третий корабль был охвачен ярким пламенем. Это было современное гигантское судно, грузоподъемностью по крайней

мере 8000 тонн. А корвет уже приближался, причем на полном ходу. Казалось, он собирался пройтись прямо по подводной лодке. Я никак не мог понять, почему он не стреляет и почему на нас еще не посыпались снаряды, положив всему конец.

Внезапно кто-то прокричал:

— Тень слева на траверзе.

Мы обернулись. К нашему ужасу, мы увидели форштевень еще одного судна, уже нависший над нами, он шел на полной скорости. Протаранит ли судно «U-69»? Кто его знает. В любом случае нырять было уже слишком поздно.

Красная полоса огня упала с неба, зашипела в воде и погасла.

На подлодке было темно и тихо, а гигантская тень стала приближаться еще быстрее.

Внезапно она резко отвернула в сторону.

На корвете открыли огонь, но поздно. Огромный сухогруз протиснулся между двумя военными кораблями. Он шел неистовым зигзагом и невольно разделил противников.

«U-69» была спасена.

— Переложить руль направо!

«Смеющаяся корова» кружила в темноте. Два или три поворота, и лодка исчезла. На корвете же продолжали стрелять, но уже по пустому месту.

Пулеметные очереди раздавались с нескольких кораблей. Но германской подводной лодки там уже не было. Возможно, не слишком опытные стрелки вели огонь по плавающим в воде обломкам. На некотором расстоянии снова появилась стена пламени. Это яростно пылал третий корабль. А что насчет четвертого?

— Кто-нибудь следил за четвертым ударом? — спросил я.

Никто ничего не видел и не слышал. Возможно, мы промахнулись или от вполне понятного волнения не слышали взрыва.

Огонь начал угасать. Нам пришлось предположить, что судно затонуло. Все равно было невозможно что-нибудь разглядеть. Тени нескольких патрульных кораблей кружили вокруг. Очевидно, они пытались подобрать уцелевших.

Корвет исчез. Он потерял свою цель. Далеко за кормой на горизонте поднимался еще один осветительный снаряд. В его свете можно было рассмотреть остатки рассеянного конвоя. Затем тьма снова сгустилась. Теперь лодка лежала в полной темноте. Над водой повисла тишина. Невдалеке остатки корабля все еще пылали на поверхности воды. Экипаж «U-69» доложил о своем успехе, курсе и численности конвоя в BDU.

Из Керневаля поступил вопрос: «Почему лодка потеряла

контакт с конвоем?»

— Думаю, она не знает, — сказал я. Я мог утешать себя тем, что уровень топлива был недопустимо низок. Старший механик израсходовал весь запас.

Работа выполнена. Последние торпеды были выпущены в цель, и почти закончилось топливо.

Я сделал следующую запись в судовом журнале: «Потоплено два корабля общей вместимостью 17 500 брт. Третье судно повреждено и подожжено. Возможно, затонуло.^[17] Четвертое попадание не подтверждено. Все торпеды выпущены. Вышли из боя из-за недостатка топлива и возвращаемся домой».

Из последующих радиосообщений выяснилось, что Хардеган на «U-123» вошел в контакт с конвоем, о котором доложил экипаж «U-69». Через три дня началась атака. Виктор Шютце на «U-103» сумел потопить еще два одиночных корабля.

Глава 28

НЕЙТРАЛЬНАЯ ГАВАНЬ — НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

«U-69» медленно шла к островной гавани. Снова началась рутина тропического путешествия, и все же после долгого пребывания около экватора слегка понизившаяся температура была куда более приятной. Подводникам казалось, что тропики окончательно и бесповоротно канули в прошлое, и теперь все разговоры велись только о вспомогательном судне, дальнейшем путешествии к берегам Франции и возвращении домой. Только сейчас моряки начали считать недели, проведенные в море. С 5 мая «Смеющаяся корова» «паслась» в водах около Южной Франции. А единственный календарь на борту показывал сейчас 27 июня, иными словами, мы провели в море почти семь недель.

После скудной полуденной трапезы моряки, свободные от вахты, спали под палубой, читали или играли в шахматы. Из радиоприемника доносилась тихая музыка, и все приготовились слушать новости. Через несколько минут музыка стала громче, затем перешла в бравурные аккорды марша, и диктор начинал читать новости.

Поскольку наши товарищи сейчас сражались на востоке с очень сильным и беспощадным врагом, за новостями с Восточного фронта следили с большим интересом.

Хебештрайт в радиорубке включал максимальную громкость, чтобы даже последний соня, пытающийся ухватить остатки сна в свободное от вахты время, был насильственно возвращен к реальности.

«Das Oberkommando der Wehrmacht gibt bekannt...»

В этом месте обычно грубо разбуженный и еще не до конца проснувшийся соня что-то с грохотом ронял на палубу.

— Да тише ты, — одергивали слушатели нарушителя.

Внимание подводников было приковано к громкоговорителю, по которому передавались последние новости. Обычно они не могли не разочаровывать расплывчатостью и неопределенностью формулировок. Победные сообщения обычно приберегались для специального воскресного выпуска, а в будние дни ничего определенного о позиции на Восточном фронте не говорилось. Но в этот раз мы услышали слова: «Команда немецкой подводной лодки...»

— Ах, теперь и о морском флоте вспомнили!

— Заткнись, ублюдок!

«...под командованием капитан-лейтенанта Метцлера...»

Больше никого не приходилось призывать к спокойствию. Наступила гробовая тишина.

Кроме голоса диктора, был слышен только гул дизелей и звук, которые издали две капли воды, упавшие на палубу.

«...около западного побережья Африки потопила... пять вражеских торговых судов общей грузоподъемностью 31 500 брт».

На всей лодке стояла мертвая тишина. Все с нетерпением ждали дальнейших подробностей, но диктор уже перешел к другим новостям. Я же с досадой проговорил:

— Ах, значит, BDU не относит «Робина Мура» к списку потопленных.

Подводников охватило волнение.

Все моряки топтались около моей каюты, задавая один и тот же нелепый вопрос:

— Герр капитан, вы это слышали?

Мне было довольно сложно контролировать внезапное возбуждение на лодке.

Когда я забрался на мостик, чтобы поболтать с Баде, мой старый морской товарищ просто сказал:

— Что ж, они поставят вам памятник, герр капитан.

Настроение царило приподнятое, и мы чувствовали, что ничто не сможет помешать нам войти в нейтральный порт. Именно это мы планировали сделать в ближайшие день-два.

На последних каплях топлива и энтузиазме команды «Смеющаяся корова» добралась до своей цели. На подходе были задействованы все приборы. Теперь у экипажа было достаточно опыта вхождения в иностранные гавани, а эту и Баде, и я хорошо знали. Мы также знали, что интернированный немецкий корабль стоял около входа.

На следующий день я приказал погрузиться — мы приблизились к основному судоходному маршруту. На перископной глубине «U-69» прошла вдоль берега и вечером была уже около входа. Все снова было приготовлено на случай, если понадобится быстро уходить. Однако в этот раз все пистолеты и оружие были убраны. Они не понадобятся. У BDU возникли какие-либо неприятности или дипломатические трудности.

Операция началась ровно в полночь — это была уже хорошо знакомая игра. «U-69» приблизилась к входу на медленной скорости, используя только электромоторы. Вход было легко найти, так как огни и бакены горели. Но опять-таки, как и во время операции по установке мин, было очень важно, чтобы никто на берегу не заметил нашего прибытия. Если портовые

власти узнают о ночном визите, то и вражеская разведка скоро проведает об этом, и тогда уже через несколько часов на нашем пути появятся вражеские военные корабли.

Гавань казалась довольно мирной, когда в ночь с 28 на 29 июня в нее бесшумно вошла подводная лодка. Глаза подводников впились в темноту. Едва мы прошли мол, как Баде разглядел силуэт немецкого корабля.

«Смеющаяся корова» подошла прямо к борту 7500-тонного «большого брата», который должен был дать ей все необходимое. Нам повезло — с борта свисал веревочный трап.

Я взял все самые важные бумаги и на всякий случай оделся поприличнее. Затем я забрался вверх по трапу, но, прежде чем перебраться через поручни, осмотрелся. На палубе не было никакого движения. Тогда я отправился искать капитана. Внезапно из темноты появилась темная фигура. Это оказался один из членов экипажа. Я попросил проводить меня к капитану.

Через несколько мгновений я при полном параде, в белой командирской фуражке стоял лицом к лицу с капитаном торгового судна, которому приходилось торчать здесь во время военных действий, ничего не делая и только лишь страстно желая стать объектом диверсии.

Широкая улыбка осветила лицо капитана при виде своего бородатого товарища. А услышав мое имя, он непроизвольно вздрогнул — ведь оно лишь вчера упоминалось в официальном сообщении вермахта. Капитан задал несколько вопросов и пришел в полный восторг, узнав, что дважды мы пробирались тайком во вражеские порты, чтобы установить мины, а в третий раз сделали то же самое, чтобы получить у него помощь в виде топлива и продовольствия. Напомнив мне, что он и Баде в прежние времена частенько заходили в одни и те же порты и вполне могли сталкиваться, капитан пригласил меня на борт вместе с офицерами. Как старый морской волк, он не мог упустить возможности отметить эту встречу со своими коллегами и друзьями, находясь так далеко от дома. Но в тот момент у нас были значительно более важные темы для обсуждения. Немецкий капитан сразу же согласился обеспечить нас всем необходимым. На борту у него было достаточно топлива и еды. Экипаж торгового судна, узнав о нашем появлении, пришел в полный восторг. Всеобщее ликование, радость и радушный прием даже трудно описать словами. Моряки торгового флота старались предугадать каждое желание своих военных товарищей. У них на борту оказались даже небольшие запасы немецкого пива, и несколько ящиков тут же были отправлены к нам. В то же время матросы занимались присоединением топливопроводов (причем

проделали это с невероятной скоростью), и «живая кровь» потекла в цистерны подводной лодки. Ящики и корзины с едой были погружены на палубу «U-69». Свежеиспеченный хлеб — даже белые булки, — фрукты, вино, мясо и бананы — все, о чем подводники, жившие на половинном рационе, так долго могли лишь мечтать, теперь было в их полном распоряжении. Было невозможно убрать большие ящики под палубу. Все нужно было сначала распаковывать и только потом можно было опустить вниз через люк.

Офицерам-подводникам пришлось посетить небольшую импровизированную вечеринку в кают-компании капитана. Несколько моряков тоже поднялось на борт. После принятия на борт топлива настроение стало настолько хорошим, что потребовалось некоторое время, чтобы убедить подводников покинуть корабль молча, без громкого выражения восторгов. И вот последние ветки бананов и ящики пива были опущены на маленькую лодку. Несколько рукопожатия, прощальные взмахи руками, и серый призрак исчез так же тихо, как и появился, задолго до рассвета.

Когда мы покидали гавань, палуба все еще была забита банками, ящиками и коробками всех видов. Экипажу потребовалось довольно много времени, чтобы внести внутрь лодки все эти сокровища. Если бы кто-нибудь увидел сверху боевую рубку, заваленную ящиками, стружкой и бумагой, то принял бы ее либо за катер, перевозящий фрукты, либо за мусорный лихтер, но никак не за военную немецкую подлодку.

После того как все было убрано, мы погрузились, чтобы избавиться от ненужных ящиков. В серых предрассветных сумерках мусор расплылся по воде. Правда, заметивший эти плавающие кучи мусора вряд ли сумел бы догадаться об их происхождении.

На борту же настроение после этой операции было лучше, чем обычно.

Под аккомпанемент «Дяди Эдуарда» под палубой было открыто и опустошено несколько бутылок. Мы могли снова возобновить движение на нормальной скорости. «Смеющаяся корова» шла домой.

Будучи в прекрасном расположении духа, я провозгласил:

— Предлагаю атаковать следующий корабль палубными орудиями.

Это было что-то необычное. Еще ни у кого на борту не было опыта нападений с использованием артиллерийских орудий. Обычно пушки использовались для защиты в качестве последнего средства или для потопления уже подбитого корабля, чтобы

сэкономить торпеды. Мое предложение было воспринято с немалым энтузиазмом, и все было быстро подготовлено для артиллерийской дуэли. Вахтенные офицеры проверили подготовку боеприпасов, организацию их подноса и провели учебные стрельбы.

Людское рвение даже не поколебало сообщение старшего механика о том, что муфта правого дизеля вышла из строя. Починка конечно же потребует остановки, но это ничуть не уменьшило энтузиазма. Люди свято верили в свою удачу.

Теоретически двигателям уже давно нужно было дать отдохнуть. В течение нескольких недель два дизеля работали почти без перерыва, и работали идеально, не подводя команду.

Новость о том, что я собираюсь отправиться на острова Сальвадж, чтобы починить двигатели, обещала новые приключения. Кроме нас двоих, старых морских волков, никто из членов экипажа никогда не слышал об этих островах. Они были необитаемы и, судя по морским сообщениям, посещались лишь в определенные сезоны рыбаками. Это было вполне подходящее место для не замеченного никем отдыха.

На верхнюю палубу была поднята маленькая шлюпка. На ней экспедиционная группа высадится на остров вместе с рулевым.

Людам был дан приказ оставаться в укрытии и следить за какой-нибудь высокой точки за местностью, чтобы таким образом защитить лодку от неприятных сюрпризов. А пока лодка находилась под водой недалеко от берега, чтобы ремонтные работы можно было провести без помех.

Пока механики были заняты работой, номер один и я поочередно следили за людьми на берегу через перископ.

Некоторые из них были заняты тем, что исследовали незнакомый остров, собирали ракушки, улиток и другие виды странной береговой фауны. Когда лодка после ремонта поднялась на поверхность, моряков вызвали сигналом. Все стали показывать друг другу и внимательно изучать свое добро. Настоящий моряк всегда интересуется жизнью моря. Шлюпка была снова, убрана, а разнообразные морские диковины разобраны на сувениры. Несколько человек осталось на палубе и в «зимнем саду», чтобы дождаться, пока любопытная конусовидная возвышенность с каменистыми берегами исчезнет за горизонтом.

Глава 29

САМОЕ БЕЗУМНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «U-69»

На заходе солнца «U-69» на своей обычной скорости направлялась к дому. Пройдет по крайней мере неделя, прежде чем мы доберемся до французских баз. Ни одной мачты не попало нам на пути до утра следующего дня, когда в северном направлении был замечен столб дыма. Как только мы смогли разглядеть топы мачт, стало ясно, что судно идет быстрым зигзагом. Все моряки неотрывно смотрели на меня. Сдержу ли я обещание и стану ли атаковать его 8,8-см орудием?

— Во время Первой мировой войны мой отец... — И один из членов экипажа рассказал об опыте такого же боя на подводной лодке, в котором команда субмарины одержала победу. Он не дал себе труда подумать, каковы шансы на успех в подобной артиллерийской дуэли сегодня.

Ситуацию серьезно обсудили в офицерской кают-компании. По общему мнению, погодные условия совсем не подходили для подобного действия. Было полнолуние. План атаки был тщательно продуман. Для офицеров это тоже была первая артиллерийская атака, и тот факт, что предварительной тренировки не будет, представлялся совершенно очевидным. И можно было не сомневаться, что капитан британского торгового судна, путешествующего в военное время в одиночку, обладает всеми необходимыми военными знаниями и немалым опытом. У судна были все преимущества перед лодкой, которая атаковала с поверхности воды, и не приходилось сомневаться, что на его борту конечно же есть артиллерия. Поэтому главным условием успеха было обеспечение внезапности, чтобы на корабле не успели пустить орудие в бой. Исходя из этого, основным элементом нашего плана была неожиданность. Чтобы сбить с толку противника, боевые и осветительные снаряды было решено выпускать попеременно. Боеприпасы уже были сложены около орудий.

Дальность и угол горизонтальной наводки нужно было определить на глаз, и при этом абсолютно точно. У подводной лодки нет дальномеров, и расчеты стрельбы по движущейся цели не ведутся. Поэтому точное прицеливание было невозможно. Кроме того, следовало также принять во внимание направление и силу ветра, атмосферные условия, температуру и давление. Даже

очень опытные артиллеристы могли выстрелить неточно из-за действия большого количества неучтенных факторов. Чтобы избежать больших ошибок при стрельбе, нужно было подойти к врагу на расстояние нескольких сотен ярдов. При такой маленькой дистанции также можно было использовать пулеметы.

Как только стемнело, «U-69» приблизилась к врагу. Чтобы оказаться на безопасной стороне, я позволил судну пройти между собой и луной и заодно получил возможность взглянуть на врага поближе. В ярком лунном свете очертания корабля были прекрасно видны. Я обнаружил, что на судне было два орудия, и оба они могли конкурировать с 8,8-см орудием лодки или даже оказаться лучше.

Я изложил свой план действий.

Наличие двух больших орудий предполагало, что на судне есть пункт управления огнем, который и нужно было вывести из строя, чтобы артиллеристы, предоставленные сами себе, не могли действовать согласованно, как единое целое. По всей вероятности, этот пункт находился где-то на мостике около рубки рулевого. Там же находилась и радиорубка. Поэтому мостик был первой частью судна, которую следовало уничтожить. До этого момента из 2-см орудия и пулемета нужно было обстреливать вражеские орудийные расчеты.

Пока лодка маневрировала таким образом, чтобы ни при каких обстоятельствах не оказаться обнаруженной до начала боя, мы еще раз обсудили ситуацию со старшим помощником и офицером-артиллеристом. И пулеметчики, и зенитчики получили четкие инструкции. Все надеялись, что облака, появившиеся на небе, вскоре скроют луну и во время атаки враг не сможет нас обнаружить.

Я направил бинокль на вражеский корабль:

— Это, случайно, не зенитка на шлюпочной палубе?

Едва я успел задать вопрос Ауэрманну, как оба судна оказались в полной темноте. Огромное облако закрыло луну.

— Приготовиться к бою, — приказал я.

Люди у 8,8-см орудия, находившегося перед боевой рубкой, уже были готовы. Первый фугасный снаряд был заряжен. Рука орудийного наводчика замерла на рычаге. Он навел на вражеский мостик перекрестье прицела, поймав цель, он ни в коем случае не был намерен ее выпустить. Первый снаряд был готов выполнить свою работу. Пулеметные расчеты тоже были наготове, хотя в тот момент противник находился еще слишком далеко и должно было пройти много времени, прежде чем пулеметчики получат разрешение открыть огонь. Пока что, стараясь остаться незамеченными, мы сделали большой круг, подбираясь к судну с

кормы. Непокойное море продолжало неистовствовать, и от врага нас все еще отделяло 1500 ярдов.

На узком мостике рядом со мной стоял старший матрос Кляйншмидт с «томми-ганом».^[18] Он хмурился и старательно целился в огромный корабль.

— Вы ведь не хотите потопить его сами, Кляйншмидт? — поинтересовался я.

— О, я бы не отказался попробовать, герр капитан.

Я снова повернулся к своему помощнику:

— Вы можете разобрать, Ауэрманн, есть ли у них на носу зенитка?

— Нет, герр капитан.

Уже во второй раз субмарина приблизилась к судну, которое шло большим зигзагом. Если не считать орудий, то корабль выглядел вполне безобидным. Его команда еще точно нас не обнаружила. Теперь расстояние было всего лишь 1000 ярдов, и вскоре можно будет начать атаку.

900 ярдов... 800...

— Не спешить. Еще всего лишь несколько сотен ярдов. — Я взглянул на небо и мечтательно проговорил: — Хорошо бы, это проклятое облако подольше осталось на месте. — Не закончив фразы, я нецензурно выругался и приказал: — Лево на борт! Полный назад.

Как раз в тот момент облако начало сползать с луны и с неба на море заструился жемчужно-белый свет. Тут ничего нельзя было сделать. При таком освещении мы не могли, не имели права атаковать. Лодка, как театральная актриса, оказалась на сцене, освещенная яркими софитами. Если нас обнаружат слишком рано, артиллерийская дуэль будет бессмысленна. Единственный выстрел, и подводной лодке придет конец. «Смеющейся корове» пришлось снова искать защиты у темноты.

Через полчаса луна исчезла во второй раз, и экипаж подводной лодки приготовился атаковать. Мы сумели подойти даже ближе чем на 1000 ярдов. И опять на меня уставились вопрошающие глаза, ожидая разрешения открыть огонь, но снова нам пришлось уйти до того, как были сделаны первые выстрелы.

Луна, хитро ухмыляясь, снова совершенно не вовремя вылезла из-за облаков.

Когда же пришлось отменить четвертую атаку, моряки начали мрачно подшучивать над ситуацией. Один из подводников предположил, что луну нужно сделать британским генералом, потому что она единственная одержала победу над «Смеющейся коровой» с тех самых пор, как субмарина покинула Францию.

Около полуночи я решил, что бессмысленно даже пытаться в

столь светлую ночь приблизиться к врагу ближе чем на 1000 ярдов. Облака были для этого недостаточно плотными.

Оставалась всего одна возможность. Я должен использовать для атаки время между заходом луны и рассветом. И я отдал новый приказ:

— Вольно на боевых постах, — и назначил время для новой атаки на четыре часа.

Раздосадованные артиллеристы ушли под палубу.

Чрезмерное рвение перед боем означало, что ситуация может измениться очень быстро. Пока что мы абсолютно точно узнали, что вражеское судно имеет у себя на борту 10,7-см орудие. Каждый подводник знал, что одно точное попадание такого снаряда означало конец лодки. В то же время нам придется послать более двух дюжин снарядов, прежде чем они смогут причинить реальный ущерб этому 5500-тонному судну. «Смеющаяся корова» и ее экипаж собирались пуститься в очень неравное соревнование. Это было еще одно очередное безумное предприятие с непредсказуемым финалом.

Преследование судна было продолжено с безопасного расстояния. Теперь мы установили, что на шлюпочной палубе была зенитка. Всю ночь сухогруз спокойно шел зигзагом.

В конце концов луна зашла. В четыре часа артиллеристы вернулись на боевые посты. Офицерские обязанности были хорошо известны. Я управлял лодкой. Старший помощник контролировал 8,8-см орудие. Второй вахтенный офицер проверял и следил за боеприпасами, а рулевой под палубой помогал штурману.

В пятый раз были приведены в действие рули глубины для всплытия. В пятый раз атака начиналась большим обходом вокруг судна. Теперь отступать было нельзя. Через час солнце поднимется, а тогда уже будет слишком поздно. Жадные глаза пытались проникнуть сквозь темноту и разглядеть палубу и надстройку корабля, высмотреть что-нибудь подозрительное на борту. Расстояние между нами быстро уменьшалось.

— Восемьсот ярдов. Приближаемся.

На мостике вражеского корабля уже было видно вахтенного офицера. Он ходил туда-сюда с зажженной сигаретой во рту. Подлодка приближалась со стороны кормы. Теперь мы шли параллельным курсом и были уже на уровне мостика, а на борту корабля пока не наблюдалось никакого подозрительного движения.

Лодка приближалась все ближе и ближе. Теперь каждый выстрел должен был попасть в цель.

— Все готовы? — спросил я.

— Все готовы, герр капитан.

Я ткнул старшего помощника локтем и сказал:

— Разрешаю открыть огонь.

Команда, отданная рядом со спящим гигантом, который, казалось, должен был вот-вот проснуться, была произнесена шепотом, должно быть чтобы не разбудить великана.

Артиллерийский офицер отдал приказ открыть огонь, и «сумасшедший дом» начался.

— Огонь!

Первый снаряд покинул дуло со звуком, напоминающим удар хлыста. Он летел настильной траекторией, как стрела, и в следующий момент на мостике корабля появилась яркая вспышка огня. В воздух взлетели куски железа. Первый выстрел попал в цель.

— Огонь!

Команды следовали друг за другом, как пулеметные выстрелы. Прозвучал второй выстрел. Ярко-красная вспышка на мгновение ослепила людей на мостике лодки. Когда снова наступила темнота, раздался второй удар. Снаряд оторвал от судна часть надстройки.

Тем не менее судно продолжало идти своим ходом, не сбавляя скорости.

Последовал третий выстрел. Еще одно точное попадание. Обрушилась часть мостика. Люди работали как проклятые. Заряжающий досылал снаряды в ствол с такой скоростью, что казалось, ему нужно было поостеречься, как бы самому не последовать за снарядом к цели.

Люди около пулеметов выглядели хмуро. Они пока еще пребывали в бездействии. Пулеметчики должны были внимательно следить за появлением первых признаков сопротивления. Как только вражеские орудийные расчеты появятся на палубе, именно пулеметчики должны были не дать им добраться до орудий. Казалось чудом, что враг еще не открыл огонь. Видимо, первые снаряды вывели из строя переговорные трубки, и тревогу не могли объявить. Неожиданная атака оказалась абсолютно успешной. По-видимому, спящие моряки должны были сами вскакивать с коек, разбуженные стрельбой.

Последовали четвертый, пятый и шестой залпы, которые и завершили дело разрушения. Теперь уже нельзя было понять, были ли следующие попадания точными. В воздухе скопилось слишком много дыма, который все скрывал. Лодке нужно было развернуться, чтобы заново выйти на цель.

Так противник получил время, чтобы организовать свою защиту. И теперь «U-69» была встречена огнем легких зенитных

орудий. На судне цель еще не обнаружили, и снаряды падали в воду в некотором отдалении от субмарины, не причиняя ей никакого вреда. Едва засекли источник огня, в дело вступило 2-см орудие из «зимнего сада». Спустя секунду после того, как я дал разрешение открыть огонь, первые снаряды достигли своей цели. Вражеский огонь захлебнулся, не прошло и нескольких секунд.

Пока что 8,8-см орудие расстреливало свою цель. Первые два снаряда разбили корму. Третий — сорвал кормовое орудие с основания, подбросив его в воздух.

Носовое орудие было следующей целью. Его орудийный расчет уже был на местах и выпустил первые снаряды. Первые два перелетели лодку. Я подвел «U-69» ближе к корме корабля, чтобы скрыться от вражеского орудия. Мне не хотелось привлекать к себе никакого внимания. Вскоре расстояние между нами стало слишком маленьким для артиллерийского огня. В конце концов старшему матросу Кляйншмидту было дано разрешение открыть огонь из автомата.

Ему пришлось ждать дольше всех. Теперь же он упер приклад в плечо, прижался к нему щекой, согнул палец и начал стрелять по вражеским артиллеристам, причем столь активно, что могло показаться, будто бы он хочет снести все надстройки судна. Уже после первых выстрелов он умудрился вывести из строя весь орудийный расчет. Ни на минуту не останавливаясь, Кляйншмидт стрелял во все, что появлялось на палубе, и в каждого, кто пытался приблизиться к зенитному орудью, которое было прекрасно видно. В то же время расчет 2-см орудия также вел огонь весьма успешно.

Из-за грохота орудий на мостике субмарины нельзя было услышать ни слова. Передавать команды стало невозможно.

Кляйншмидт продолжал стрелять и внезапно обнаружил еще один пулемет, который вел огонь, причем удивительно меткий, с другой позиции. Не снимая палец со спускового крючка, Кляйншмидт сменил цель. Первые выстрелы попали в борт, но затем он поймал в прицел нового атакующего. И этот пулемет также был выведен из строя. Он уже начал высматривать для себя еще какую-нибудь цель, когда винты у судна начали вращаться быстрее. Корабль пытался уйти, используя свое превосходство в скорости. В отчаянии я попытался отдать приказ преследовать врага, но это было невозможно. Сумасшедший грохот пулеметов заглушил мои слова.

Я хлопнул Кляйншмидта по плечу, чтобы тот прекратил палить, но моряк был слишком возбужден, чтобы понять меня. Ему было приказано обстреливать любую цель, и он выполнял свою работу. Он ничего не слышал и не видел, помимо врага. Ему

было безразлично, почему капитану вдруг вздумалось хлопнуть его по плечу. Разозлившись, я стукнул его довольно сильно, но это снова не оказало эффекта на вошедшего в раж стрелка. А ведь каждая секунда была бесценна. Я перешел на крик, люди все так же меня не слышали, а Кляйншмидт продолжал стрелять... Его товарищи на мостике смотрели на этого решительного стрелка, не имея возможности вмешаться. Фактически он своим «томми-ганом» сдерживал врага.

В конце концов у него кончились патроны, и мои команды стали слышны. Я отдал приказ быстро сменить курс, чтобы не отставать от судна. Я не собирался дать ему спастись.

Пока лодка набирала скорость, идя по следу цели, чтобы возобновить атаку, я повернулся к своему пулеметчику:

— Какого черта вы вытворяете, Кляйншмидт? Почему вы не прекратили стрелять, когда я хлопнул вас по плечу?

Он удивленно взглянул на меня:

— Прекратить стрелять? Я думал, что вы поощряете меня стрелять быстрее.

— Что ж, с этим вы справились. У вас еще остались боеприпасы?

— Да. Три магазина.

— Gott in Himmel. Что ж, хорошо.

Теперь я переключил все свое внимание на врага, который шел на полной скорости.

— Ауэрманн, спуститесь вниз и посмотрите, как там дела.

С регулярностью, которая, возможно, побила бы все рекорды по стрельбе, установленные в артиллерийской школе в Киле, каждый выстрел из 8,8-см орудия попадал в цель. Снаряд за снарядом исчезали в брюхе этого гиганта, а артиллеристы 2-см орудия и легких пулеметов внимательно изучали палубы в поисках всего, что движется. И все же враг еще не был выведен из строя. В любой момент он мог заново поставить людей к пулемету или одному из «чикагских пианино». Внезапно один из наблюдателей, стоявший в стороне, пытаясь спрятаться от сильного ветра, закричал:

— Судно идет на нас!

Этого маневра мы ждали. То, что враг попытается протаранить и потопить атакующую субмарину, было вполне очевидно. Лодка продолжала маневрировать. Мы могли подойти еще ближе, при этом оставаясь у него за кормой. С вражеского судна донеслись редкие выстрелы, и нам снова пришлось открыть огонь по зенитным орудиям. Сколько же все это может продолжаться? Или на британском судне была очень уж стойкая, мужественная команда, или у них на борту было необычайно

высокое количество запасных артиллеристов.

8,8-см снаряды продолжали попадать в жизненно важные части судна. Сможем ли мы вывести из строя его двигатели? Ведь очень скоро рассветет, и «U-69» придется прекратить атаку.

Наконец, когда в небе уже появились первые серые отблески рассвета, скорость судна уменьшилась. В конце концов, должно быть, судно получило какие-то повреждения двигателей. Лодка на некоторое время прекратила огонь.

Нужно было принести новые боеприпасы, да и людям требовалась небольшая передышка. Какие самые уязвимые части корабля следовало обстреливать дальше? Уже из нескольких иллюминаторов пробивались оранжевые языки пламени.

— Продолжайте огонь, — приказал я, стремясь скорее завершить бой.

Сумасшедший грохот снарядов разносился над водой далеко вокруг и мог привлечь другие суда, возможно, они уже даже шли к нам. У меня могли возникнуть трудности в том, чтобы избавиться от всех преследователей до наступления дня. Скорость была чрезвычайно важна. Снова весело заговорило 8,8-см орудие. Каждый снаряд проделывал огромную дыру в корпусе вражеского судна в районе ватерлинии. В конце концов судно остановилось, и экипаж начал спускать шлюпки. «U-69» обошла вокруг корабля. Спасательные шлюпки, плавающие среди обломков корабля и груза, мы трогать не собирались. С другой стороны судна мы еще несколько раз выстрелили по ватерлинии, чтобы потопить корабль как можно скорее. Если экипаж покинул судно, сражение можно было считать наполовину законченным. Теперь нужно было только наблюдать за пулеметами на верхней палубе, на случай если враги еще раз попытаются оказать сопротивление. Выстрел следовал за выстрелом, оставляя все более крупные пробоины в корпусе судна, и оно наконец начало крениться.

Внезапно орудие заело. Всего происшедшего оказалось слишком много для старенького 8,8-см орудия. В результате сумасшедшей стрельбы ствол настолько раскалился, что медные гильзы расширились и не извлекались из казенника. На палубу принесли жирную воду, чтобы вылить на ствол и охладить его.

Сражение продолжалось. Наше 2-см орудие и легкие пулеметы вели огонь по судну. Снова «U-69» обошла вокруг сильно поврежденного корабля. Спасательные шлюпки были уже далеко.

Уже наступил ясный день, и мы могли рассмотреть все детали. Вначале я предположил, что у врага было одно орудие в корме и одно в носу и что, возможно, он был также оснащен «бофорсами». Это было довольно значительное вооружение для

грузового судна. Одним точным залпом оно могло разнести подводную лодку на кусочки. Однако, внимательно обследовав судно, мы испытали настоящий шок. Мы обнаружили, что наш враг имел в общей сложности шесть «бофорсов». Кляйншмидт со своим «томми-ганом» и 2-см зениткой вывел их из строя одно за другим. Кроме них на корабле обнаружилось не два, а четыре орудия среднего калибра. Это объясняло бесконечное число артиллеристов на борту. Теперь мне было ясно, что это было не просто торговое судно, а настоящий вспомогательный крейсер.

Осознав, что мы одержали победу над противником в десять раз сильнее нас, причем в артиллерийской дуэли на поверхности воды, что противоречило всем установившимся канонам войны на море, у нас в полном смысле волосы встали дыбом. Враг мог нас уничтожить одним только точным выстрелом, а у нас на победу был один шанс из тысячи.

— Что ж, мы снова победили, и наша удача осталась с нами.

Пока суд да дело, 8,8-см орудие снова было готово к бою, и мы могли продолжить потопление. Теперь стрельба велась медленно, и после каждого выстрела на орудийный ствол выливали воду и чистили ствол. Языки пламени появлялись из разных частей судна. Они высовывались из палубы и бортов и помогали нам выполнять свою работу — топить судно. Боеприпасы кончились, и был выпущен последний снаряд. Сейчас судно представляло собой грудку обломков. Корма еще глубже ушла под воду. Она медленно опускалась, а языки пламени лизали нос все более свирепо. Теперь я дал членам экипажа, которые все сражение провели под палубой и ничего не видели, шанс лицезреть результат доблести «Смеющейся коровы». Ужасный вид горящего и тонущего судна произвел на людей большое впечатление. Когда же они узнали, какое вооружение было на борту у врага, один из моряков почесал голову и сказал:

— Подождите, пока это услышат в адмиралтействе!

После сообщения, посланного в BDU в Керневаль, мы получили ответ из штаб-квартиры «Большого Льва»: «Вы потопили вспомогательный крейсер».^[19]

Вспомогательные крейсера подводные лодки обычно торпедировали, и это был первый и единственный раз, когда подобный корабль был потоплен экипажем подводной лодки с использованием только 8,8-см орудия и легких пулеметов.

Глава 30

ЭТО УДИВИТ ВАС, ГЕРР КАПИТАН

Следующие дни были абсолютно рутинными. Каждый раз, когда солнце поднималось в небо, «U-69» продвигалась все дальше и дальше на север.

Воспоминания об артиллерийской дуэли все еще вызывали у подводников нервную дрожь. Они предпочли бы на полной скорости пойти домой за торпедами и снарядами, но старший механик воспротивился идее мучить его двигатели. Он не переставал повторять:

— Герр капитан, перспектив никаких. Мы никогда не доберемся до дома, если продолжим идти на той же скорости.

Ни при каких обстоятельствах он не желал повторения истории с топливом. Он отвечал за то, чтобы лодка вернулась к причалу с достаточным количеством топлива. А так как никто не знал, какие сюрпризы ждали нас по дороге к дому, то «Смеющаяся корова» продолжала идти на экономичной скорости, как и в течение нескольких последних недель.

Втиснутые в узкий корпус субмарины люди по мере приближения к берегам Франции все больше оживлялись. Они пели и болтали дни напролет. Темы для разговоров не отличались разнообразием: предстоящий отпуск, удачные бои, причем, конечно, в первую очередь артиллерийская дуэль, и скорое прибытие во Францию. Впервые нашей базой должна была стать 7-я флотилия в Сен-Назере. Любой моряк и в мирное время, и в дни войны всегда с нетерпением ожидает визиты в новые порты. Конечно же кое-кто был бы только рад вернуться в Лориан. Наши друзья из 69-го артиллерийского полка, скорее всего, были на Восточном фронте, но Ивонн, Маргарет и другие симпатичные девушки оставались в Лориане и будут сильно разочарованы, если веселые и голубоглазые блондины, возвращения которых девушки ждали, отправятся в другой порт, где будут ухаживать за другими Ивонн или Маргарет. Но Лориан не был концом света, и, возможно, подводникам удастся туда съездить. И девушки, если они действительно были влюблены, смогут нанести им визит в Сен-Назере.

Для начала где-то в дюжине миль от нашего родного порта нам показалось, что «Смеющаяся корова» торопится на встречу со своей судьбой. Вместо ожидаемого конвоя, мы столкнулись с самолетами, причем первый «Сандерленд» был замечен слишком поздно. Он был прямо над нами.

Ни разу еще люди так быстро не спускались вниз. Прежде чем люк захлопнулся, подводники увидели, что самолет начинает пикировать.

Это было сумасшедшее погружение. Кто первый доберется до цели: самолет, который, к счастью, летел на высоте, не допускавшей немедленной атаки, или подводная лодка, опускавшаяся на безопасную глубину? Хороший пилот мог пикировать почти вертикально и достигнуть необходимой для сбрасывания бомб высоты за несколько секунд. С другой стороны, экипажу лодки требовалось несколько секунд для того, чтобы закрыть люк, открыть клапаны и заставить лодку резко уйти под воду. У врага были все преимущества. «U-69» снова стала преследуемой добычей, которой оставалось только одно — убегать. Несмотря на безумное пике самолета, удача, казалось, не отвернулась от нас. Мы решили, что произошло чудо, поскольку успели достигнуть той глубины, на которой считали себя в безопасности от вражеского наблюдения и бомбардировки.

А через несколько секунд хорошо нацеленные бомбы начали рваться рядом с лодкой. Еще одним чудом было то, что до сих пор не было прямого попадания. Мы уже пережили такое количество бомбежек, что везению вполне мог настать конец. В конце бесконечно длинной одиссеи, казалось, судьба решила подвести людей к самым воротам ада. Бомбы разрывались с ужасным грохотом и совсем рядом. Под их ударами лодка завалилась на один бок, причем так сильно, что люди, которые при этом не смогли устоять на ногах, решили, что мы вот-вот опрокинемся.

После нескольких минут абсолютной тишины и молчаливого ожидания снова посыпался град бомб. И опять взрывы раздавались так близко, что, по общему мнению, уже давно должны были разнести нас на молекулы. Оборудованию был нанесен большой ущерб. Более дюжины стекол на приборах было разбито, лампы — уничтожены, кабели и валы сломаны. Все, что было недостаточно надежно закреплено, срывалось с мест и с грохотом падало на пол. Корпус под давлением воды вибрировал и потрескивал. Создавалось впечатление, что все мы сидим внутри гигантского барабана, по которому стучали тысячи молотков. В этом аду было сложно ясно понять, что же на самом деле повреждено.

Как мог человек наверху так точно целиться? Как мог он видеть нашу позицию под водой? Как он узнал, когда мы изменили курс, чтобы уйти от него?

Возможно, в одном из топливных баков утечка и драгоценное топливо сейчас вытекает на поверхность?

— Что вы думаете, Ауэрманн? Вы же были пилотом, — спросил я своего старпома во время очередной паузы. Ветеран испанской войны, он мог знать точную причину.

— Это удивит вас, герр капитан, но он нас видит. Когда море достаточно спокойно, я имею в виду, на нем нет никаких «белых лошадок», то на этой глубине нас видно с самолета довольно четко.

— И вы говорите мне это только сейчас! Мы опустимся еще на три морские сажени вниз.

Когда в конце концов «Смеющаяся корова» рискнула высунуть нос на поверхность воды, вокруг было пусто. И мы, теперь уже гораздо более опытные, продолжили свое плавание.

8 июля 1941 года, спустя много недель, проведенных в море, на горизонте появился французский берег. Теперь можно было поднять аккуратно вышитый победный выпел.

Глава 31

НОВЫЙ КОМАНДИР ДЛЯ «U-69»

Вскоре был установлен контакт с лоцманом, который взялся сопровождать нас к берегу. Радостные и смеющиеся моряки на борту эскортного корабля с интересом изучали победный вымпел.

Они махали руками, приветствуя нас. При сильном волнении на море и ярком солнце «Смеющаяся корова» вернулась во Францию. На молодых небритых лицах теперь красовались окладистые бороды. Каждый подводник, которому не нужно было оставаться внизу на вахте, торопился к платформе зенитного орудия позади мостика, чтобы взглянуть на берег. Слева по борту остался Нуармутье — остров корсаров и викингов, и мы вошли в широкое устье Луары, на северном берегу которой располагалась база подводных лодок Сен-Назер. Экипаж выстроился на верхней палубе. На берегу толпились люди. Это были немецкие и французские рабочие, солдаты и гражданские лица, пришедшие поприветствовать возвращающуюся лодку.

Когда «U-69» подошла к причалу, там нас ждали друзья с других лодок флотилии, знакомые офицеры люфтваффе — в общем, все желающие пожать нам руки первыми. Одни были в форме, другие — в гражданской одежде. Умелые руки с готовностью подхватили швартовные концы и закрепили их на причальных тумбах. Члены экипажа еще не сменили рабочую одежду. Два коротких свистка, и вот уже установлен трап, по которому я сбежал первым и доложил о возвращении корабля командиру флотилии капитану 1-го ранга Золеру.

Золер, командир 7-й флотилии, присутствовал при спуске «U-69» на воду, затем лично следил за тренировками команды и 10 февраля 1941 года отправил лодку из Киля в первый боевой поход. В тот день он снова встретил лодку, но уже на побережье Франции. Он поприветствовал команду, поздравил людей с успешным походом и пожал каждому руку. Все еще небритые и не снявшие с голов панамы, люди с достоинством принимали поздравления. На этот раз даже «Дядя из Бентчена» почему-то молчал.

Как только я сошел на берег, первыми ко мне подбежали три немецкие девушки-медсестры, которые вручили огромный букет цветов, и только потом меня окружили командиры других лодок. Среди людей, которые радостно пожимали мне руки и засыпали вопросами, были и официальные лица. Некоторые из них были хорошо известны как среди друзей, так и среди врагов. И среди

них был Эндрасс, недавно получивший дубовые листья к Рыцарскому кресту. Эндрасс проинформировал меня, что наше поведение в случае с «Робином Муром», хотя и не вполне соответствовало приказам, получило высокую оценку командования. Я принял единственно возможное для немецкого офицера решение.

А тем временем люди получили разрешение сойти на берег, а на борт доставили первую почту. Матросы и старшины радостно приветствовали друзей и знакомых. Краткий отчет об этом походе содержал всего несколько предложений: «Мы делали все: устанавливали мины, останавливали суда согласно призовому праву, использовали все имеющиеся в наличии торпеды и потопили одно вражеское судно с помощью орудий. Запас топлива мы использовали трижды! В общем, это был отличный поход, и посмотрите, что мы привезли для зимнего фонда помощи».

Да, мы многого достигли, и с этим приятным чувством команда упаковывала вещи, складывала свои гамаки и готовилась отправиться в отпуск. Во время долгой стоянки в доке люди не останутся на борту, а будут расквартированы в Ла-Боле. Там они будут жить в относительном комфорте. И действительно, прелести жизни в Ла-Боле очень скоро заставили подводников позабыть о всех тяготах прошедшего похода — непереносимой жаре, захватывающих дух приключениях во вражеских гаванях и постоянной опасности.

На следующее утро я отправился в Керневаль, где встретил самый сердечный прием со стороны адмирала Деница. Когда речь зашла о нашей встрече с американским судном, адмирал сообщил, что BDU запрашивало детали эпизода, и проинформировал меня о некоторых результатах. Этот случай усилил антигерманские настроения в Соединенных Штатах. Противник по-своему истолковал наше исключительно корректное поведение и использовал его в антигерманской пропагандистской кампании. Немецкое адмиралтейство не желало давать Рузвельту повода для проведения враждебной политики. До сих пор мое поведение было не в традициях военно-морского флота Германии.

Позже Дениц вынес свой собственный вердикт о нашем боевом походе: «Очень хорошо выполненная работа. Установка минных заграждений и артиллерийская атака на вспомогательный крейсер стали воистину великолепными достижениями, которыми командир и его команда имеют все основания гордиться. Успех минирования был блестяще подтвержден скорым закрытием обеих гаваней. Потопление

американского корабля „Робин Мур“ противоречило данным приказам».

Через несколько дней gross-адмирал Редер наградил меня Рыцарским крестом.

Сообщения об этом получили широкое освещение в моем родном городе. Статьи обо мне появились на первых страницах газет, причем в них были описаны не только лично я и моя лодка, а даже история жизни моей старой матери. После смерти мужа она руководила его делом и сумела вырастить шестерых сыновей, которые теперь находились в армии. После газетных публикаций репортеры буквально не давали ей прохода.

Вскоре после этого пришло письмо от бургомистра Альтсхаузена, города, где я родился. В мою честь был устроен большой прием. Молодежь прошла по улицам города, и на главной площади был проведен митинг. Вся команда «U-69» получила приглашение провести там отпуск.

Это так и не было сделано, потому что некоторые члены команды, как и после каждого боевого похода, были списаны на берег, чтобы молодые моряки могли набраться боевого опыта. Другие же предпочитали отправиться в отпуск в другие места. После завершения празднования меня в Ульме ждал самолет, чтобы перевезти обратно в Ла-Боль.

В августе 1941 года «U-69», нагруженная боеприпасами, торпедами и топливом, была готова к следующему походу. Доклад командиру флотилии, короткие свистки, несколько команд, и мы уже снова двигались к зоне патрулирования, где достигли первых успехов.

Под защитой кораблей конвоя все шло хорошо. Но едва мы вышли в район с большими глубинами, появились первые самолеты и прозвучал первый сигнал воздушной тревоги. Когда мы, решив, что патрульный самолет уже убрался восвояси, всплыли, оказалось, что он все еще кружит в небе. Разумеется, он нас заметил, но вечерняя дымка сделала маленькую лодку слишком трудной мишенью для летчика. Бомбы упали на некотором расстоянии от лодки и не причинили никакого вреда. В условиях относительно спокойной погоды в Атлантике «Смеющаяся корова» шла на север в назначенный ей квадрат.

В этом походе британские пилоты изрядно усложнили нам жизнь. Прежде чем мы достигли своих «охотничьих угодий», две-три воздушные тревоги в день стали нормой. Бомбы обычно падали близко, но мы уходили на большую глубину и не получали повреждений. Эхо взрывов дало возможность новым морякам заранее прочувствовать будущие атаки глубинными бомбами.

Со времени нашего последнего похода в Северную Атлантику весной здесь все сильно изменилось. Летняя погода облегчила жизнь для подводной лодки, но она была и более благоприятной для вражеских самолетов. Постоянные воздушные тревоги были еще более неприятными, чем штормы, сопровождавшие нас в первом походе.

Были и другие проблемы. Вскоре после ухода из порта я почувствовал недомогание. Поскольку раньше такого не случалось, я решительно отказался сдаваться. Да и командир, ответственный за жизнь людей, находясь в боевом походе, просто не имеет права позволить себе заболеть. Поэтому я, как и раньше, оставался на мостике днем и ночью. Но вскоре терпеть было уже невозможно, и мне пришлось сдать командование Ауэрманну. Теперь я мог только лежать на койке, скрипя зубами от боли. Мои офицеры проинформировали BDU, что у меня воспаление почек и я не могу больше командовать лодкой.

Лодка получила приказ возвращаться в порт, и я должен был отправиться в госпиталь. Ауэрманн и Баде привели «U-69» обратно в Сен-Назер. Команда всячески старалась соблюдать на борту тишину и спокойствие и обеспечить мне возможные удобства. Этот поход завершился, не успев начаться, первый поход без успеха. Люди были расстроены. Я попрощался с командой в Сен-Назере и отправился в госпиталь в Ла-Боле. Командование принял капитан-лейтенант Цан. Он был одним из наших ветеранов и служил в подводном флоте с 1936 года. Поэтому он смог принять командование без предварительного периода тренировок.

Вскоре «Смеющаяся корова» уже находилась к западу от Ирландии и Южной Гренландии. Лодку, которой всегда в Северной Атлантике очень везло, теперь преследовали постоянные неудачи. Атаки самолетов, эсминцев и глубоинных бомб сменяли друг друга непрерывной чередой. Значительно чаще, чем в предыдущих походах, по лодке разносился грохот близких взрывов. Непрекращающиеся атаки превращали людей в затравленных животных, стремящихся забиться в самый дальний угол. К тому же им почти не выпадало шанса атаковать. В тех нескольких случаях, когда «U-69» оказывалась в выгодной позиции возле конвоя, ее вынуждали погружаться. В результате лодка вернулась в порт, так и не достигнув успеха.

Следующий поход, который начался 30 октября и привел «U-69» в район к востоку от Азорских островов, проходил почти так же, хотя атаки вражеской авиации стали еще более частыми и угрожающими. Много раз подводную лодку отгоняли от чрезвычайно заманчивых конвоев.

После третьего (с 18 по 26 января 1942 года) и четвертого (с 31 января по 17 марта) похода экипаж осознал, что их новый командир настоящий ас, ведь он сумел провести их через все атаки невредимыми. В то время как лодки типа IX имели блестящие перспективы в новых районах, ставших доступными после вступления Америки в войну, а другие лодки того же типа, что «U-69», развивали свой успех в тропиках, маленький 500-тонный кораблик стойко противостоял усиливающимся атакам британской береговой авиации. Когда бы лодка ни подошла к конвою, ее моментально засекали вражеские асдики, и ей приходилось прятаться в темных глубинах. В сравнении с этими ужасными походами «простое путешествие» в Атлантику в 1941 году стало казаться детской игрой. Теперь люди считали себя счастливыми лишь потому, что им удалось вернуться в порт. Несмотря на значительное усовершенствование обороны противника, лодка продолжала действовать, но теперь уже без успеха. Время решительных атак в надводном положении на корабли противника в Северной и Центральной Атлантике ушло в прошлое.

Глава 32

«СМЕЮЩАЯСЯ КОРОВА» У АМЕРИКАНСКИХ БЕРЕГОВ

Весной 1942 года капитан-лейтенант Цан был переведен на другой корабль. Большие перемены произошли и в команде. Баде посещал командирские курсы и готовился летом получить собственный корабль. Бывший механик Гартнер перешел стармехом на новую «U-441» в Данциге.

Многие рядовые теперь стали старшинами и перенесли боевой дух старой доброй «Смеющейся коровы» на другие корабли.

В середине марта «U-69» была отправлена в большой боевой поход под командованием капитан-лейтенанта Графа. Новая система дозаправки позволила маленькой подводной лодке принять участие в операциях около американского побережья.

Поход начался совершенно нормально. В Бискайском заливе лодка подверглась привычным атакам с воздуха, как и в предыдущих походах, и к экипажу вернулся былой энтузиазм. Теперь третий боевой поход, после которого лодка стала известна и друзьям, и врагам, остался в прошлом. «U-69» вышла в новый долгий поход.

Погода была восхитительна. Маленькая лодка совершала свое долгое плавание под жарким южным солнцем. Но на этот раз ее курс проходил через Атлантику в Карибское море.

1 мая, находясь в центре Атлантики и в полной безопасности от вражеских самолетов, так называемом «раю для подлодок», они встретили «U-459» под командованием капитан-лейтенанта Виламовиц-Мелиндорфа. «U-459» была первым подводным танкером. Известная под названием «Дойная корова», эта лодка имела задание снабжать боевые корабли топливом, боеприпасами, торпедами, продовольствием, медикаментами и так далее. Служба на таких вспомогательных подводных лодках в определенном отношении была для людей удручающей в сравнении с боевыми кораблями, поскольку эти своеобразные плавбазы не имели приказа вступать в бой.

В сравнительно короткий промежуток времени «U-69» получила топливо и продовольствие и была готова покинуть «Дойную корову» и продолжить свой путь к району боевых действий.

В тот же день после затянувшегося перерыва лодка достигла

успеха, правда весьма скромного. Она потопила маленькое британское судно «Дж. Э. Ньюсом» водоизмещением 641 тонна. Позже она потопила танкер норвежской постройки «Лиза» в 6826 тонн. Судно имело порт приписки Осло, могло принимать на борт 10 574 тонны горючего и находилось на службе у союзников.

10 мая «U-69» достигла района боевых действий в центральной части Карибского моря. В течение четырех суток она вела патрулирование без какого бы то ни было результата. Затем ей на пути попало американское торговое судно «Норлантик» (2206 брт) и было торпедировано. Неделей позже, 20 мая, такая же судьба постигла судно «Турандот». Уже в четвертый раз за этот поход на борту звучал боевой клич. Теперь успехи завоевывались в значительно более тяжелой борьбе, чем раньше, и потопление 12 340 брт в течение трех недель было неплохим результатом.

21 мая «U-69» получила приказ вместе с «U-156» (капитан-лейтенант Хартенштейн) приступить к патрулированию Мартиники, чтобы не дать французским судам выйти из порта. Немецкому адмиралтейству стало известно о планируемой американцами операции по захвату французских колоний.

Во время своего африканского похода команда «Смеющейся коровы» приобрела большой опыт в южных широтах. Новое задание стало повторением, правда в более суровой форме, срочных погружений, долгих часов в темных глубинах и всплытий тропического «крузи». В лодке снова все текло, капало и становилось отвратительно мокрым. Непереносимая жара, еще более усиленная работающими дизелями, делала воздух совершенно непригодным для дыхания, а капающая с подволока вода представлялась людям средневековой пыткой.

Продолжая патрулировать вокруг острова, потопить никого не удалось. В поле зрения подводников почему-то не попадались ни уходящие французские суда, ни приближающиеся британские или американские. С 28 мая по 5 июня лодка патрулировала острова Вест-Индии и только потом устремилась в трехнедельный переход к родным берегам. Чем ближе она подходила к берегам Франции, тем сильнее ощущалось британское превосходство в воздухе. 25 июня «U-69» снова вернулась в Сен-Назер, подняв победный вымпел. На палубе и на мостике, как и раньше, стояли бородатые загорелые моряки. В этом походе они потопили намного меньше тоннажа, чем годом ранее, проведя в море на месяц больше времени.

Подводная лодка нуждалась в серьезном ремонте. К тому же на ней должны были установить некоторые новые приборы. А главное, на ней должен был появиться «метокс» — устройство, регистрирующее работу вражеских радаров.

Радар и радиолокация были плодом работы технической мысли во время войны. Они хорошо зарекомендовали себя уже в самом начале войны. В первое время немецкий флот превосходил британский в области радарной техники.

Уже весной 1941 года во время охоты на «Бисмарка» немецкий радар доказал свое превосходство. Немцы, используя свои работающие на дециметровых волнах приборы, успевали заблаговременно обнаружить противника и точно измерить расстояние. Именно это позволило «Бисмарку» уничтожить британский линкор «Худ», когда они сошлись на дистанцию открытия огня.^[20]

Годом позже картина совершенно изменилась. Вражеские береговые станции не только засекали немецкие лодки в тот момент, когда они начинали радиопередачу, но даже чаще обнаруживали их с помощью радаров и наводили на них самолеты и корабли. При этом их радары, как и немецкие, испускали лучи. Они отражались от металлических частей лодки и возвращались через определенный интервал. Для защиты германский вермахт разработал специальный прибор на основе исследований французских ученых, позволяющий немецкой подводной лодке засечь лучи вражеского радара. «Метоксы» не мешали работе вражеских радаров, но предупреждали о них команды подводных лодок. Таким образом, у подводников появлялось время, чтобы успеть нырнуть до появления вражеских самолетов.

Снова выйдя в море в середине августа, «U-69» получила возможность испытать новый прибор в деле. Когда она удалилась от зоны действия британских воздушных патрулей, дни стали долгими и спокойными. Лодка направлялась к берегам Америки, чтобы принять участие во второй операции по постановке мин. Через три недели после того, как французский берег скрылся из вида, утром 9 сентября лодка подошла к Чесапикскому заливу. Ночью 9 — 10 сентября мины были установлены на морском пути, ведущем в Балтимор. О действенности этого минного заграждения ничего не известно. Через двенадцать дней установленные «U-69» мины были обезврежены американцами. А пока «Смеющаяся корова» находилась на пути к мысу Гаттерас. В течение недели, с 13 по 19 сентября, она вела патрулирование без видимых результатов. Затем она проследовала на север к Новой Шотландии. В начале октября маленький корабль вошел в пролив Кабота, а оттуда в залив Святого Лаврентия. 9 октября «U-69» потопила маленький британский корабль «Каролус», 2573 тонны.

Поскольку никакой другой дичи в пределах видимости не наблюдалось, немецкая подводная лодка снова направилась в

открытое море и 11 октября прошла через пролив Кабота. Через три дня, 14 октября, «U-69» потопила британское судно «Карибу», 2222 брт.

Она оставалась в этом районе до 23 октября, после чего легла на обратный курс. Продовольствие и топливо подходили к концу, зато торпед все еще оставалось в избытке. 28 октября в Атлантике лодка встретила «Дойную корову» — подводную лодку «U-463» под командованием капитан-лейтенанта Вольтбауера.

Последовала обычная процедура: обмен сигналами, переговоры с использованием азбуки Морзе, а затем и мегафона. После этого были переброшены и закреплены швартовные концы и переданы шланги для перекачки топлива. Только теперь эта процедура проходила в последний раз. Пока шла заправка, команда занималась погрузкой припасов.

Снабженная всем необходимым, «Смеющаяся корова» шла домой. 5 ноября она в последний раз вошла во французскую базу, гордо неся победный выпел. Те, кто участвовал в третьем большом боевом походе, теперь могли сказать, что у них за плечами имеется больше морских миль, чем у кого бы то ни было другого. Военный успех этих боевых походов измерялся не только и не столько потопленным тоннажем. Важнейшим итогом стало то, что противник был вынужден принимать действенные меры к защите прибрежных районов Американского континента. Проникнув в залив Святого Лаврентия, лодка в полном смысле сковала значительные силы противника, и, таким образом, ценнейшее судоходное пространство было потеряно для союзников, пытающихся вести бесперебойное снабжение британских островов и войск в Северной Африке. После этой вылазки немцев морские пути переместились к канадскому побережью. Именно поэтому третий поход «U-69» можно считать не менее успешным, чем все предыдущие.

Совершив двенадцатинедельный поход, команда заслужила отдых. Большинство членов команды смогли провести свое четвертое военное Рождество в кругу семьи, и, едва только праздники окончились, лодка была снова готова к боевому походу, теперь уже последнему.

Глава 33

50°50' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ, 40°40' ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ

2 января 1943 года подлодка «U-69» вышла в море в свой последний боевой поход. Примерно половина команды, которая была на борту во время успешных боевых походов на протяжении двух лет, до сих пор оставалась на корабле. Теперь подлодка должна была действовать в составе «волчьей стаи» в Северной Атлантике к востоку от Ньюфаундленда.

Эта «стая» получила название «группа Тайфун». У нас нет никаких официальных данных о последнем походе «Смеющейся коровы». На лодке не уцелел никто.

17 февраля группа «Тайфун» атаковала британские конвои HX-224, SC-118. Плохая погода затруднила действия подводных лодок. Ровно через два года после первого успеха, с «U-69» была отправлена последняя радиограмма. «50°50' северной широты, 40°40' западной долготы. Преследуем конвой в условиях жестокого шторма».

После войны было точно установлено, что «U-69» была уничтожена британским эсминцем «Вискаунт», одним из кораблей эскорта. Эсминцу повезло добиться прямого попадания глубинной бомбой. Он доложил об успешном потоплении лодки в точке именно с этими координатами. Здесь «Смеющаяся корова» нашла свое последнее пристанище в темных глубинах холодного океана.

Другие лодки группы «Тайфун» за три последующих дня отправили на дно два вражеских судна. «U-69» в своем последнем походе не удалось добиться успеха.

«U-69» была из первых немецких лодок, начавших сражаться против Великобритании. Ее действия предшествовали началу подводной войны в Южной Атлантике. Она была одним из первых кораблей, оборудованных новыми устройствами защиты против вражеских самолетов. Также она первой получила защиту от вражеских асдиков. Правда, нельзя не признать, что техника противника тоже претерпела существенные изменения. Сбрасывание глубинных бомб теперь производилось с помощью «хеджехов», а сами глубинные бомбы были начинены новой и высокоэффективной взрывчаткой «торпекс».

В 1942 году были отмечены первые случаи нападений на немецкие подводные лодки «сандерлендов» ночью и в условиях

плохой видимости. Почти все вражеские самолеты были оборудованы новыми приборами обнаружения. И хотя перспективы успеха для отдельных подлодок ухудшились, на пике подводной войны число потопленных судов достигло рекордных цифр.

В то время, когда сталинградская трагедия была уже на пороге, люди заговорили о «Европейской крепости». Немецкие солдаты все еще сражались в Африке и у ворот Азии, но кольцо уже смыкалось вокруг Европы. После вступления Америки в войну превосходство в воздухе и на море прочно перешло к союзникам. Подводная война, о которой у нас на родине слышали только из специальных объявлений и списков потопленного тоннажа, стала для моряков настоящим ночным кошмаром. Когда «U-69» начала свой первый боевой поход, уже появились первые потери. Первый же боевой поход «U-69» показал, какими жертвами достигается успех, какими крепкими нервами, знаниями и мужеством должны обладать подводники. Со временем все больше немецких подводных лодок становились жертвами усовершенствованной обороны противника, однако моральный дух на флоте оставался неизменно высоким. И хотя каждый следующий успех достигался все более дорогой ценой, подводники верили в победу. Вначале была безумная гонка за рекордными цифрами потоплений, а потом моряки были рады, если удавалось потопить хотя бы что-то.

Все более жесткими становились требования к командам. «Если мы на наших маленьких кораблях топим огромные, тяжело нагруженные вражеские суда, значит, это нужно для нашей страны. Но это также значит, что нас будет топить кто угодно и с чистой совестью». Эти невеселые слова можно было услышать среди моряков, но не от офицеров-подводников. Они знали, какой опасности подвергнется Англия, если их блокада будет успешной, и были готовы пожертвовать жизнью, обладая единственным оружием, которым можно было добиться поражения противника. Офицеры должны были всячески поддерживать у людей волю к победе, при этом стараясь не сделать их фаталистами. Благодаря техническим особенностям подводной лодки в большинстве случаев именно офицеры играют главную роль в достижении успеха, они же могут воочию наблюдать за результатами. Это и являлось утешением для многих командиров. Секрет четкого функционирования отдельных лодок заключался в готовности к абсолютному подчинению. Для моряков, которые заключены в самых недрах субмарины и которые никогда не видят, как проходят сражения и что происходит на поверхности, такое безусловное подчинение требовало немалого самообладания.

Мысль, что они служат своей стране и помогают голодным матерям, женам и детям, заключенным в «Европейской крепости», помогала им выжить. Эти люди отказывали себе в элементарных человеческих радостях и находили отдохновение только в тяжелой работе. Боевой поход, как форма высшего идеала, не приносил ни больших успехов, ни лавров, ни захватывающих приключений, способных компенсировать добровольное самопожертвование. Операции всегда выполнялись тщательно и с полной самоотдачей, хотя военное значение подводного флота определяется уже тем фактом, что он своим присутствием заставляет своих противников использовать против него значительные воздушные силы, которые при этом нельзя отправить для бомбардировки городов Германии. Понимая все это, первые члены команды «Смеющейся коровы» были добровольцами. Все они были, безусловно, преданы своему командиру и оставались с ним, кроме офицеров Роудера и Хейдемана, которые после награждения Рыцарскими крестами получили под командование собственные лодки. Мои бывшие соратники находились рядом со мной, хотя отлично знали, что я, к тому времени ставший командиром флотилии, никогда не смогу повторить успехи первых боевых походов. Все они прекрасно понимали, что в 1944 году новая лодка могла рассчитывать только на очень короткую жизнь в море, но были всегда готовы выйти в новый боевой поход, храня дух «Смеющейся коровы», даже если это предприятие могло закончиться на дне моря.

В истории об «U-69» следует упомянуть еще кое о чем. Как вы знаете, на ее боевой рубке была изображена смеющаяся корова, ее девизом, который подводники пронесли через самые суровые испытания до самого последнего дня, был «*La Vache qui Rit*». Первоначальный флибустьерский слоган Гетца фон Берлихингена L... M... A... уступил место фривольной картинке с коробки французского сыра. Все это может дать ключ к пониманию мыслей и чувств моряков, служивших на «Смеющейся корове», тем, кому не пришлось в жизни столкнуться со столь серьезными трудностями. Послевоенные историки, возможно, поймут, что и здесь все познается в сравнении.

В старые времена во Франции — на земле, куда подводники с «U-69» вернулись после первого боевого похода и которую искренне полюбили, — жила могущественная семья графов Бемануа. Это была одна из самых благородных фамилий на Западе, история которой восходит еще ко временам рыцарства. Помимо всех своих прочих достоинств, они умели с улыбкой встречать смерть и опасность. Немецкий рыцарь и поэт Берис фон

Мюнхгаузен написал про них: «Lachend das Grauen besiegen kann nur ein Beauthanoir!». [21]

В годы, последовавшие между двумя войнами, в Германии выросло поколение, которое побеждало смерть улыбками, защищая «Европейскую крепость». В войне на море у людей не было, конечно, времени на песни и пляски, но они не чуждались юмора и были не менее храбры, чем Бемануа в Средние века. И в этом смысле «Смеющаяся корова» вовсе не забавная картинка, а исполненный глубочайшего смысла и чрезвычайно важный символ, выражающий дух людей, ежедневно встречавшихся со смертью.

Дух, царивший на «U-69», остался неизменным, даже когда лодка пришла к месту своего последнего упокоения. Ее дух был жив и в самом конце войны, когда на нашей земле царили террор и разруха и Германия, сокрушенная непрекращающимися бомбовыми ударами, лежала в руинах. Когда уже не было смысла продолжать войну и нужно было только постараться спасти жизнь женщин и детей, остававшихся на востоке, несокрушимый дух подводников помогал морякам вести последние бои уже почти безоружными.

С первого дня в обеих мировых войнах подводникам всегда были свойственны мужество, подчинение присяге, выполнение своих обязанностей, даже если при этом приходилось вступать в единоборство со смертью, а также чувство юмора и любовь к жизни. Именно поэтому они малыми силами достигали потрясающих результатов.

В 1946 году, подводя итог Великой Атлантической битве, «лорды» британского адмиралтейства так охарактеризовали поведение немецких подводников: «Их моральный дух не пострадал, даже несмотря на ужасный конец».

notes

Примечания

На практике в немецком флоте (в отличие от советского) переборочные двери не закрывали даже по тревоге.

«Ни пуха ни пера» (нем.)

«Дядя Эдуард из Бентчена — он лучший из людей» (нем.)

Прозвище низших чинов в немецком морском флоте.

Кислая (квашеная) капуста (*нем.*)

Гром и молния! (нем.)

Проклятье! (нем.)

Судя по списку британских потерь, опубликованному после войны, судном, потопленным 18 февраля 1941 года, было либо «Sea Force» (5495 брт), либо «Empire Blanda» (5693 брт).

BDU — командование подводного флота.

Судя по перечню потерь британского судоходства, это был «Тэмпл Моут», вмещавший 4427 брт. Ошибка из-за плохой видимости и огромного числа судов в конвое всегда возможна и вполне понятна.

«Хеджеhog» — «еж» — противолодочный бомбомет.

Возможно, это был британский корабль «Коултарм» 93 759 брт, о котором после британского поражения сообщили, что он потоплен. Официально судно, возможно, не принадлежало указанному Метцлером конвою. Поэтому понятно, что британский эскорт просто не заметил его маневра.

Фатом — мера глубины 1,82 м. (*англ.*)

Немецкие рейдеры ставили мины у британских портов в Тихом океане.

Это было британское моторное судно «Sougarra», которое после войны было классифицировано как 5445-тонное. Позже оно было поднято с отмели.

Этот инцидент адмирал К. Ассманн, который после войны пытался обрисовать картину немецкой войны на море, ссылаясь на немецкие и британские источники в Лондоне, описал как «нормальный международный инцидент». Cf. K. Assmann. *Deutsche Schicksalsjahre* (Wiesbaden, 1950), p. 392.

После войны было доказано, что третье судно из конвоя SL-76 не было упомянуто в списке погибших. Вероятно, патрульный корвет сумел взять его на буксир. За время битвы в Атлантике Королевский военно-морской флот разработал технику спасения почти потерянных судов. В любом случае этот корабль должен был долгое время провести в сухом доке.

«Томми-ган» — автомат Томпсона калибра 11,43 мм.

Это, возможно, было британское вооруженное судно «St Anselm», 5614 брт, потопленное в тот же день.

Первое успешное применение немецкого радара — 25 декабря 1940 года в бою крейсера «Адмирал Хиппер» против крейсера «Бервик», прикрывавшего конвой WS-SA.

«Только Бемануа может победить смерть улыбкой!» (нем.)